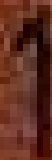

ГРЭМ

ГРИН

Грем Грин

Доверенное лицо

Часть первая

Человек, за которым охотились

I

Чайки парили над Дувром[1]. Они выплывали, как хлопья тумана, и разворачивались к невидимому городу. К их крикам присоединилась пароходная сирена, другие пароходы откликнулись, и вот уже заголосили все суда на рейде. Чью смерть они оплакивали? Пароход шел на малой скорости сквозь горечь осеннего вечера. Он напоминал Д. катафалк, который шофер медленно и бережно ведет к «саду вечного покоя», стараясь не растрясти гроб, как будто покойник стал бы возражать против пары-другой толчков; а над гробом пронзительно завывают истеричные плакальщицы.

Бар для пассажиров третьего класса был битком набит — команда регбистов возвращалась домой, парни в полосатых галстуках затеяли шумную возню у стойки. Д. не мог разобрать, что они кричат, — возможно, это был спортивный жаргон или какой-то местный диалект. Потребуется немного времени, чтобы английский полностью восстановился в памяти. Когда-то он владел им свободно, теперь помнил больше книжный язык, чем живую речь. Человек средних лет, с густыми усами и шрамом на подбородке, с нахмуренным лбом, придававшим лицу выражение глубокой озабоченности, он старался держаться подальше от людей. Но в баре было слишком тесно: чей-то локоть угодил ему в ребро, кто-то дыхнул в лицо пивом. Эти люди изумляли его. Глядя на их окутанную табачным дымом дружную компанию, никто бы не сказал, что идет война. А война шла, и не только в стране, откуда он прибыл, но и здесь, в полумиле от дуврского мола. Он нес войну с собой. Где был Д., там шла война. И он не мог понять, как люди этого не замечают.

— Пасуй сюда, сюда пасуй! — заорал бармену один игрок, но кто-то перехватил его кружку с пивом и крикнул: — Офсайд!

— Вбрасывание! — завопила вся ватага.

— Позвольте, позвольте, — сказал Д., выбираясь из бара.

Он поднял воротник макинтоша и вышел на холодную туманную палубу. Чайки, скорбно крича, неслись над его головой к Дувру. Опустив голову, он принялся расхаживать взад-вперед вдоль поручней, чтобы не замерзнуть. Под ногами он видел не палубу, а поле битвы — зигзаги фронтов, пунктир окопов, клинья прорывов и трупы, трупы... Бомбардировщики, казалось, вылетали из переносицы Д., горы сотрясались от взрывов артиллерийских снарядов. Он не чувствовал себя в безопасности, прогуливаясь по палубе английского парохода, так буднично скользившего к Дувру. Постоянное ощущение опасности

стало частью его бытия. Опасность не сбросишь, как пальто, страх въедается в кожу. С ним и умираешь, только тлен освобождает от страха. Доверять можно лишь себе. У одного его друга нашли под рубашкой церковную медаль. Другой, как выяснилось, состоял в организации не с нашей комбинацией букв в аббревиатуре названия.

Он ходил туда и обратно по холодной открытой палубе третьего класса, до кормы и назад — до деревянных воротец с табличкой: «Только для пассажиров первого класса». Когда-то напоминание о классовых различиях выглядело оскорбительным, теперь, когда появилось столько подклассов и прослоек, само деление уже потеряло всякий смысл. Он взглянул на палубу первого класса — там, на холодном ветру, стоял, как и он, в одиночестве, пассажир с поднятым воротником. Держась за поручни, он смотрел в сторону Дувра.

Д. зашагал обратно к корме. И снова, в такт его походке, один за другим взлетали бомбардировщики. Никому, кроме себя, нельзя верить, а порой и не знаешь, можно ли доверять самому себе. Шефы тебе не верили, как и тому твоему другу с церковной медалью. Тогда они оказались правы, а кто может гарантировать, что они не ошибаются в тебе? Ты сам? Но ты сторона заинтересованная, а идеология — дело сложное, ересь заползает в душу незаметно... Он допускал, что за ним и сейчас следят, — что ж, их тоже можно понять, в конце концов есть кое-какие аспекты экономического материализма, с которыми он, если покопаться в душе, не согласен. Ну, а за соглядатаем тоже приглядывают? Он представил себе бесконечную цепочку недоверия и на миг ему стало страшно. Во внутреннем кармане, который оттопыривался на груди, лежали его так называемые удостоверения, но удостоверять в наше время не значит доверять.

Он медленно пошел назад, словно невидимая цепь не пустила его дальше. Сквозь туман донесся молодой женский голос, резкий и отчетливый: «А я хочу еще одну! Я все равно выпью еще одну!» Раздался звон — там били рюмки. Кто-то плакал за спасательной шлюпкой — как странно все нынче в этом мире... Он осторожно обогнул корму и увидел ребенка, забившегося в угол. Д. остановился. Он не понимал, что происходит, — словно перед ним лежала неразборчивая рукопись, не поддающаяся расшифровке. Интересно, мелькнула мысль, сумеет ли он когда-нибудь снова понимать чужие чувства? Он обратился к ребенку положенным в таких случаях участливым тоном:

— Что случилось?

— Головой ударился.

— Ты здесь один?

— Папа меня сюда поставил.

— За то, что ты ударился головой?

— Он сказал, не надо было шалить.

Ребенок перестал плакать, он закашлялся — туман попал ему в горло. Темные глазенки глядели из укрытия между лодкой и фальшбортом, прося о заступничестве. Д. повернулся и снова зашагал. Он подумал, что заговаривать с ребенком не следовало — за ним наверняка наблюдали отец или мать. Он подошел к табличке «Только для пассажиров первого класса» и заглянул поверх воротец. Тот, другой, приближался сквозь туман, — его цепь была длиннее. Д. увидел сперва тщательно отутюженные брюки, затем меховой воротник и, наконец, лицо. Они вглядывались друг в друга поверх барьера. От удивления оба не знали, что сказать. Кроме того, они никогда друг с другом не разговаривали. Названия их партий начинались с разных букв — их разделяли и эти буквы и великое множество смертей. Давным-давно они встретились на вернисаже, однажды на вокзале и еще как-то раз в аэропорту. Д. не мог даже вспомнить его имени.

Тот отвернулся первым. В зимнем пальто, тощий как корешок сельдерея, высокий, нервный и подвижный, он быстро удалялся на прямых и твердых, как ходули, но достаточно упругих ногах. Вид у него был решительный и целеустремленный. Д. подумал: «Наверное попробует ограбить меня, а то и постарается организовать убийство. У него-то наверняка побольше помощников, денег и друзей. Отправится со своими рекомендательными письмами к пэрам и министрам — он и сам-то, помнится, носил какой-то титул до провозглашения республики, не то граф, не то маркиз». Какое невезенье, что оба они оказались на одном пароходе, да еще заметили друг друга, два тайных агента, выполняющих, быть может, похожие задания.

Снова взвыла пароходная сирена, и вдруг из тумана, словно лица из окон, выглянули другие суда, засверкали огни, вырисовался нос волнолома. Их пароход медленно, сквозь скопление судов, прокладывая себе путь к причалу. Машины сбавили скорость и вскоре застопорились. Д... услышал, как вода плещет о борт — шлеп, шлеп, шлеп. Очевидно, подваливали боком. Кто-то невидимый выкрикнул что-то будто из самого моря. Судно еще подалось бортом, и они причалили — просто и буднично. Поток ринувшихся к выходу пассажиров с чемоданами был остановлен матросами. Словно вознамерившись разобрать пароход на куски, матросы убрали часть перил. И тогда все пассажиры с чемоданами, обклеенными ярлыками швейцарских отелей и пансионатов Биарица, ринулись к трапу. Д. пропустил толпу мимо себя. Весь его багаж состоял из кожаного портфеля, в котором лежали гребешок, зубная щетка и другие мелочи. Пижаму Д. носить отвык — да и что в ней проку, если два-три раза в ночь тебя будит грохот бомбежки и надо бежать в подвал.

Поток пассажиров перед паспортным контролем разделился на два: в одном иностранцы, в другом — британские подданные. Иностранцев было немного; в нескольких шагах от Д. стоял, зябко дрожа в своей шубе, высокий пассажир первого класса. Бледный и изящный, он смотрел с отвращением на распахнутые двери контрольно-пропускного пункта, разместившегося здесь же, на причале, в открытом всем ветрам ангаре. Но Л. быстро, словно сквозняком, пронесло через контроль.

Одного беглого взгляда на его документы оказалось достаточно — таких легко опознают, как предмет антиквариата. Музейный экземпляр, — беззлобно подумал Д. Все они по ту сторону фронта казались ему музейными экспонатами — жизнь их проходила в больших холодных особняках, похожих на городские художественные галереи с унылыми полотнами старых мастеров и инкрустированными шкафами Буля в коридорах.

Д. добрался, наконец, до стойки паспортного контроля. Отменно любезный человек с золотистыми усами спросил:

— Вы полагаете — это ваша фотография?

— Конечно, — ответил Д. Он посмотрел на снимок. Давно ему не доводилось заглядывать в собственный паспорт — годы наверное. Он увидел лицо незнакомца, человека более молодого и явно более счастливого, чем он, — незнакомец улыбался в объектив.

— Это старый снимок, — сказал Д.

Должно быть, он снимался до тюрьмы и до того, как убили его жену, и до воздушного налета двадцать третьего декабря, когда он отсидел пятьдесят шесть часов в подвале под обломками дома. Но все это вряд ли можно было объяснить офицеру паспортного контроля.

— Ну что значит старый?

— Приблизительно двухлетней давности.

— Но вы сейчас совершенно седой.

— Разве?

— Будьте добры, отойдите в сторону. Дайте другим пройти.

Чиновник был вежлив и нетороплив — это была Англия. Там, на родине вызвали бы солдат, немедленно заподозрили бы в нем шпиона, допрашивали бы громко, возбужденно и долго. Рядом с Д. вырос детектив.

— К сожалению, вынужден задержать вас. Не пройдете ли вот сюда на минутку?

Он отворил дверь в какую-то комнату. Д. вошел. Стол, два стула, застекленная фотография на стене — король Эдуард VII[2] на церемонии присвоения скоростному поезду названия «Александра». Сообразно чрезвычайному событию над высокими белыми воротничками — улыбающиеся лица, машинист в котелке.

— Вы уж извините, — сказал детектив, — паспорт в полном порядке, да вот фото... Вы сами взгляните.

Д. подошел к стене и приблизил лицо к застекленной фотографии — это была единственная вещь в кабинете, способная заменить зеркало, — труба паровоза и борода короля Эдуарда изрядно искажали отражение, но пришлось признать, что у детектива были серьезные основания для сомнения — он действительно выглядел теперь иначе.

— Мне, признаться, и в голову не приходило, что я так сильно изменился.

Детектив пристально в него вглядывался. Теперь Д. вспомнил — он фотографировался всего три года назад. Ему было тогда сорок два, но молодых сорок два. Жена пошла вместе с ним в ателье. Он собирался взять в университете отпуск на полгода, поехать за границу, с женой, разумеется. Ровно через три дня разразилась гражданская война. Шесть месяцев его продержали в военной тюрьме, жену расстреляли — по ошибке...

— Война, видите ли, меняет людей, — сказал Д. — Это довоенный снимок.

Он рассмеялся тогда какой-то шутке, что-то там насчет ананасов. Впервые за долгое время они отправлялись в отпуск вместе. Женаты они были пятнадцать лет. Припомнилась допотопная фотокамера и фотограф, нырнувший под покрывало. Жена ему виделась смутно. Она была его страстью, а чувство трудно вспомнить, когда оно мертво.

— Какие-нибудь другие документы у вас есть? — спросил детектив. — Или, может быть, кто-нибудь в Лондоне вас знает? В вашем посольстве, например?

— О, нет, я — частное лицо, совсем незначительная персона.

— Вы совершаете туристическую поездку?

— Нет. У меня несколько поручений делового характера. Есть рекомендательные письма. Впрочем, может быть, поддельные. — Д. улыбнулся.

Как он мог сердиться — седые усы, тяжелые морщины у рта, которых прежде не было, как и шрама на подбородке. Он потрогал шрам.

— Поймите, — у нас идет война.

Интересно, а что тот, другой, сейчас подельывает? Уж он-то, наверное, зря время не теряет. Скорее всего его ждала машина, так что до Лондона он доберется намного раньше его, а это плохо. Надо полагать, у него есть приказ помешать представителю противника закупить уголь. До того, как люди открыли электричество, уголь называли черным алмазом. Сейчас в

его стране уголь стал дороже алмазов, а скоро будет такой же редкостью.

— Ну, что ж, ваш паспорт в полном порядке, — сказал детектив. — Может быть, сделаем так — вы мне скажете, где остановитесь в Лондоне, и этого будет достаточно.

— Понятия не имею.

И вдруг детектив подмигнул ему. Это было так неожиданно, что Д. с трудом поверил глазам своим.

— Ну, хоть какой-нибудь адрес назовите.

— А-а, тогда, допустим, отель «Ритц», кажется, есть такой.

— Есть, но желательно что-нибудь подешевле.

— «Бристоль». В любом городе есть отель «Бристоль».

— Но не в Англии.

— Хорошо, тогда скажите, где, по-вашему, может остановиться такой человек, как я?

— В «Стрэнд-паласе».

— Прекрасно.

Детектив с улыбкой вернул ему паспорт.

— Мы вынуждены проявлять осторожность. Вы уж извините... И поторопитесь, а не то свой поезд упустите.

Осторожность! — подумал Д. — И это они в Англии называют осторожностью. Как он завидовал их уверенности.

Из-за этой задержки Д. оказался в хвосте очереди к таможеннику. Шумные молодые люди были уже, вероятно, на платформе, где их ждал поезд, что касается его земляка, то этот наверняка обошелся без поезда. Ой, у меня тут целая куча такого, что надо вносить в декларацию, — произнес девичий голос. Он уже слышал в баре этот резкий голос — тогда она требовала еще одну порцию виски. Он взглянул на нее без особого интереса — в его возрасте или влюбляются без памяти, или вообще равнодушны к женщинам. А эта грубиянка по возрасту годилась ему в дочери.

— У меня есть бутылка коньяка, — только откупоренная, — сказала она.

Поменьше б ей пить, — промелькнула у него мысль. Голос девушки совершенно не соответствовал ее внешнему облику. Интересно, почему она пила в баре третьего класса? Одетая превосходно, прямо картинка из журнала мод.

— И еще бутылка «Кальвадоса», но тоже початая.

Д. это надоело, скорее бы они с ней закончили и пропустили его. Совсем молоденькая блондинка и неизвестно почему такая задиристая. Она была похожа на ребенка, у которого отняли игрушку, и в отместку капризное дитя требует все подряд, что нужно и не нужно.

— Ну да, это еще одна, — сказала она. — Я и сама хотела вам сказать, но вы же мне рта не даете раскрыть. Вот, полюбуйтесь, и эта тоже початая.

— Боюсь, что все-таки придется взыскать с вас пошлину, — сказал таможенник, — по крайней

мере за несколько бутылок.

— Не имеете права.

— Прочтите инструкцию.

Перепалка затягивалась до бесконечности. Какой-то другой таможенник заглянул в портфель Д. и пропустил его.

— На лондонский успеваю? — спросил Д.

— Уже ушел. Придется дожидаться поезда семь десять.

Часы показывали без четверти шесть.

— А мой отец — владелец этой железной дороги! — яростно доказывала девица.

— Железная дорога никакого отношения к таможене не имеет.

— Мой отец — лорд Бендич.

— Если вы хотите забрать с собой ваши напитки, извольте уплатить двадцать шесть шиллингов и шесть пенсов.

Она — дочь Бендича! Он стоял у выхода, наблюдая за ней. Как бы ему не пришлось с Бендичем так же туго, как таможеннику с его дочкой. Очень многое зависело от Бендича — если он согласится продать им уголь по сходной цене, они продержатся еще несколько лет. Если нет, война может завершиться еще до весны.

Дочь Бендича, кажется, победила, судя по гордому виду, с каким она вышла из дверей, направляясь к виднеющейся в тумане платформе. Рано стемнело, тускло светила лампочка над книжным киоском, у рекламного щита фирмы «Хорликс» стояла железная тележка. Дальше второй платформы ничего не было видно. Этот железнодорожный узел при крупном морском порте — так называл его про себя Д. — мог на поверку оказаться захолустным полустанком, мимо которого скорые поезда проносятся без остановки.

— Ах, черт, ушел! — сказала девушка.

— Будет другой, — сказал Д. — Через полтора часа.

Он чувствовал, что его английский возвращается к нему с каждым произнесенным словом, просачивается в него, как туман и запах дыма.

— Мало ли что они вам сказали! На самом деле в таком тумане поезд наверняка опоздает на несколько часов, — сказала она.

— Мне нужно быть в городе сегодня вечером.

— Всем нужно.

— Дальше от моря, возможно, туман будет не такой густой.

Но она уже не слушала, нетерпеливо устремившись куда-то по холодной платформе, потом и вовсе скрылась за книжным киоском, однако очень скоро вернулась, жуя на ходу булочку с изюмом. Другую она протянула ему, будто сунула сквозь решетку камеры.

— Хотите?

— Благодарю вас.

Он взял булочку и принялся есть с серьезным видом, показывая, что воздаст должное английскому гостеприимству.

— Возьмем напрокат машину, — сказала она. — Я не намерена часами дожидаться поезда в этой дурацкой дыре. Наверное, дальше и правда не такой густой туман.

Значит, она расслышала его слова.

Она швырнула недоеденную булочку в туман, в сторону рельс. Получилось что-то вроде фокуса — была булочка и нет булочки.

— Подвезти вас? — И, видя, что он колеблется, добавила: — Я трезва как стеклышко.

— Благодарю вас. Я и не сомневался. Просто прикидываю, как будет быстрее.

— Быстрее со мной.

— Тогда поехали.

Внезапно на уровне их ног странным образом обрисовалось человеческое лицо — оказывается, они стояли у самого края платформы. Лицо было рассерженное.

— Леди, я ведь не медведь в зверинце.

Она глянула вниз, ничуть не изумившись.

— А разве я это утверждала?

— Вы кинули в меня булкой.

— Не городите ерунду, — сказала она нетерпеливо.

— Оскорбление действием, — сказал человек. — Подсудное дело, леди, — кидаетесь предметами.

— Предмет! Подумаешь, какая-то сдоба.

На уровне их ног появились рука и колено, лицо чуть придвинулось.

— Так вот, имейте в виду...

— Булку бросила не леди, а я, — сказал Д. — Судиться можете со мной. Адрес запишите: отель «Стрэнд-палас» фамилия — Д.

Он взял девушку под руку — ее-то как зовут? — и повел прочь. Человек в тумане взревел от злости, как раненый тюлень: — У-у, иностранец проклятый!

— А знаете, — сказала девушка, — зря вы за меня заступились.

— Зато вы узнали мою фамилию.

— О, а моя, если вам интересно, — Каллен. Роз Каллен. Идиотское имя, но мой папаша, понимаете ли, свихнулся на розах. Он вывел — так ведь говорят? — сорт «Маркиза Помпадур». И еще он любит фруктовые пирожные. Такие подают при дворе. А наш особняк называется Гвин-коттедж.

С машиной им повезло. Гараж рядом со станцией был хорошо освещен, свет от него

проникал сквозь туман ярдов на пятьдесят. В гараже им предложили машину, старый «паккард».

— А у меня дело к лорду Бендичу. Какое странное совпадение.

— Не вижу ничего странного. Кого я ни встречу — у всех к нему есть дело.

Она медленно вела машину, полагая, что держит направление на Лондон. Машину встряхивало на трамвайных рельсах.

— По рельсам с дороги не собьешься.

— Вы всегда путешествуете третьим классом? — спросил он.

— Всегда, — ответила она. — Люблю выбирать общество по своему вкусу. Там хоть не напорешься на папочкиных деловых знакомых.

— Однако я же там оказался.

— Вот черт! — сказала она. — Надо же — в гавань заехали.

Она резко переключила скорость и развернула машину. В тумане завизжали тормоза, послышалась чья-то ругань. Теперь они неуверенно двигались в обратном направлении, машина пошла в гору.

— Ну, конечно, — сказала она, — даже скауты желторотые знают — под гору идешь, к воде придешь.

На вершине холма туман чуть рассеялся, проглянуло холодное серое небо, поблескивали, как стальные, колючки живых изгородей. Все дышало покоем. Ягненок на обочине дороги то скакал, то тихо щипал траву. Вдали, ярдах в двухстах, внезапно засветился огонек. Здесь был мир.

— Наверное, вы тут очень счастливы, — сказал Д.

— Счастливы? — спросила она. — С чего вы это взяли?

— Ну, у вас тут как-то... безопасно.

Он вспомнил, как дружески подмигнул ему детектив, и его слова: «Мы должны проявлять осторожность».

— Нет, по этой части у нас не очень-то, — сказала она своим еще не окрепшим девчоночьим голосом.

— Видите ли, мы уже два года воюем, — устало сказал он. — Я бы по такой дороге ехал очень медленно, чтобы при звуке самолета тут же остановиться и броситься в канаву.

— Ну, я думаю, вы сражаетесь не просто так, у вас ведь есть какая-то цель, верно?

— Уже не помню. Постоянная опасность, помимо всего прочего, со временем убивает в человеке все чувства. Мне кажется, кроме страха, я уже никогда ничего не почувствую. Мы потеряли чувство ненависти — и любви. Вы знаете, статистикой установлено — рождаемость у нас близка к нулю.

— Но ваша война-то продолжается. Значит, есть причина.

— Чтобы кончить воевать, нужно что-то почувствовать. Порой я думаю, что мы держимся за

войну только страха ради. Лишить нас страха, значит отнять последнее оставшееся у нас чувство. Никому из нас мир не доставит удовольствия.

Впереди, как островок, показалась деревушка — старая церковь, маленькое кладбище, гостиница. Он сказал:

— Живя в таком раю, я бы на вашем месте нам не завидовал. — Он имел в виду безмятежный покой этих мест, странную призрачность дороги, убегающей за горизонт, в бесконечность.

— Чтобы вогнать в тоску, не обязательно нужна война. Деньги, родители и еще много чего — это не хуже войны.

— Вы ведь такая молодая, такая хорошенькая...

— Черт возьми, вы вроде собираетесь за мной приударить?

— О нет, нет, не собираюсь. Я ведь сказал вам... Я утратил все чувства. К тому же я уже старик.

Раздался оглушительный выстрел, машину отбросило в сторону, руки Д. взметнулись, прикрывая лицо. Машина замерла.

— Дрянную камеру подсунули, — сказала она.

Он опустил руки.

— Простите, во мне все еще сидит страх. — Руки его дрожали.

— Здесь бояться нечего, — сказала она.

— Не уверен.

Он нес войну в своем сердце. Дайте мне время, — подумал он, — я все здесь заражу страхом, даже эту деревушку. Мне бы надо колокольчик на шею нацепить, как прокаженному.

— Не устраивайте мелодрам, — сказала она. — Терпеть не могу.

Она включила стартер, и машина, подскакивая, докатила дальше.

— Должен же быть тут где-то пост дорожного мастера или гараж, или что-нибудь в этом роде, — сказала она. — Слишком холодно, чтобы менять эту рвань на улице. Да и поздновато — опять туман нанесло.

— По-вашему, можно ехать и дальше на спущенном колесе?

— Не бойтесь, — ответила она.

Он сказал виновато:

— Видите ли, меня ждет в Лондоне довольно серьезное дело...

Она обернулась к нему с недовольным выражением на худощавом, до смешного юном лице, похожая на ребенка, которому стало скучно в гостях. Ей было не больше двадцати. Она годилась ему в дочери.

— Ну зачем вы строите из себя загадочную личность? Хотите произвести на меня впечатление?

— Ничуть.

— Старый трюк.

— И многие его пытались проделать с вами?

— По пальцам не считала.

До чего же печально, — подумал он, — что вот такие юные существа уже знакомы с обманом. С высоты его лет молодость представлялась ему, — как это говорится? — порой светлых надежд.

— Ничего загадочного во мне нет. Обыкновенный бизнесмен, — сказал он мягко.

— Набитый деньгами?

— Что вы! Я представляю довольно бедную фирму.

Она внезапно улыбнулась ему, и он равнодушно отметил, что, пожалуй, кому-то она покажется красивой.

— Вы женаты?

— В каком-то смысле, да.

— Разъехались?

— Нет. Она погибла.

Впереди туман стал бледно-желтым. Она сбавила скорость, и машина, подсакивая, подъехала туда, где краснело множество автомобильных стоп-сигналов и звучали голоса.

— Я предупредила Салли, что мы будем здесь, — прозвенел женский голос.

Блеснула стеклом длинная витрина, донеслась тихая музыка. Низкий голос пел с фальшивым надрывом: «О, помнишь, как ты был печален, одинок, когда впервые повстречались мы с тобою...»

— Ну вот, вернулись к цивилизации, — хмуро сказала она.

— Нам тут заменят камеру?

— Хотелось бы...

Она открыла дверцу, вышла и сразу растворилась в тумане, огнях и прохожих. Он остался в машине. Теперь, когда мотор не работал, холод пробирал до костей. Д. попробовал мысленно набросать план дальнейших действий. Прежде всего ему предписывалось поселиться на Блумсбери-стрит в доме с указанным номером. Надо полагать, жилье было выбрано с таким расчетом, чтобы держать Д. под наблюдением. На послезавтра назначена встреча с лордом Бендичем. Они не попрошайки, они смогут уплатить хорошую цену за уголь плюс проценты с прибыли, когда окончится война. Многие шахты Бендича закрыты, так что обе стороны получают свой шанс. Д. предупредили, что появляться в посольстве нежелательно — посол и первый секретарь не внушали доверия, хотя второй секретарь считался лояльным. Ситуация безнадежно запутанная — вполне возможно, что как раз второй секретарь и работал на мятежников. Как бы то ни было, действовать надо осмотрительно, никто не предвидел осложнений, которые могли возникнуть после встречи на пароходе. Теперь жди всего — от установления конкурентных цен на уголь до убийства. Да, тот уже обогнал его в тумане. Где-то он сейчас?

Д. погасил свет в машине. В темноте вытащил документы из нагрудного кармана и после некоторого колебания засунул их в носок. Дверца машины резко распахнулась и девушка сказала:

— Какого черта вы погасили свет? Я измучилась, пока нашла вас. — Она включила свет и сказала: — Сейчас у них все мастера заняты, обещали прислать чуть попозже.

— Придется ждать?

— Я хочу есть.

Он осторожно вылез из машины, прикидывая, должен ли пригласить ее пообедать. Он берег каждый пенс, избегая лишних расходов.

— Здесь можно пообедать? — спросил он.

— Конечно. А денег у вас хватит? Я истратила последнее су на машину.

— О, да, да. Надеюсь, вы не откажетесь пообедать со мной?

— На это я и рассчитывала.

Он проследовал за ней в дом — в гостиницу или как это еще могло называться? В те дни, когда он молодым человеком приехал в Лондон для занятий в библиотеке Британского музея [3], таких заведений не существовало. Это было что-то новое. Старый дом в стиле Тюдоров[4] — он не сомневался, что это подлинный Тюдор — был набит креслами и диванами, а в том месте, где положено быть библиотеке, находился коктейль-бар. Человек с моноклем взял девушку за левую руку и принялся трясти ее.

— Роз, ну, конечно, это Роз! — воскликнул он. — О, извините, я, кажется, вижу Монти Крукхема! — И с этими словами владелец монокля исчез.

— Ваш знакомый? — спросил Д.

— Да, это администратор. Я и не знала, что он сюда перебрался. Прежде он работал на Вестерн-авеню. — И добавила с усмешкой: — Премиленькое местечко, вы не находите? Вам тут сразу расхочется возвращаться на вашу войну.

Но возвращаться не было необходимости. Он нес войну с собой. Инфекция уже заработала. Через вестибюль он увидел за крайним столиком ресторана сидящего к нему спиной другого агента. Рука Д. затряслась, как всегда бывало перед воздушным налетом. Нельзя просидеть полгода в тюрьме, ежедневно ожидая расстрела, и не выйти оттуда трусом. Он сказал:

— Не пообедать ли нам где-нибудь в другом месте? Здесь слишком людно.

Бояться, конечно, было нечего, но, увидев в ресторане эту сутулую, тощую спину, он почувствовал себя беззащитным, будто стоял в тюремном дворе у голой стены, перед взводом целящихся в него солдат.

— Тут поблизости ничего нет. А чем вам здесь-то плохо? — Она взглянула на него с подозрением. — Много народа? Ну и что? Кажется, вы все-таки собираетесь выкинуть какой-то номер.

— Никаких номеров. Просто я полагаю...

— Я пойду помою руки, а вы ждите меня здесь.

— Хорошо.

— Я на минутку.

Едва она ушла, он оглянулся в поисках туалета — ему требовались холодная вода и время, чтобы поразмыслить, как действовать дальше. Нервы его стали пошаливать, на пароходе он чувствовал себя куда увереннее. Его пугали даже такие мелочи, как хлопок прохудившейся камеры. Он искал глазами администратора с моноклем. В вестибюле было полно народу. Заведение явно процветало, вопреки, а может быть, благодаря, туману. То и дело тявкали гудки машин, подкатывавших из Дувра и Лондона. Наконец он высмотрел администратора, тот беседовал с пожилой седовласой дамой.

— Да, да, такой рослый, — говорил администратор. — У меня есть снимочек, не желаете ли взглянуть? Я сразу вспомнил, что ваш муж просил ему подобрать...

Слова его звучали неубедительно, глаза бегали с одного посетителя на другого. Задубелое лицо с резкими рублеными чертами выдавало в нем солдафона с изрядным стажем армейской службы за плечами. Эмоций на его физиономии было не больше, чем у чучела на витрине зоомагазина.

— Извините, пожалуйста... — начал Д.

— Конечно, первому встречному я такого пса не продам, — администратор круто повернулся к Д. и включил улыбку, словно щелкнул зажигалкой. — Позвольте, где-то мы с вами встречались? — В руке у него был снимок жесткошерстного терьера. — Отличная родословная, а стойка! А зубы!..

— Простите, я хотел спросить...

— Извините, старина, я вижу, к нам Тони пожаловал, — и человек с моноклем испарился.

— Бесплезно о чем-нибудь его спрашивать, — сказала седовласая дама и добавила без церемоний: — Если вам нужен туалет — вниз по лестнице.

Туалет был явно не в стиле Тюдоров — сплошь стекло и черный мрамор. Д. снял пиджак и повесил на крючок. В туалете кроме него никого не было. Д. наполнил раковину холодной водой. Нужно привести нервы в порядок — прикосновение холодной воды к голове обычно действовало на него как электрический разряд. Нервы были до того напряжены, что он молниеносно обернулся, когда кто-то вошел в туалет — судя по внешности, шофер одной из машин. Д. окунул голову в холодную воду и выпрямился. Вода стекала на рубашку. Он нащупал полотенце и прежде всего протер глаза. Стало легче. Рука его совсем не дрожала, когда, обернувшись, он произнес:

— Что вы там делаете с моим пиджаком?

— О чем это вы? — спросил шофер. — Я вешаю свой пиджак. Нечего на меня наговаривать.

— А мне показалось, что вы собираетесь что-то взять из моего кармана, — сказал Д.

— Тогда зови полицейского, — ответил шофер.

— У меня нет свидетелей.

— Зови полицейского или проси прощения, — шофер был здоровенный мужик под два метра. Он с угрожающим видом двинулся к Д. по сверкающему полу. — Сейчас я тебя хорошенько проучу, мозги вон вышибу. Иностранка паршивый, шлятся тут, жрут наш хлеб, думают, им все можно...

— Вероятно, я ошибся, — сказал Д. примирительно. Он и впрямь засомневался. Может быть,

этот тип — заурядный карманник, к тому же он еще ничего не успел украсть.

—

Вероятно, он ошибся. А я вот,

вероятно, из тебя сейчас душу вытрясу. Так не извиняются.

— Я готов принести извинения в любой форме, в какой вам будет угодно, — сказал Д. Война убивает в людях чувство стыда.

— Значит, драться — кишка тонка? — сказал шофер.

— Зачем мне с вами драться? Вы и сильнее, и моложе.

— Да я справлюсь с дюжиной таких паршивых латиносов...

— Ничуть не сомневаюсь, что это в ваших силах.

— Издеваешься, да? — сказал шофер. Один его глаз косил в сторону, казалось, что он говорит, все время поглядывая на каких-то зрителей. Возможно, подумал Д., и впрямь есть зрители.

— Если вы считаете, что я над вами издеваюсь, я готов еще раз принести свои извинения.

— На черта мне твои извинения, захочу — ты мне подметки лизать будешь.

— Весьма возможно.

Пьян он или кто-то подучил его затеять скандал? Д. стоял спиной к раковине. Его слегка подташнивало от надвигающейся беды. Он ненавидел физическое насилие. Одно дело убить человека пулей или самому быть расстрелянным — это механический процесс, который противоречит лишь воле к жизни или вызывает страх перед болью. Другое дело — кулак. Кулак унижает, быть избитым — значит вступить в постыдное отношение с насильником. Д. испытывал к этому такое же отвращение, как к связям со случайными женщинами. Он ничего не мог с собой поделаться, то и другое было противно.

— Опять хамишь?

— И в мыслях не имел ничего подобного.

Его педантично-правильный английский язык, казалось, приводил шофера в бешенство. Он сказал:

— Говори по-английски, а не то я расквашу твою паршивую морду.

— Я — иностранец.

— А я сделаю из тебя мокрое место.

Шофер был уже рядом, его опущенные сжатые кулаки напоминали два куска непрожаренного бифштекса. Видимо, он намеренно распалил себя до бешенства.

— Ну-ка, где твои кулаки? Сейчас выясним, трус ты или герой.

— Я не собираюсь с вами драться, — сказал Д. — Будьте добры, разрешите пройти. Меня наверху ждет дама...

— Она получит то, что от тебя останется, — рявкнул шофер. — Я тебе покажу, как обзывать честных людей ворами.

Он, видимо, был левшой, так как отвел левый кулак для удара. Д. прижался к раковине... Ну вот, сейчас случится самое худшее, он снова на тюремном дворе и к нему подходит охранник, размахивая дубинкой. Будь у него сейчас пистолет, он бы им воспользовался, он был готов на все, лишь бы этот человек не прикоснулся к нему. Он закрыл глаза и откинулся затылком к зеркалу. Он был незащищен. Он не знал даже элементарных основ бокса.

Раздался голос администратора:

— Послушайте, старина, вам дурно? — Д. выпрямился. Шофер отходил от него с видом самодовольного праведника. Не сводя с него глаз, Д. произнес как можно спокойнее:

— Со мной иногда это бывает, как у вас говорят? Головокружение, да?

— Мисс Каллен попросила меня отыскать вас. Может быть, послать за доктором?

— Спасибо, не стоит беспокоиться.

Они вышли из уборной. Д. спросил:

— Вам знаком этот шофер?

— Впервые вижу. Да и упомнишь разве всю обслугу, старина. А что такое?

— По-моему, в туалете его интересовали главным образом карманы моего пиджака.

Глаз холодно блеснул за стеклом моногля.

— В высшей степени маловероятно, старина. Не сочтите меня за сноба, но у нас, знаете ли, бывает только самая лучшая публика. Вы наверняка ошиблись. Мисс Каллен подтвердит вам мои слова, — и добавил с наигранным безразличием: — Вы что, старые друзья с мисс Каллен?

— Нет, не сказал бы. Она весьма любезно согласилась подвезти меня из Дувра, только и всего.

— О, понимаю, — ледяным тоном произнес администратор и проворно взбежал на верхнюю ступеньку. — Вы найдете мисс Каллен в ресторане.

Д. вошел в зал. Какой-то мужчина в свитере под горло играл на пианино, и женщина пела низким, полным тоски голосом. Деревянной походкой Д. прошел мимо стола, за которым сидел тот, другой.

— Что случилось? — спросила девушка. — Я уж решила, что вы от меня сбежали. Вид у вас такой, как будто вы повстречались с привидением.

С того места, где он сидел, был виден Л. — фамилия всплыла наконец в памяти. Он сказал негромко:

— На меня сейчас было совершено нападение. Точнее говоря, пытались напасть... В туалете.

— Что вы мне все сказки рассказываете! — возмутилась она. — Напускаете на себя таинственность. Заказали бы лучше бутылочку «Три медведя».

— Пожалуйста. Но ведь я должен чем-то объяснить свое отсутствие.

— Да вы сами-то верите своим басням? — спросила она раздраженно. — Вы случайно не контуженный?

— Нет, не думаю. Просто не самый приятный попутчик.

— Отчего же! Если бы вы только не чудили и не городили душещипательную ерунду... Я ведь предупреждала — терпеть не могу мелодрам.

— Тем не менее они иногда происходят в жизни. Видите — там сидит мужчина, за первым столиком от дверей. Пока что не смотрите на него. Я готов заключить с вами пари, что он смотрит на нас. Ну как?

— Да, смотрит, но что из этого?

— Он наблюдает за мной.

— Есть и другое объяснение. Он не сводит глаз с меня.

— Почему именно с вас?

— Господи, да потому, что мужчины всегда на меня глазают.

— Ах, да, — сказал он торопливо. — Ну, конечно, понятно.

Он откинулся в кресле и внимательно посмотрел на нее: полные губы, нежная тонкая кожа. Он почувствовал неприязнь к лорду Бендичу — будь он ее отцом, он бы приструнил ее. Женщина на эстраде красивым низким голосом пела какую-то чушь о безответной любви: Слова, одни слова, — я этого не знала, Ты грезил наяву, моя душа пылала, Ты говорил — любви пришла твоей пора, Мне сердце обещал, но то была игра.

Публика, отставив рюмки, жадно слушала, словно внимала высокой поэзии. Даже Роз на минуту перестала есть. Их жалость к самим себе раздражала его — такой слабости не могли позволить себе его соотечественники по обе стороны фронта.

Но все ж тебя сегодня не корю я, Такое время — все живут в обмане, И я, мой друг, не отравлюсь, горя, Как дева в рыцарском романе.

Песенка, очевидно, выражала дух времени в их понимании. Лично он предпочел бы тюремную камеру, руины после авианалета и врага у порога, чем такой «дух». Он задумчиво наблюдал за девушкой. Будь он помоложе, он бы сочинил в ее честь стихи и наверняка получше этих.

Ты только грезил наяву — теперь я это знаю, Слова, одни слова — теперь я понимаю.

— Песенка — дрянь, но почему-то трогает, верно? — сказала Роз. К их столику подошел официант.

— Джентльмен, сидящий у дверей, просил передать вам вот это, сэ.

— Для человека, который только что сошел на берег, вы довольно быстро заводите друзей, — сказала Роз.

Он прочитал записку, короткую и деловую, хотя по ней невозможно было судить о подлинных намерениях ее автора.

— Вероятно, вы опять не поверите, — сказал Д., — но мне только что предложили две тысячи фунтов.

— Конечно, не поверю — если бы предложили, вы бы помалкивали.

— Я говорю правду. — Он подозвал официанта. — Скажите, не знаете ли вы, есть у этого джентльмена шофер, рослый детина, у которого что-то не в порядке с одним глазом?

— Сейчас выясню, сэр.

— Здорово вы играете, — сказала Роз. — Браво! Человек-загадка.

Не иначе как она уже опять перебрала.

— Если вы не будете проявлять умеренность, мы вообще не доберемся до Лондона, — предупредил Д.

Официант вернулся и сказал:

— Да, сэр, это его шофер.

— Он левша, не правда ли?

— Ну, хватит, — сказала она. — Прекратите.

— Я не рисуюсь, — кротко сказал он. — И отнюдь не пытаюсь произвести на вас впечатление. События развиваются с такой быстротой, что я должен быть уверенным в правильности моих подозрений. — Он дал официанту на чай. — Верните джентльмену его записку.

— Будет какой-нибудь ответ, сэр?

— Ответа не будет.

— Почему не написать как джентльмен джентльмену: «Благодарю за предложение»? — спросила она.

— Не хочу давать ему образец моего почерка, он может его подделать.

— Сдаюсь, — сказала она. — Вы победили.

— И все-таки больше не пейте.

Певица смолкла, словно выключили радио — последний звук еще несколько мгновений затихал в воздухе. Несколько пар начали танцевать. Он сказал:

— Нам предстоит еще немалый путь.

— А куда торопиться? Всегда можем остаться здесь ночевать.

— Вы, конечно, можете, — сказал он, — но я так или иначе должен быть сегодня в Лондоне.

— Зачем?

— Мое начальство не поймет причины задержки в пути.

Он знал наверняка, что у них есть график его движения, и они заподозрят именно это — встречу с Л. и попытку подкупа. И никакие его завтрашние подвиги не переубедят их, что где-то на каком-то этапе он не продался врагу. В конце концов, у них на каждого есть своя цена, — с грустью подумал он. — Неспроста вожди продают и перепродают свой народ. Но если чувство долга — та единственная философия, которая у вас осталась, то даже мысль о

всеобщей продажности не собьет вас с пути.

Администратор, помахивая моноклем, пригласил Роз танцевать. Ну, теперь на всю ночь, мрачно подумал Д., — ее уже отсюда не вытащить. Они медленно двигались под тягучую музыку. Администратор крепко прижимал Роз, растопырив пальцы на ее спине. Другую руку он засунул себе в карман, что Д. расценил как явное неуважение к партнерше. Администратор что-то доказывал Роз, то и дело поглядывая в сторону Д. Когда они приблизились, Д. уловил слово «осторожно». Девушка слушала внимательно, хотя ноги уже плохо ей повиновались. Видимо, она была пьянее, чем он предполагал.

Интересно, сменили ли колесо? — подумал Д. — Если машина готова, может быть, после этого танца он уговорит ее ехать дальше.

Он встал и зашагал к выходу. Л. склонился над куском телятины; не отрывая глаз от тарелки, он резал мясо тонкими ломтиками — должно быть, страдал желудком. Теперь Д. нервничал меньше, будто, отвергнув деньги, получил весомое преимущество над своим противником. А шофер? Вряд ли он еще раз полезет к нему.

Туман немного рассеялся. Во дворе стояло шесть машин: «даймлер», «мерседес», пара «моррисов», их старый «паккард» и красная малолитражка. Колесо заменили.

Д. подумал: Вот сейчас бы и уехать, пока Л. обедает. — И тут же услышал сзади на своем родном языке:

— Извините, я хотел бы переговорить с вами...

Д. почувствовал легкую зависть — даже в такой обстановке, во дворе среди машин Л. держался абсолютно уверенно. За этим человеком стояли пять веков внутрикастовых, беспримесных браков, знатная родословная — отсюда и врожденная непринужденность. И вместе с тем, он — жертва, его преследуют пороки его предков, он связан по рукам и ногам их обветшалыми взглядами. Д. сказал:

— По-моему, нам не о чем разговаривать.

Но он не мог не оценить обаяния этого человека — словно некий великий деятель удостоил его своим вниманием, избрав единственного из толпы для личной аудиенции.

— Меня не покидает мысль, что вы не совсем правильно оцениваете сложившуюся ситуацию. — Л. скептически улыбнулся, понимая, что после двух лет войны его заявление звучит как дерзость. — Я хочу сказать, что на самом деле вы — наш человек.

— В тюрьме я этого как-то не почувствовал.

Л. был в некотором роде цельной натурой и производил впечатление человека искреннего. Он сказал:

— Я понимаю — вы прошли через ад. Я посещал некоторые наши тюрьмы. Сейчас они меняются к лучшему. Но начало войны — всегда самое тяжелое время. И вообще, нет смысла сваливать друг на друга жестокости войны. Надеюсь, вам известно, что делается в ваших тюрьмах. И вы и мы — не безгрешны. Так будет и впредь, я полагаю, пока один из нас не победит.

— Не лучший аргумент для человека, который потерял жену.

— Да, это ужасный случай. Вы, вероятно, слышали — мы расстреляли за это коменданта. Я вам вот что хочу сказать... — У Л. был длинный хрящеватый нос, как на старинных потемневших портретах, которые висят в картинных галереях, ему бы пошла шпага, такая же

тощая и длинная, как он сам. — Если вы победите, какая жизнь выпадет на долю людей вашего круга? Вам ведь все равно не будут доверять, ибо вы буржуа. Не думаю даже, что они вам и сейчас доверяют. И вы не доверяете им. Неужели вы серьезно думаете, что среди тех, кто разрушил Национальный музей и уничтожил картины З., найдется хоть один человек, заинтересованный в вашей работе? — Он говорил с пафосом, словно был президентом Академии, воздающим должное заслугам Д.: — Я имею в виду Бернскую рукопись[5].

— Я борюсь не ради себя, — сказал Д. Ему пришло в голову, что, если б не война, они, пожалуй, могли бы стать друзьями. Иногда аристократическое происхождение пробуждает в людях, вот в таких, как это тощее поджарое существо, интерес к наукам, искусствам, желание меценатствовать.

— Я вовсе не имел в виду, что вы сражаетесь за ваши личные интересы, — сказал Л. — Вы еще больший идеалист, чем я. Понимаю, что мои мотивы кажутся вам подозрительными. Мое имущество конфисковано. Уверен, — он грустно улыбнулся, давая понять, что не сомневается в сочувствии собеседника, — что мои полотна сожжены вместе с моей коллекцией старинных рукописей. Правда, у меня не было ничего, что бы заинтересовало вас, разве что один из первых манускриптов «Божьего града» Августина[6].

Этот дьявол-искуситель умел быть привлекательным и проницательным. Д. не нашелся, что ответить. Л. продолжал:

— Но я не жалею. Такие ужасы неминуемо происходят во время войны с тем, что дорого нашему сердцу. С моей коллекцией и вашей женой.

Поразительно, как он не заметил своего промаха! Этот высокий костлявый человек с длинным носом и чувственным ртом явно ждал, что Д. с ним согласится. Он не имел ни малейшего представления о том, что значит любить другое человеческое существо. Его дом, который они сожгли, был, вероятно, похож на музей: старинная мебель, натянутые вдоль стен картинной галереи шнуры в дни публичных посещений. Весьма вероятно, что он знал цену Бернской рукописи, но где ему было понять, что эта рукопись ничего не стоит в сравнении с любимой женщиной. Следуя дальше по ложному пути, Л. добавил:

— Мы оба пострадали.

Неужто этот тип мог хоть на секунду показаться ему другом? Лучше вообще уничтожить цивилизацию, чем отдать власть над людьми в руки вот таких «цивилизованных» господ. Мир в их руках превратился бы в кунсткамеру с табличками: «Руками не трогать». Вместо искренней веры — нескончаемые грегорианские псалмы и пышные церемонии[7].

Чудотворные иконы, кровоточащие или покачивающие головами по определенным дням, были бы сохранены за их необычность — предрассудки заняты. Дай таким волю, они сохранят роскошные библиотеки с древними фолиантами, но запретят печатание новых книг. Нет, лучше недоверие, варварство, предательство, даже хаос. Уж он-то знает — в конце концов средневековье, это его период. Он сказал:

— Действительно, проку от нашего разговора никакого. Между нами нет ничего общего. Даже рукописи тут не помогут.

Он допускал, что Л., не жалея сил, спасал свои коллекции из огня войны, возможно, именно за них он и сражался и убивал. Такие знатоки и ценители — опасная публика, ради своего хобби живую душу прозакладывают.

— Послушайте, все же... — не сдавался Л.

— Мы напрасно тратим время.

Л. подарил ему улыбку:

— По крайней мере я рад, что вы успели завершить ваш труд о Бернской рукописи до начала этой мерзкой войны.

— Для меня это не имеет большого значения.

— О, — протянул Л. — Вы изменяете своим идеалам.

Л. печально улыбнулся. Дело было не в том, что война убила в нем эмоции, а в том, что их и до войны было у него не больше, чем того требовалось для внешнего лоска в великосветском обществе. В лавке древностей таким место. Он проговорил капризно:

— Ну, что ж, я вас отпускаю. Надеюсь, вы не станете меня порицать?

— За что?

— За то, что сейчас происходит.

Высокий, изящно-худощавый, любезный, он, не сумев убедить собеседника, давал понять, что теперь умывает руки. Он был похож на мецената, который покидает выставку художника, обманувшего его ожидания, — внешне чуть опечаленный, но с затаенной злобой.

Д. подождал с минуту и вернулся в гостиную. Сквозь двойные стеклянные двери ресторана ему была видна узкоплечая фигура, вновь склонившаяся над телятиной.

Девушки не оказалось на месте. Она пересела за другой столик к какой-то компании. Монокль поблескивал у ее уха — администратор что-то ей нашептывал. До Д. доносился их смех и резкий, почти детский голос, который он впервые услышал в баре для пассажиров третьего класса: «А я хочу еще одну, я все равно выпью еще одну». Да, она засела тут на всю ночь. Доброта ее немного стоила — угостила булочкой на холодном перроне, подвезла на машине, а потом бросила на полпути. Взбалмошный характер, типичный для людей ее класса, — подадут нищему фунт и начисто забудут о несчастном, едва он скроется из виду. Впрочем, что удивительного — она принадлежит к тому же кругу, что и Л. Он вспомнил своих — сейчас они стоят в очередях за хлебом или пытаются согреться в нетопленных комнатах.

Он резко повернулся на каблуках. Неправда, что война уничтожает в людях все чувства, кроме страха: сейчас он испытывал разочарование и злость. Он вернулся во двор и распахнул дверцу «паккарда». Сторож обошел капот машины и поинтересовался:

— А разве леди не...

— Мисс Каллен остается ночевать, — сказал Д., — можете передать ей, что машину я завтра оставлю у лорда Бендича.

Он ехал осторожно, не слишком быстро. Не хватало еще, чтобы его остановили и арестовали за вождение машины без шоферских прав. Дорожный указатель сообщал: «Лондон — 45 миль». Если все сойдет благополучно, он поспеет на место задолго до полуночи. Он начал раздумывать, в чем заключалось задание, полученное Л. Записка ничего не проясняла: «Не желаете ли принять две тысячи фунтов?» — и все. С другой стороны, шофер обыскивал его пиджак. Если они охотятся за удостоверением и рекомендательными письмами, значит, им известно, ради чего он приехал в Англию. Без этих бумаг английские шахтовладельцы не рискнут подписать с ним контракт. Но только пять человек на родине знали о характере его задания — и все они были членами правительства. Да, вожди продают свой народ. Кто же из пяти его продал? Старый либерал, который однажды выступил с протестом против казней? Или молодой, энергичный министр внутренних дел, который мог рассчитывать для себя на более широкие перспективы при диктатуре? Да любой из них. Там никому нельзя доверять.

Но он твердо знал, что повсюду в мире есть люди, вроде него, купить которых невозможно. А иначе и жить не стоит — если все будут лгать на каждом шагу. Неподкупность для таких людей — даже не вопрос морали, это закон их бытия.

Дорожный указатель показывал 40 миль.

Но зачем здесь оказался Л. — для того лишь, чтобы помешать сделке или потому, что другая сторона так же остро нуждается в угле? У них есть угольные шахты в горах, но, быть может, и впрямь верны слухи, что шахтеры отказались спускаться в забой?

В кабине стало светлее от фар идущей сзади машины. Он высунул руку, показывая, что его можно обогнать. Машины поравнялись. Это был «даймлер». Д. увидел водителя — верзилу, пытавшегося обчистить его карманы в уборной.

Д. нажал на акселератор. «Даймлер» отказался пропустить его вперед. Очертя голову, мчались они бок о бок сквозь редкий туман. Что все это значит? Неужели его хотят убить? В Англии это казалось невероятным, но за два года он привык ко всему. Нельзя пробыть пятьдесят шесть часов погребенным под развалинами разбомбленного дома, а затем выбраться из-под обломков, продолжая считать насилие над личностью невозможным.

Гонка продолжалась лишь несколько минут, стрелка спидометра дошла до шестидесяти, потом он выжал из машины шестьдесят два, шестьдесят три, на какое-то мгновение даже шестьдесят пять, но куда старому «паккарду» тягаться с «даймлером». Тот чуть замедлил ход, давая «паккарду» выйти вперед, а затем, как борзая, прижавшая уши, рванулся со скоростью восемьдесят миль в час. Обойдя «паккард», «даймлер» почти скрылся в тумане, но внезапно развернулся и, заскользив по шоссе боком, стал поперек дороги. Д. резко затормозил. Возможно это или невозможно, но дело, кажется, шло к убийству. Сидя за рулем и ожидая, пока они подойдут, он напряженно размышлял, как сделать, чтобы они не ушли от ответственности — огласка им ни к чему. Его смерть может принести больше пользы делу, чем вся его жизнь. Когда-то он опубликовал со своими научными комментариями одну старофранцузскую поэму. Теперь ценность ее наверняка возрастет.

Голос из тумана произнес: «Вот он, этот прощелыга». К удивлению Д., голос принадлежал не Л. и не его шоферу, который стоял у машины, а администратору. Но Л. там был тоже — Д. видел его тощую, как корешок петрушки, фигуру, колеблющуюся в тумане. Значит, и администратор с ними заодно? Ситуация дикая. Он сказал:

— Что вам нужно?

— Что мне нужно? Это машина мисс Каллен.

Нет, в конце концов, это Англия — никакого произвола, он в безопасности. Просто предстоит неприятное объяснение. Чего Л. думает этим добиться? Не намереваются ли они сдать его в полицию? Девушка-то наверняка не заявит на него. Так что в худшем случае предстоит задержка на несколько часов. Он стал объяснять миролюбивым тоном:

— Я оставил записку для мисс Каллен, я написал, что оставляю машину у ее отца.

— Ах ты мерзавец! — бросился к нему администратор. — Неужто ты действительно думаешь, что можешь вот так запросто укатить с багажом такой славной девушки, как мисс Каллен, да еще прихватить ее драгоценности?

— Я забыл о багаже.

— Но бьюсь об заклад, что ты не забыл о драгоценностях. А ну вылезай.

Делать было нечего. Он вышел из «паккарда». Две или три машины отчаянно сигналили

где-то сзади. Администратор крикнул:

— Эй, старина, дай им дорогу! Мерзавец в моих руках. — Он схватил Д. за отворот пальто.

— Это лишнее, — сказал Д. — Я готов дать объяснения мисс Каллен или полиции.

Машины проехали мимо. За спиной администратора возникла фигура шофера. Л. стоял рядом с «даймлером», разговаривая через окно с кем-то, сидевшим в машине.

— Думаешь, ты очень хитрый, — сказал администратор. — Рассчитываешь, что мисс Каллен, по доброте своей, не станет подавать на тебя в суд.

Монокль бешено раскачивался на шнурке. Администратор приблизился к Д. и прохрипел ему в лицо:

— Не надейся на ее жалость.

Один его глаз был странно неподвижен и голубоват, как глаз рыбы, в нем нельзя было прочесть никаких чувств. Он продолжал:

— Знаю я вашу породу. Втерся к ней в доверие еще на пароходе. Я тебя сразу заприметил.

Д. сказал:

— Я тороплюсь. Дайте мне возможность встретиться с мисс Каллен или доставьте меня в полицию.

— Ездят сюда всякие иностранцы, — не унимался администратор, — пристают к нашим девушкам. Пора вас проучить...

— Ваш приятель, который там стоит, по-моему, тоже иностранец...

— Он джентльмен.

— Не понимаю, — сказал Д., — что вы собираетесь делать?

— Будь моя воля, я бы засадил тебя в тюрьму. Но Роз — мисс Каллен — не хочет заявлять на тебя в полицию.

Он основательно выпил — от него здорово несло виски.

— Мы поступим с тобой лучше, чем ты того заслуживаешь — просто зададим тебе взбучку.

— Вы хотите драться со мной? Но вас же трое.

— О, тебе будет предоставлена возможность защищаться. Снимай пальто. Ты обозвал этого парня вором? Сам ты ворюга. Он тебе сейчас за это вмажет.

Д. ощутил ужас:

— Если вы хотите драться, тогда нельзя ли на пистолетах — один на один?

— У нас это не принято.

— Вы просто хотите воспользоваться чужими кулаками.

— Ты же знаешь, — сказал администратор, — что у меня протез, — он вынул руку из кармана и поводит ею перед лицом Д. Затянутые в перчатку неподвижные, негнущиеся пальцы напоминали руку огромной куклы.

— Я не буду драться.

— Это уж твое дело.

Шофер подошел сбоку. Он был без шапки и без пальто, в тесноватом грубом синем пиджаке, снимать который он посчитал излишним. Д. сказал:

— Он на двадцать лет моложе меня.

— Здесь не Национальный спортивный клуб. Мы не собираемся устраивать соревнования, — буркнул администратор. — Мы хотим тебя проучить.

Он потянул Д. за воротник.

— А ну раздевайся.

Шофер дождался, опустив сжатые кулаки. Д. медленно снял пальто. Как тогда в тюрьме, когда взлетела дубинка и он увидел лицо охранника, его вновь объял ужас перед физической расправой, перед человеческой деградацией. Вдруг он заметил, что сзади подъезжает машина. Он метнулся на середину шоссе и замахал руками.

За рулем маленького «морриса» сидел худощавый мужчина, рядом с ним — седая дородная дама. С видом самодовольным и презрительным она рассматривала странное сборище на дороге.

— Послушайте, — сказал мужчина, — что здесь происходит?

— Пьяные, — ответила его жена.

— Все в порядке, старина, — сказал администратор. Он снова водрузил монокль на свой рыбий глаз. — Меня зовут капитан Керри. Знаете — из клуба «Тюдор». Этот тип украл машину.

— Вы хотите, чтобы мы сообщили в полицию? — спросила дама.

— Нет, не стоит. Владелица — милейшая девушка, добрейшее существо на свете, не хочет заводить дело. Мы сами его проучим.

— Ну, значит, мы вам не нужны, — сказал человек за рулем. — Я не хотел бы вмешиваться...

— Он, знаете, из тех иностранцев, — объяснял администратор, — которые слишком распускают язык.

— Ах, иностранец, — женщина поджала губы. — Поехали, дорогой...

Муж включил сцепление, и машина скрылась в тумане.

— А теперь, — спросил администратор, — ты будешь драться? — И презрительно добавил: — Не трусь. Все будет по справедливости.

— Отойдем-ка лучше в поле, — сказал шофер, — тут слишком много машин.

— Я не двинусь с места, — сказал Д.

— Ладно, тогда здесь.

Шофер ударил его легонько по щеке, и руки Д. инстинктивно поднялись, чтобы прикрыть

лицо. В тот же миг шофер нанес ему удар в зубы. При этом он одним глазом косил куда-то в сторону и потому казалось, что бьет он как-то небрежно, между делом, в полсилы. Дрался он, что называется, «не по науке» и, кажется, стремился не столько побыстрее одержать победу, сколько разбить ему в кровь лицо и причинить побольше боли. Д. не знал, что делать со своими руками, он и не пытался нанести ответный удар — мысль о том, чтобы прикоснуться к этому человеку, внушала ему ужас и отвращение. Шофер прямо-таки молотил его. Д. думал с отчаянием: «Он скоро перестанет, они же не хотят меня убить». После очередного удара он упал. Администратор сказал:

— Вставай, вонючка, не притворяйся.

Когда он поднялся на ноги, ему почудилось, что Л. держит в руках его бумажник. Слава богу, подумал он, что я спрятал бумаги в носок, туда они не доберутся. Шофер подождал, пока он встанет, и нанес ему удар такой силы, что он отлетел к живой изгороди. Шофер отступил на шаг и ждал, ухмыляясь. Д. видел с трудом, рот его был полон крови, сердце прыгало в груди, и он думал с непонятной радостью: Идиоты, они действительно меня убьют. В конце концов это было бы неплохо. Пусть убивают. — Собрав последние силы, он выбрался из кустарника и ударил шофера в живот. Он услышал, как администратор закричал:

— Ах ты, свинья! Бить ниже пояса! Давай, кончай его!

Он снова рухнул наземь от удара кулаком, который показался ему твердым, как кованый каблук. Странно, но ему послышалось, будто кто-то считает: «Семь, восемь, девять».

Один из них расстегнул на нем пиджак. Вдруг ему почудилось, что он опять лежит в подвале, заживо похороненный под горами битого кирпича, рядом с мертвой кошкой. Потом он ощутил прикосновение чьих-то пальцев, шаривших в поисках чего-то по его рубашке. Вернулось зрение, и он увидел почти в упор физиономию шофера. Чувство торжества охватило его — он выиграл этот раунд. Он презрительно усмехнулся в лицо шоферу.

Администратор спросил:

— Как он — в порядке?

— Да, сэр, в полном порядке.

— Ну, — обратился администратор к Д., — надеюсь, это послужит тебе хорошим уроком.

Д. с трудом встал на ноги. Ему бросилась в глаза явно озадаченная физиономия администратора. Он напоминал школьного учителя, который высек ученика, но убедился при этом, что тот неисправим. Администратор повернулся спиной к Д.

— Ну, поехали. Я сам поведу машину мисс Каллен.

— Вы меня подвезете? — спросил Д.

— Тебя? Конечно, нет, черт возьми. Можешь топтать пешком.

— В таком случае ваш приятель, быть может, вернет мне пальто?

— Сам возьмешь.

Д. подошел к кювету, в котором валялось его пальто. Он не помнил, что оставил пальто именно здесь, рядом с машиной Л. Тут же лежал бумажник. Он наклонился за вещами, и, когда, преодолевая боль, распрямылся, увидел Роз. Все это время она сидела на заднем сиденье «даймлера» — машины Л. Он снова заподозрил весь мир в вероломстве — неужели она тоже заодно с Л.? Нет, это абсурд, конечно. Она пьяна и обо всем происшедшем имеет

еще более смутное представление, чем этот идиот капитан Керри. Застежка-молния на его бумажнике была раскрыта, она всегда заедала, а тому, кто открывал бумажник, было не до того, чтобы его застегивать. Он поднес бумажник к окну машины:

— Посмотрите, эти люди очень старались. Но они не нашли того, что им нужно.

Она взглянула на него сквозь стекло с отвращением — наверное, лицо его было в кровоподтеках.

Администратор сказал:

— Оставь мисс Каллен в покое.

Д. продолжал:

— Всего-навсего выбили несколько зубов. Ну, что же, в моем возрасте так или иначе их приходится терять. Быть может, мы с вами увидимся в Гвин-коттедж.

Она смотрела на него с безнадежно озадаченным видом. Он хотел приложить руку к шляпе, но шляпы на голове не было, должно быть, он потерял ее где-то на дороге. Он сказал:

— А сейчас вы должны меня извинить. Мне предстоит долгий путь пешком. Но я хочу вас серьезно предостеречь: будьте осторожны с этими людьми.

Он зашагал в сторону Лондона и услышал, как в темноте, позади него капитан Керри негодуяще воскликнул: «Вот дьявольщина!» Ему подумалось, что день был длинный но, в общем, успешный.

События этого дня не были для него неожиданными — в такой атмосфере он прожил последние два года. Окажись он на необитаемом острове, и там бы насилие каким-то образом вторглось в его одиночество. Уехав из своей страны, он не ушел от войны, изменились только средства: кулаки — вместо бомб, воровство — вместо артиллерийского обстрела. Только во сне он отдыхал от насилия — сны его как правило воскрешали мирные сцены прошлой жизни. Как это называется — компенсация или исполнение подсознательных желаний? Но тайны собственной психики его теперь мало занимали. Снились ему обычно университетские аудитории, его жена, иногда — вкусная еда, вино и очень часто — цветы.

Он шел по обочине дороги, чтобы не попасть под машину. Мир был окутан густой тишиной. Порой из темноты выступал коттедж с пристроенным к нему курятником, изредка меловые откосы дороги вспыхивали, как киноэкраны, под лучами фар. Интересно, каков будет следующий ход Л.? У него мало времени, и сегодня он ничего не добился, разве что узнал о предполагаемой встрече Д. с Бендичем. Неосторожно было рассказывать дочери Бендича о назначенном свидании с ее отцом, но разве мог он предположить, что мисс Каллен встретится с Л. Мысли о делах настолько поглотили его, что он забыл об усталости и боли. Он шел, как автомат, не замечая времени. Наконец, очнувшись от дум, он увидел свои шагающие ноги и подумал, что хорошо бы остановить попутную машину. И тут же услышал позади натужный рев взбиравшегося в гору грузовика. Он вышел на дорогу и поднял руку — немолодой, основательно помятый человек со странной, подпрыгивающей походкой.

II

Первые трамваи, покачиваясь на ходу, огибали общественную уборную на Теобальд-роуд, направляясь к Кингсуэю. Грузовики из восточных графств катили к Ковентгарденскому рынку.

Через большую площадь Блумсбери, обсаженную голыми в эту пору деревьями, трусил домой кот, нагулявшийся по чужим крышам. Город показался Д. необычайно открытым и до смешного неразрушенным. Никто не стоял в очередях, никаких признаков войны, кроме него самого. Он нес свою заразу мимо закрытых магазинов, табачной лавочки, общественной библиотеки. Он знал номер дома, но на всякий случай полез в карман, чтобы проверить в записной книжке — книжка пропала. И так, они все-таки получили кое-что за свои хлопоты. Но что там было еще, кроме его адреса, который представлял для них хоть какой-то интерес? Вырезка из французской газеты с кулинарными рецептами капустных блюд, откуда-то им выписанная цитата английского поэта итальянского происхождения — стихи перекликались с его переживаниями после гибели жены:

И все равно стук сердца моего

Летит вослед твоим шагам,

И хоть меняются пути и дни

И безответна страсть,

Любви полет не кончен[8].

Было еще там письмо из французского ежеквартального журнала по поводу его старой статьи, посвященной «Песне о Роланде». Любопытно, что Л. и его шофер подумали о стихах, скорее всего они приняли их за шифр. Нет пределов человеческому легковерию и подозрительности.

Хорошо хоть, он помнил номер дома — 35. Не без удивления он обнаружил, что это гостиница, хотя и дешевенькая. Распахнутые парадные двери были верной приметой таких заведений в любом европейском городе. Он огляделся — район этот он помнил смутно. С ним были связаны полузабытые чувства и воспоминания о занятиях в Британском музее, учебе, мирной жизни, любви. Улица выходила на большую площадь — вдали чернели прихваченные морозцем деревья, виднелись фантастические купола какого-то огромного отеля, реклама, приглашавшая посетить «Русские бани». Д. вошел в подъезд и нажал кнопку звонка рядом со стеклянной дверью. Где-то в глубине часы пробили шесть раз.

За дверью показалось остренькое, изможденное личико девчушки лет четырнадцати.

— У вас для меня заказан номер. Моя фамилия — Д.

— А мы вас вчера вечером ждали, — сказала девочка. Она торопилась завязать фартук с бантиком. Глаза у нее были сонные. Он догадался, что в ушах у нее еще дребезжит беспощадная трель будильника.

— Ты мне только дай ключи, — сказал он мягко, — я сам поднимусь в номер.

Она с ужасом вглядывалась в его лицо.

— Попал, понимаешь, в небольшую автомобильную аварию, — объяснил он.

— Ваш номер — двадцать седьмой. На самом верху. Я вас провожу.

— Не беспокойся.

— Ах, да какое тут беспокойство. Вот когда «на часок» снимают, тогда, правда, беспокойство. Так и шастают по ночам — одни приходят, другие уходят.

Чуть не с самого рожденья жизнь этого невинного существа соседствовала с грехом.

До третьего этажа лестницу покрывала ковровая дорожка, дальше шли голые деревянные ступени. Приоткрылась какая-то дверь, выглянул индеец в цветастом домашнем халате, окинул их тяжелым взглядом, полным ностальгической тоски. Девочка, как поводырь, поднималась впереди, с трудом одолевая ступени. Дырка на пятке чулка мелькала над задником разношенной туфли. Будь ребенок постарше, он назвал бы ее неряхой, пока что на нее было просто грустно смотреть.

— Есть какое-нибудь письмо для меня? — спросил он.

— Один мужчина заходил вчера вечером. Оставил записку. — Девочка отперла дверь. — Она на умывальнике.

В комнатухе была железная кровать, стол, покрытый скатеркой с бахромой, плетеный стул, на кровати — покрывало из реденькой голубоватой ткани, застиранное и выцветшее.

— Принести вам горячей воды? — хмуро поинтересовалась девочка.

— Нет, нет, не беспокойся.

— А что на завтрак хотите? У нас обычно заказывают копченую селедку или яйца всмятку.

— Я вообще сегодня не буду завтракать. Посплю немножко.

— А хотите, я приду и вас разбужу?

— О, нет, не надо. Зачем тебе лишний раз взбираться на такую верхотуру. Я привык сам просыпаться. Так что не беспокойся.

— Так приятно обслуживать джентльмена, — с горячностью сказала девочка, — а то все эти, которые «на часок», ну, понимаете, о ком я говорю, да еще индийцы.

Ее доверие нарастало с каждым словом, на глазах превращаясь в преданность. Она была в таком возрасте, когда одним словом можно завоевать ее сердечко навеки.

— А вещи у вас есть?

— Нет.

— Хорошо, что за вас поручились. Мы не сдаем комнаты людям без багажа. Приехал без всего — не пускаем.

Его ждали два письма, засунутые за стакан для чистки зубов на полочке над умывальником. В первом он обнаружил приглашение на бланке с грифом «Центр по изучению энтернационо». Машинописный текст гласил: «Стоимость курса из тридцати уроков энтернационо — шесть гиней. Ознакомительный урок для вас назначен на 8.45 утра шестнадцатого сего месяца. Весьма надеемся, что после этого вам захочется записаться на весь курс. Если предлагаемое время вас почему-либо не устраивает, соблаговолите позвонить нам и мы перенесем занятия на любое удобное вам время». Во втором письме секретарь лорда Бендича подтверждал, что назначенная встреча состоится.

— Мне вскоре надо будет выйти по делам, а пока хотелось бы вздремнуть.

— Грелку вам принести?

— Нет, я прекрасно обойдусь без грелки.

Она взволнованно переминалась у двери.

— А еще здесь есть газовый камин со счетчиком. Знаете, как им пользоваться?

Лондон не изменился! Он вспомнил тикающий счетчик, жадно поглощавший пенсы, и его непостижимый циферблат. Долгими вечерами они вдвоем выгребали медяки, он — из кармана, она — из сумочки, покуда не оставалось ни одного, а ночь становилась все холоднее, и она уходила, не дождавшись утра. Он вдруг понял, что два года мучительные воспоминания только и ждали, чтобы наброситься на него.

— Да, да, — сказал он быстро, — я знаю, спасибо.

Она жадно ловила его «спасибо» — ведь он был джентльмен. Судя по тому, как тихонько она прикрыла за собой дверь, одна ласточка, по крайней мере в ее глазах, все-таки делает весну.

Д. снял туфли и улегся на кровать, не смыв даже кровь с лица. Он приказал своему подсознанию, как надежному слуге, которому достаточно одного словечка, разбудить его в 8.15, и почти немедленно провалился в сон. Снилось ему, что какой-то пожилой человек с прекрасными манерами идет рядом с ним вдоль реки и спрашивает о «Песне о Роланде», иногда весьма почтительно возражая. На другом берегу реки высится группа строгих красивых зданий, похожих на нью-йоркский Рокфеллер-центр, который он видел на открытках. И что-то приятное наигрывает оркестр. Когда он проснулся, часы на руке показывали ровно 8.15.

Он встал, умылся, выполоскал сгустки крови изо рта. Он потерял два зуба, но не передних. «К счастью», — мрачно подумал он. Жизнь, кажется, задалась целью делать его все менее и менее похожим на фото в паспорте. Синяков и царапин на лице было меньше, чем он ожидал. Он спустился вниз. В вестибюль доносился запах рыбы из столовой. Маленькая служанка, ничего не видя вокруг, налетела на него, держа тарелку с двумя яйцами.

— Ой, — воскликнула она, — извините!

Он почти инстинктивно задержал ее.

— Как тебя зовут?

— Эльза.

— Послушай, Эльза, я запер дверь своей комнаты. Прошу тебя, приглядывай за ней, чтобы никто туда не заходил, пока меня нет.

— Ой, да никто и так не войдет.

Он ласково положил ей руку на плечо.

— Кто-нибудь может попробовать. Так что держи ключ при себе, Эльза. Я тебе верю.

— Я присмотрю, я никого не пущу, — шепотом поклялась она. На тарелке катались яйца.

«Центр по изучению энтернационо» обосновался на третьем этаже дома на южной стороне Оксфорд-стрит. На первом этаже была лавка, торговавшая бусами, над ней — страховая компания и редакция журнала «Психическое здоровье». Старенький лифт, дергаясь, поднял его на третий этаж. Он не представлял себе, что ждет его наверху. Толкнув дверь с табличкой «Справочная», он оказался в большой, насквозь продуваемой комнате с несколькими

креслами, двумя шкафами, набитыми папками, и конторкой, за которой сидела занятая вязанием дама средних лет.

— Моя фамилия — Д., — сказал он. — Я пришел на ознакомительный урок.

— Я очень рада, — сказала дама, одаряя его ослепительной улыбкой. Морщинистое лицо ее под нечесанными, торчащими в разные стороны волосами излучало идеализм. На ней был синий шерстяной джемпер с болтающимися алыми помпонами. — Надеюсь, что вскоре вы станете нашим добрым другом. — И с этими словами дама позвонила в колокольчик.

Ну и страна! — подумал он насмешливо, но не без восхищения.

— Доктор Беллоуз любит перекинуться словцом с новыми слушателями, — сказала она.

Интересно, не к нему ли меня направили? — подумал он. За конторкой приоткрылась маленькая дверь в кабинет.

— Пройдите, пожалуйста, — сказала дама.

Нет, он ни за что не поверит, что его командировали к этому Беллоузу. Д-р Беллоуз стоял посреди крохотной комнатухи — крашенные под орех стены, кожаные кресла, запах высушенных чернил — и простирая руки навстречу гостю. У него были гладкие седые волосы и взгляд, полный робкой надежды. «Ме трей жоес», — приблизительно так прозвучало его приветствие. Жесты и голос были красноречивее лица, которое, казалось, сохлось от бесчисленных неудач.

— Первые слова на языке энтернационо — всегда слова приветия, — сказал д-р Беллоуз.

— Очень приятно, — сказал Д.

Д-р Беллоуз затворил за ним дверь.

— Я устроил так, что первый урок вам даст — надеюсь, вскоре я смогу сказать «уроки» — ваш соотечественник. Такого правила, по возможности, придерживается наша система. Это способствует лучшему взаимопониманию и постепенно прокладывает путь к новому мировому правопорядку. Вы сами убедитесь, что мистер К. весьма способный педагог.

— Не сомневаюсь.

— Но прежде всего, — сказал д-р Беллоуз, — я, как принято, хотел бы вкратце ознакомить вас с нашими идеалами.

Все еще держа Д. за руку, он любезно подвел его к кожаному креслу.

— Я всегда питаю надежду, что новичка привела к нам любовь.

— Любовь?

— Любовь к человечеству. Желание обрести средство общения с людьми всех стран и континентов. Ненависть, войны, о которых мы читаем в газетах, все это проистекает от непонимания друг друга. Ах, если бы мы все заговорили на одном языке... — Он вздохнул горестно, ничуть не актерствуя. — Я всегда мечтал помочь такому сближению.

Суетливый, невезучий человек, он пытался претворить свою мечту в жизнь и понимал, что хорошего из этого пока вышло мало — кожаные креслица, продуваемая сквозняками приемная, тетка в джемпере с вязанием в руках. Он мечтал о всеобщем мире, а располагал двумя этажами в доме на южной стороне Оксфорд-стрит. Было в нем что-то от святого, но

святым сопутствует удача...

— Вы занимаетесь весьма благородным делом, — сказал Д.

— Я хочу, чтобы каждый, кто к нам приходит, понял, что он вступает с нами, ну, как бы это сказать, не в коммерческие отношения. Мне хочется, чтобы вы все чувствовали себя моими соратниками.

— Конечно, конечно.

— Я понимаю, что мы пока еще немногого добились. Но дела у нас обстоят лучше, чем может показаться. В наших рядах — итальянцы, немцы, сиамцы, один из ваших земляков, ну и, конечно же, англичане. Естественно, наибольшую поддержку мы получаем от англичан. Увы, не могу сказать того же о французах.

— Это вопрос времени, — сказал Д. Ему было жаль старика.

— Я занимаюсь этим делом уже тридцать лет. Конечно, война нанесла нам страшный удар. — Внезапно он выпрямился в кресле и твердо сказал: — Но итоги этого месяца великолепны, мы уже дали пять ознакомительных уроков. Ваш — шестой. Не смею вас дольше отрывать от мистера К.

Часы в приемной пробили девять.

— Ла ора сонас, — сказал д-р Беллоуз с испуганной улыбкой и протянул ему руку. — Это значит — «Часы бьют». — Он снова взял Д. за руку, словно испытывал к нему особую симпатию. — Всегда приятно познакомиться с умным человеком. С такими, как вы, можно сделать много добрых дел. Могу ли я надеяться на еще одну, столь же интересную беседу с вами?

— Разумеется.

В дверях д-р Беллоуз еще чуточку задержал его.

— Да, хочу предупредить вас — мы учим прямым методом. Мы верим, полагаясь на ваше слово, что вы будете общаться с преподавателем исключительно на энтернационо.

И он закрылся в своей комнатенке.

Женщина в джемпере сказала:

— Какой интересный человек доктор Беллоуз, не правда ли?

— Он полон великих надежд.

— Кто-то же должен надеяться, ведь верно? — Она вышла из-за конторки и проводила его к лифту. — Комнаты для занятий на четвертом этаже. Нажмите кнопку. Мистер К. вас ждет.

Лифт, громохоча, поднял его на четвертый этаж.

Интересно, как выглядит этот К. — наверное, не вписывается в эту обстановку, поскольку принадлежит к тому же растерзанному миру, откуда явился он сам.

Но мистер К. вполне вписывался, если и не в идеализм, то, по крайней мере, в обстановку этого заведения. Маленький потертый человечек с пальцами, перепачканными чернилами, он был похож на низкооплачиваемого преподавателя языка заурядного коммерческого училища. Он носил очки в стальной оправе и явно экономил на бритвенных лезвиях. Он открыл дверь лифта и сказал:

— Бона матина.

— Бона матина, — ответил Д., и мистер К. повел его по коридору, обшитому сосновыми панелями, раскрашенными под орех. Одна большая комната, размером с приемную этажом ниже, была разделена на четыре клетушки. Из головы Д. не выходила мысль — не тратит ли он время понапрасну, может быть, произошла какая-то ошибка? Но тогда кто же дал им его фамилию и адрес? Или все это подстроил Л., чтобы выманить его из отеля, пока они там обшаривают его номер? Тоже невозможно. — Л. не мог узнать его адрес до того, как завладел его записной книжкой.

Мистер К. повел его в одну из клетушек, где было тепло от батарей. Двойные оконные стекла не пропускали ни воздуха, ни шума с Оксфорд-стрит, тянувшейся внизу. На одной стене висела простенькая, по-детски нарисованная картинка: семейство, готовящееся к трапезе на фоне домика, типа швейцарского шале. У отца семейства в руках ружье, у одной из дам — зонтик. На заднем плане красуются горы, лес и водопад. Стол завален всяческой снедью — яблоки, кочан капусты, цыпленок, груши, апельсины, картофелины, кусок мяса. Один ребенок играет с обручем, а другой младенец сидит в коляске и сосет из бутылочки. На другой стене висел игрушечный часовой циферблат с картонными стрелками. Мистер К. сказал: «Табло», — и постучал по столу. Затем с нарочитой старательностью уселся в одно из двух кресел и произнес: «Эссего». Д. тоже сел. Мистер К. сказал: «Эль тимо эс» и указал на часы — «нуево». После чего произнес «Атентио» и начал извлекать из кармана какие-то коробочки.

— Извините, — сказал Д., — тут, наверное, какая-то ошибка...

Мистер К. принялся ставить одну коробочку на другую и при этом считал: «Уна, да, треа, квара, виф». И шепотом пояснил:

— Правила запрещают нам говорить не на энтернационо. Если меня на этом поймут, то оштрафуют на шиллинг. Так что, пожалуйста, говорите шепотом, если не на энтернационо.

— Кто-то организовал для меня урок...

— Совершенно верно. У меня есть инструкция. — И сказал громко, указывая на коробочки: — Ку сон ля? — Сам же ответил: — Ля сон кастес. — И спросил шепотом: — Что вы делали прошлым вечером?

— Я желал бы взглянуть на ваше удостоверение.

К. достал из кармана карточку и положил ее перед Д.

— Ваш пароход опоздал только на два часа, а в Лондоне вас вчера вечером не было.

— Прежде всего я опоздал на поезд — задержка на паспортном контроле. Затем одна женщина подвезла меня на машине, но лопнула шина и пришлось задержаться в придорожном отеле. Там был Л.

— Он говорил с вами?

— Он послал мне записку с предложением двух тысяч фунтов стерлингов.

Странное выражение промелькнуло в глазах человечка — похожее на зависть или голод. Он сказал:

— Ну и как вы поступили?

— Никак не отреагировал, естественно.

К. снял очки в стальной оправе и протер стекла.

— Женщина связана с Л.?

— Думаю, вряд ли.

— Что еще произошло? — И вдруг, указывая на картинку, сказал: — Ля эс ун фамиль. Ун фамиль жентильбоно.

Дверь открылась, и заглянул д-р Беллоуз.

— Экселенте, экселенте, — сказал он с доброй улыбкой и снова закрыл дверь.

— Продолжайте, — сказал К.

— Я взял ее машину. Девица была пьяна и не могла ехать дальше. Администратор отеля, некто капитан Керри, догнал меня в машине Л. Шофер Л. избил меня. Я забыл вам сказать, что он еще раньше пытался меня ограбить в туалете, я говорю о шофере. Они обыскали мой пиджак и пальто, но, конечно, ничего не нашли. Пришлось идти пешком, пока не удалось остановить грузовик.

— А этот капитан Керри, он что?..

— Да нет, просто идиот, я думаю.

— История из ряда вон выходящая.

Д. позволил себе улыбнуться.

— Для нашего времени вполне обычная. Если не доверяете, взгляните на мое лицо. Вчера после того, как меня избили, я еще не так выглядел.

— Предложить такие деньги... — сказал человек. — Но он хоть сказал, за что?

— Нет.

Д. вдруг пришло в голову, что этот человек не знает, с каким заданием Д. прибыл в Лондон. Весьма похоже на его шефов — послать его с тайной миссией и поручить следить за ним людям, которым они не доверяют знать суть дела. Недоверие в гражданской войне дошло до фантастических пределов — оно создавало жуткие осложнения, не удивительно, что иногда оно вредило больше, чем излишнее доверие. Нужно быть сильной личностью, чтобы вынести бремя подозрений, люди слабодушные начинают вести себя согласно навешенной на них репутации. Д. подумалось, что К. — слабый человек.

— Сколько они вам тут платят? — спросил Д.

— Два шиллинга в час.

— Не густо.

— К счастью, я живу не на эти деньги, — сказал К.

Но по его костюму и усталым бегающим глазам трудно было предположить, что другой источник приносит ему больше средств к существованию. Глядя на свои пальцы с ногтями, обгрызенными до мяса, К. сказал:

— Надеюсь, у вас все согласовано?

Один ноготь ему не понравился, и он принялся обгрызать его дальше, чтобы сравнять с другими.

— Да, все в порядке.

— Нужные вам люди в городе?

— Да.

Он явно выуживал информацию, но попытки его были вопиюще беспомощны. Пожалуй, учитывая его зарплату, начальство правильно делает, не доверяя К.

— Я должен послать рапорт, — сказал К. — Я сообщу, что вы добрались благополучно, а за задержку отчитались.

Ну, не позор, когда твои действия контролируют такие ничтожества, как этот мистер К...

— Как скоро вы завершите свои дела?

— Через несколько дней.

— Я так понимаю, что вы должны покинуть Лондон в понедельник вечером?

— Да.

— Если вас что-нибудь задержит, дайте мне знать. Если ничего не случится, вы обязаны отбыть поездом не позднее 11.30.

— Понимаю.

— Ну, хорошо, — сказал К. устало, — вы не можете отсюда уйти раньше десяти часов. Давайте лучше продолжим урок. — Он встал рядом с картинкой на стене, маленький, худосочный, видно, редко евший досыта. Что заставило их остановить свой выбор на этом человеке? Неужто внешность обманчива и под невзрачной личиной таится живая и страстная преданность идеям его партии?

— Ун фамиль трэй жентильбоно, — сказал он и, указывая на кусок мяса, добавил: — Вици эль карнор.

Время тянулось медленно. Однажды Д. показалось, что в коридоре, мягко ступая в туфлях на резиновой подошве, прошел д-р Беллоуз. И в центре интернационализма — дефицит доверия...

В приемной он записался на следующий урок — на понедельник и уплатил за курс занятий. Пожилая дама поинтересовалась:

— Поначалу, наверное, чуточку трудновато, да?

— О, мне кажется, у меня пойдет.

— Я очень рада. Хочу вам сообщить, что для успевающих студентов доктор Беллоуз устраивает небольшие вечера. Это исключительно интересно. В субботу вечером, в восемь. Вы получите возможность встретиться и обменяться идеями со студентами из всех стран — испанцами, немцами, сиамами. За это доктор Беллоуз денег не берет — достаточно заплатить только за кофе и пирожные.

— Уверен, что пирожные прекрасные, — сказал Д., учтиво откланиваясь.

Он вышел на Оксфорд-стрит. Теперь он не торопился. До визита к лорду Бендичу других дел у него не было. Он пошел пешком, наслаждаясь нереальностью окружающего — никаких руин, витрины полны товаров, дамы идут к «Буссару» выпить чашечку кофе. Похоже на один из его снов о мирной жизни. Он остановился перед витриной книжной лавки и стал разглядывать новые книги — надо же, у людей есть время читать книжки. Одна называлась: «Фрейлина двора короля Эдуарда». Фотография на суперобложке запечатлела полную даму в белом шелковом платье и шляпе со страусовыми перьями. Невероятно! Рядом лежала другая книга — «Дни сафари». На обложке джентльмен в пробковом шлеме позировал, поставив ногу на мертвую львицу. «Что за страна!» — еще раз подумал он с теплотой. Он пошел дальше. Нельзя было не заметить, как хорошо одеты здесь люди. Светило бледное зимнее солнце, ярко-красные автобусы стояли неподвижно по всей Оксфорд-стрит — образовалась пробка. Какая отличная мишень для авиации противника! Именно в это время дня они и налетали. Но в небе было пусто или почти пусто — один поблескивающий самолетик кувыркался в бледной ясной вышине, таща за собой через пушистые облака рекламу: «Обогревайтесь каминами Ово!» Он дошел до Блумсбери. Ему подумалось, что утро прошло вполне спокойно. Мирный, поглощенный своими делами город словно нашел противоядие против его заразы. Площадь с голыми деревьями была безлюдна, если не считать двух индийских студентов, сравнивающих свои конспекты под рекламой «Русских бань». Он вошел в гостиницу.

В вестибюле за барьером сидела женщина, по-видимому, управляющая — темноволосая толстуха с прыщиками вокруг рта. Она скользнула по нему пронизательным оценивающим взглядом и закричала резким неприятным голосом:

— Эльза! Эльза! Куда ты запропастилась?

— Ничего, — сказал он, — я найду ее по дороге в номер.

— Ключу положено быть здесь на крючке, — сказала женщина.

— Спасибо, не беспокойтесь.

Эльза подметала коридор возле его комнаты.

— Никто к вам не заходил, — сказала она.

— Спасибо. Ты хороший сторож.

Но едва войдя в номер, он понял, что она сказала неправду. На всякий случай он оставил бумажник на столе строго в определенном положении по отношению к другим точкам комнаты. Бумажник был сдвинут. Возможно, Эльза вытирала пыль со стола. Он расстегнул молнию — ничего важного в нем не было, но все бумаги лежали уже в ином порядке. Он позвал спокойно, без крика:

— Эльза!

Глядя, как она входит, маленькая, угловатая, с выражением преданности, которое держалось на ее мордашке так же неуклюже, как фартук на ее фигурке, он подумал: есть ли на свете хоть одно неподкупное существо? Неужели и его самого можно подкупить, но чем?

— А ведь кто-то здесь побывал, — сказал он.

— Только я и...

— И кто?

— Хозяйка, сэр. Я думала, что против нее вы возражать не станете.

Он почувствовал удивительное облегчение от того, что честность все-таки еще кое у кого сохранилась.

— Конечно, ей ты не могла запретить.

— Я уж и так и этак старалась. А она сказала: «Ты боишься, что я увижу, как ты плохо убираешь в номерах». Я сказала, что вы велели никого не пускать. А она говорит: «Давай ключ». А я говорю: «Мистер Д. дал мне ключ в руки и велел, чтоб в номер ни одна душа не заходила». Тогда она вырвала у меня ключ. Я не хотела, чтобы она входила, а потом подумала: «Ну и что, вреда-то никакого не будет». И как вы только догадались? Простите, сэр. Мне не надо было впускать ее в номер.

Девочка заплакала.

— Она здорово на тебя рассердилась? — спросил он мягко.

— Грозилась уволить, — торопливо рассказывала девочка. — Ну и пусть, это неважно. Здесь хуже рабства — только уборка, да уборка. Можно и побольше заработать, я не собираюсь всю жизнь в служанках ходить.

Я все еще ношу с собой заразу, — подумал он. — Вот пришел сюда и сломал бог знает чьи еще жизни.

— Я поговорю с хозяйкой.

— Нет, я тут все равно не останусь, тем более после того, что случилось... — И словно признаваясь в собственном преступлении, пояснила: — Она меня ударила по лицу.

— Что же ты будешь делать?

Ее невинность и одновременно знание прозы жизни ужаснули его.

— Сюда одна девушка постоянно ходила, а теперь у нее есть своя квартира. Она всегда говорит, что я могу перейти к ней в горничные. С мужчинами-то я, конечно, никаких дел иметь не буду, только дверь им отворять.

— Нет, нет! — воскликнул он.

Как прозрение явилась мысль о вине, которую каждый, не ведая того, носит в себе. Никто из нас не подозревает, сколько неповинных душ мы предаем. Теперь на него ложится ответственность...

— Подожди, пока я не поговорю с управляющей.

— Да ну, что тут вообще хорошего! — сказала она с горечью. — Хоть служанкой не буду. А с Кларой мы будем ходить в кино каждый вечер. Ей нужна подруга, она мне сама сказала. У нее никого нет, кроме мопса. Мужчины-то не в счет.

Она была еще чудовищно мала для такого близкого, пусть даже только теоретического знакомства с пороком.

— Обожди немного. Я уверен, что смогу как-нибудь тебе помочь.

Он понятия не имел, как это сделать. Разве что дочь Бендича... Но после истории с машиной это маловероятно.

— Больше недели я тут не останусь. У Клары телефон вделан в куклу. А кукла одета, как испанская танцовщица. И еще Клара говорит, что своей горничной она всегда дарит

шоколадные конфеты.

— Клара подождет, — сказал он.

Он уже вполне живо представлял себе эту молодую особу. Сердце у нее, вероятно, действительно доброе, но он и о дочери Бендича был такого же мнения. Угостила его сдобной булочкой на платформе и этой своей небрежной щедростью произвела на него в тот момент сильное впечатление.

— Что ты там делаешь, Эльза? — донесся из коридора голос управляющей.

— Я позвал ее к себе, чтобы выяснить, кто заходил в номер.

Он не успел еще как следует обдумать то, что ему рассказала девочка. Была ли управляющая еще одной его сообщницей, как и К., желавшей убедиться, что он следует по узкой тропе добродетели, или она уже продалась Л.? Зачем же в таком случае ему велели остановиться именно в этой гостинице? Номер был заказан заранее, и вообще все было приготовлено с таким расчетом, чтобы он не терял контакта со своими шефами. С другой стороны, все это, конечно, могло быть организовано человеком, который одновременно снабжал информацией и Л. Кто знает... Не было конца кругам этого ада.

— Никто сюда не заходил, кроме меня и Эльзы, — сказала управляющая.

— Я просил Эльзу никого ко мне не впускать.

— Вы должны были предупредить меня. — У нее было квадратное тяжелое лицо, к тому же еще обезображенное какой-то болезнью. — Вообще, у нас в отеле никто не ходит по чужим комнатам, кроме прислуги, и то по делу.

— И все-таки кто-то интересовался моими бумагами.

— Эльза, ты их трогала?

— Конечно, нет.

Управляющая повернула к нему свою квадратную, усеянную красными прыщами физиономию — старая крепостная башня, еще способная выдержать атаку неприятеля.

— Итак, вы, безусловно, ошиблись, если, конечно, верите этой девочке.

—

Ей я верю.

— Значит, и говорить больше не о чем. Тем более, что все на месте, ничего не пропало.

Он не ответил. Не стоит продолжать спор. Кому бы она ни служила, им или противнику, он все равно обязан жить в этом отеле — так предписывала инструкция.

— А теперь вы, может быть, все-таки позвольте мне сказать, ради чего я поднималась сюда, — какая-то дама желает поговорить с вами по телефону. Телефон — в холле.

Он переспросил с удивлением:

— Дама?

— Насколько я могу судить...

— Она назвала свое имя?

— Нет.

Он заметил взволнованный взгляд Эльзы и подумал: Господи, только этого еще не хватало — детской влюбленности. — Шагнув к двери, он тронул ее за рукав и сказал:

— Мне ты можешь доверять.

Четырнадцать лет — ужасный возраст: так много знаешь и так мало можешь. Если это и есть цивилизация — людные улицы, богатые витрины, дамы, стайками идущие пить кофе к «Буссару», мемуары фрейлины при дворе короля Эдуарда, и тут же рядом гибнущий, тонущий в пучине ребенок — нет, тогда он предпочитает варварство, разбомбленные улицы, очереди у продовольственных магазинов. Там самое худшее, что ждет ребенка — это смерть. Да, именно ради таких, как Эльза, он борется, чтобы подобная цивилизация не вернулась в его страну.

Он взял трубку.

— Алло. Простите, кто говорит?

Голос, раздраженный ожиданием, ответил:

— Роз Каллен.

Что бы это значило? — подумал он. — Неужели они, как в дешевых романах, ставят ему ловушку с красоткой для приманки?

— А-а... Надеюсь, вы благополучно добрались до вашего Гвин-коттеджа.

Только Л. мог дать ей его адрес, никто другой.

— Конечно, добралась. Но послушайте...

— Я сожалею, что был вынужден оставить вас в столь сомнительной компании.

— Ладно, не валяйте дурака. Вы, правда, вор?

— Я начал угонять машины раньше, чем вы появились на свет.

— Но ведь у вас назначена встреча с моим отцом?

— Это он вам сказал?

Из трубки вырвался нетерпеливый возглас:

— Вы думаете, мне нечего больше делать, как болтать с отцом? О встрече написано в вашем блокноте, который вы выронили.

— И адрес отеля тоже был в блокноте?

— Да.

— Не худо бы получить его обратно. Я имею в виду блокнот. Он мне трогательно напоминает о других моих кражах.

— О, ради бога, — сказал голос, — не нужно так...

Он мрачно оглядел маленький гостиничный холл: азиатские ландыши в высокой напольной

вазе, стойка для зонтиков, напоминающая формой гильзу артиллерийского снаряда. У него на родине валяется столько гильз, что их хватило бы на весь мир. Пустые снарядные гильзы на экспорт! Спешите приобрести... Отличный подарок к Рождеству — изящная стойка для зонтиков, доставленная из разрушенного войной города.

— Вы что там, уснули? — спросил голос в трубке.

— Нет, я просто жду, чем это кончится. Ваш звонок, признаться, меня несколько удивил. Последняя наша встреча произошла, как вы помните, при необычных обстоятельствах.

— Я хочу поговорить с вами.

— Да? — Если бы знать точно — работает она на Л. или нет.

— Но не по телефону. Может быть, поужинаем сегодня вечером?

— Вы ведь знаете, что у меня нет для этого подходящего костюма.

— Ну пойдем, куда вы захотите, в какое-нибудь местечко поскромнее.

Странно, в голосе Роз Каллен слышалось не свойственное ей напряжение. Если она в сговоре с Л., тогда, конечно, можно понять ее нервозность — у них оставалось слишком мало времени. Его встреча с Бендичем была назначена на завтрашний полдень. Можно и повидаться с ней, пожалуй, беды от этого не будет. Если, конечно, он не потащит с собой свои рекомендательные письма, пусть даже запрятав их в носок. С другой стороны, и оставлять их нельзя — они могут снова обыскать его номер... Тут было над чем подумать.

— Где мы встретимся? — спросил он.

— На остановке «Рассел-сквер», ровно в семь, — быстро ответила она.

Звучало вполне невинно.

— Вы не знаете, никому не нужна хорошая горничная? Может быть, вам или вашему отцу?

— Вы с ума сошли?

— Ничуть. Ладно, поговорим об этом вечером. До свидания.

Он медленно поднялся к себе в номер. Рисковать он не хотел. Рекомендательные письма необходимо спрятать. Нужно продержаться лишь двадцать четыре часа, после чего он свободен — свободен вернуться к своему истерзанному бомбежками и голодом народу. Нет, конечно же, они не собираются подсунуть ему любовницу — только герои мелодрам попадают на такие трюки. К тому же в мелодрамах тайный агент никогда не бывает усталым, безразличным к девушкам, влюбленным в свою покойную жену. А если Л. поклонник мелодрам? В конце концов, он представитель аристократии — все эти маркизы, генералы и епископы живут в собственном странном мире, позвякивая орденами и медалями, которыми награждают друг друга. На остальной мир они смотрят, как рыбы, сквозь стекла аквариумов; даже по своим физиологическим потребностям они принадлежат к одному виду, роду, семейству. Следовательно, вполне возможно, что они черпают свои представления о внешнем мире — о людях мыслящих и работающих — именно из мелодрам. Было бы ошибкой недооценивать невежество правящего класса. Сказала же Мария-Антуанетта[9] о бедняках: «У них нет хлеба? Пусть едят бриоши».

Управляющая ушла. Возможно, она слушала его разговор с Роз через отводную трубку. Эльза с яростным усердием наводила чистоту в коридоре. Он остановился и с минуту понаблюдал за девочкой. Рискнуть?

— Загляни-ка ко мне в номер на минутку. — Она вошла, и он плотно затворил за ней дверь.
— Я буду говорить шепотом, чтобы она не подслушала.

И снова его поразил ее преданный взгляд. Господи, ну что он такого сделал, чтобы заслужить ее преданность? Немолодой иностранец с израненным лицом, с которого он только что смыл кровь. Ну, сказал несколько добрых слов, но неужели слова эти были для нее такой редкостью, что вызвали столь трогательную реакцию?

— Я хочу, чтобы ты для меня кое-что сделала.

— Все, что угодно, — сказала она.

Вот, точно так же, — подумал он, — она предана и Кларе. Что же это за жизнь такая, если ребенок за неимением лучшего вынужден дарить свою любовь старику-иностранцу и проститутке...

— Ни одна душа не должна об этом знать. У меня тут есть кое-какие бумаги, за которыми охотятся нехорошие люди. Мне нужно, чтобы ты подержала их у себя до завтра.

— Вы шпион? — спросила она.

— С чего ты это взяла?

— А мне все равно, кто вы, — сказала она.

Он сел на кровать и снял ботинок. Она следила за ним, как зачарованная.

— А вот той леди, которая по телефону... — начала она.

Держа носок в одной руке и бумаги в другой, он взглянул на Эльзу:

— И она не должна знать. Только ты и я.

Лицо ее просияло, словно он преподнес ей бриллиантовое кольцо. Он тут же раздумал расплачиваться с ней деньгами. Может быть, позже, перед отъездом, он сделает ей какой-нибудь подарок, который она, если захочет, продаст, но деньгами он ее не унизит.

— Где ты будешь их хранить?

— Там же, где и вы.

— Никто не должен знать.

— Могу перекреститься.

— Лучше спрячь бумаги сейчас же, сию минуту.

Он отвернулся и стал смотреть в окно. Прямо под ним растянулись большие золоченые буквы названия гостиницы. Сорок футов отделяло его от покрытой изморозью мостовой, по которой медленно тащился фургон с углем.

— А теперь, — сказал он, — я опять прилягу, посплю немного.

Он мог позволить себе спать до вечера.

— А поесть вы не хотите? Сегодня обед неплохой — тушеное мясо по-ирландски и пудинг с патокой. Поедите и согреетесь, — сказала она. — А я вам побольше кусочек подложу, когда она отвернется.

— Я еще не привык к вашим огромным порциям, — сказал он. — Там, откуда я приехал, мы отвыкли так есть.

— Все равно есть надо.

— А мы нашли способ подешевле — вприглядку. Разглядываем в журналах цветные картинки, где еда нарисована...

— Ну, это вы загибаете, сэр. Я вам не верю. Вам надо поесть. Если вы из-за денег...

— Нет, не в деньгах дело. Я обещаю тебе хорошо поесть вечером, а сейчас все, что я хочу, — это поспать.

— На этот раз к вам никто не войдет, — сказала она. — Ни одна душа.

Он слышал, как она расхаживает по коридору, словно часовой, и мерно шлепает мокрой тряпкой — шлеп, шлеп, шлеп, должно быть, притворяется, будто убирает.

Он опять лег, не раздеваясь. На этот раз не нужно было давать команду подсознанию разбудить его. Он никогда не спал больше шести часов кряду — это был самый длинный интервал между двумя воздушными налетами. Но сейчас он вообще не мог уснуть. Еще ни разу с тех пор, как он выехал на задание, он не расставался со своими документами. Они пересекли с ним Европу, были при нем в парижском экспрессе и на пароходе из Кале в Дувр. Даже когда его били, они лежали здесь, в ботинке, в полной безопасности. Без них ему было не по себе. Документы придавали ему вес, авторитет, без бумаг он никто, просто нежелательный иностранец, лежащий на обшарпанной кровати в сомнительном отельчике. А что, если девчонка начнет похваляться оказанным ей доверием? Нет, ей он доверял больше, чем кому-либо другому на свете. А вдруг она растяпа, и, переодеваясь, оставит по забывчивости его документы в старых чулках?.. Вот уж Л., — подумал он невесело, — так никогда бы не поступил. По существу, в чулке полунищей служанки лежало будущее его родины или того, что от нее осталось. Бумаги стоили самое меньшее две тысячи фунтов стерлингов, это уже доказано, только кивни — и они выложат деньги на бочку. Они предложили бы и куда больше, согласись он подождать и получать частями... Он почувствовал себя обессиленным, как Самсон[10] с остриженными волосами. Он уже было поднялся с кровати, чтобы вернуть Эльзу. Но тогда куда девать документы? Где их спрячешь в этой маленькой голой комнатушке? Да к тому же есть своя логика в том, что будущее бедняков зависит от них же, бедняков.

Медленно тянулись часы. Казалось, во всей гостинице наступил мертвый час. В коридоре — ни шороха. Понятно, не могла же она там до бесконечности орудовать своими швабрами и тряпками. Жаль, что у меня нет пистолета, — подумал он. — Я бы не чувствовал себя таким бессильным. Но провезти в Англию оружие было невысказано, слишком велик риск попасться на таможне. Наверно, и здесь где-то из-под полы можно приобрести пистолет, но где, у кого? Он вдруг почувствовал, что его слегка знобит от страха. Их время истекало — они наверняка нанесут ему удар и притом скоро. Если они начали с избиения, то следующая атака будет пострашнее. Ему стало не по себе, он почувствовал себя всеми брошенным, от сознания полного одиночества перед лицом опасности им овладел ужас. Дома в трудные минуты с ним рядом почти всегда был весь город. И снова в памяти всплыла тюрьма и охранник, идущий к нему по заасфальтированному двору. Тогда он тоже был один. В древние времена сражаться было веселее. В битве при Ронсевале[11] у Роланда были соратники — Оливье и Турпин[12], на помощь ему спешила вся кавалерия Европы. Людей объединяла общая вера. Против мавров даже еретики объединились с христианами. У них могли быть разногласия по поводу святой Троицы, но в главном деле они были едины и тверды, как скала. А сегодня — такое множество толкований материалистической политекономии, так много комбинаций начальных букв в сокращенных названиях партий...

С улицы, сквозь плотный холодный воздух донеслись выкрики старьевщика и обойщика кресел, предлагавших свои услуги. Он говорил себе, что война убивает чувства — нет, неправда. Какая мука слышать эти голоса... Он, как мальчишка, зарылся с головой в подушку. Отчетливо, словно наяву, вспомнилось время перед свадьбой. Тогда они вдвоем прислушивались к этим крикам с улицы. Сейчас он чувствовал себя обманутым, преданным, осмеянным. Слово он, ради минутной похоти, испортил жизнь и себе, и ей. Жизнь — сплошное надувательство... Как часто они любили повторять, что не переживут друг друга и на неделю, но вот он не умер, вышел живым из тюрьмы, не погребен под развалинами дома, хотя бомба пробилла все четыре этажа. Погибла кошка, а он остался жив. И Л. воображает, что его можно заманить в ловушку, подсунув ему смазливую девицу? Неужто душевные муки и отчаяние — это все, что припас для него Лондон, мирный иностранный город?

За окном сгустились сумерки. На улице зажглись огни, и, казалось, оконное стекло покрылось изморозью. Он лежал на спине с открытыми глазами. Эх, быть бы сейчас дома... Он встал, побрился. Пора выходить. Он застегнул пальто доверху и вышел в промозглую тьму. Ветер дул со стороны Сити, неся с собой холод каменных стен, больших контор и банков. Он напоминал о длинных коридорах, стеклянных дверях и нудных канцелярских буднях. Такой ветер мог выдуть из человека душу. Он пошел по Гилфорд-стрит. Поток клерков, возвращающихся с работы, уже иссяк, час театралов еще не настал. В маленьких отельчиках накрывали столы к обеду. Из окон дешевых номеров смотрели на улицу восточные физиономии, полные ностальгической печали.

Свернув в переулок, Д. услышал позади вкрадчивый, тихий, интеллигентный голос: — Прошу прощения, сэр. Извините, пожалуйста. — Он остановился. Весьма странно одетый тип — продавленный котелок и длинное черное пальто, с которого спороли воротник, — поклонился ему с чрезмерной галантностью. Седая щетина на подбородке, мешки под налитыми кровью глазами, протянутая, словно для поцелуя, тощая сморщенная ладонь. В извинениях старика слышались интонации, оставшиеся, должно быть, от его университетского, а может быть, актерского прошлого.

— Я был уверен, сэр, что вы не осудите меня за то, что я к вам обратился. Дело в том, сэр, что я оказался в стесненных обстоятельствах...

— В стесненных?

— Речь идет всего лишь о нескольких шиллингах, сэр.

К такому Д. не привык, у него на родине нищие в прежние времена выглядели куда живописнее — стоя на церковных ступенях, они выставляли напоказ свои рубища и гноящиеся язвы.

Старик говорил с плохо скрываемым волнением.

— Естественно, я бы не обратился к вам, сэр, не будь я уверен, что вы... ну, как бы это лучше сказать... — человек особого склада...

Кто он, — подумал Д., — нищий сноб или хитрый попрошайка с отработанным подходцем?

— Но, конечно, если вам в данную минуту почему-либо неудобно, тогда не может быть и речи...

Д. полез в карман за деньгами.

— О, только не здесь, сэр, если не возражаете, не на виду у всей улицы. Может быть, зайдём в подворотню? Признаю вам, сэр, безумно стыдно просить взаймы у совершенно незнакомого человека. — Он нервно метнулся в подворотню. — Обстоятельства вынуждают,

вы уж простите, сэр.

В переулке не было ни души, только поодаль стояла машина. Разговор происходил у больших зеленых запертых ворот.

— Хорошо, вот вам полкроны, — сказал Д.

— Благодарю вас, сэр, — оборванец схватил деньги. — Не исключено, что когда-нибудь я буду в состоянии вернуть вам долг... — И шустрой рысцой выбежав из подворотни в переулок, исчез из виду. Д. двинулся следом. Что-то негромко чиркнуло у него за спиной, и острый осколок кирпича, отскочивший от стены, ожег ему щеку.

«Беги!» — подсказала память. На улице светились окна, на углу стоял полисмен. Здесь он в безопасности. Он понял — кто-то выстрелил в него из пистолета с глушителем. Дурачье, не знают, что с глушителем точно не прицелишься.

Нищий, — размышлял он, — должно быть, караулил его еще у гостиницы и заманил, как подсадная утка, в подворотню. На случай если бы они в него попали, машина стояла наготове, чтобы забрать тело. А может быть, собирались только покалечить его. Возможно, они и сами-то не решили точно, что им делать, потому и промахнулись. Это как в бильярде — задумаешь положить два шара подряд и мажешь с первого удара, не положив ни одного. Но откуда они узнали, в котором часу он выйдет из отеля? Он ускорил шаг и вышел на Бернард-стрит. Гнев в нем еще не остыл. Конечно, девица не явится в назначенное место.

Но она ждала его.

Он сказал:

— Не думал, что вы придете. Особенно после того, как ваши приятели только что попытались меня подстрелить.

— Послушайте, — сказала она, — хватит этой ерунды. Я пришла, чтобы просить у вас извинения за вчерашнее. Не верю, что вы действительно собирались украсть машину. Но я была дико пьяна и даже подумать не могла, что они собираются избить вас. А они избили... Все этот кретин Керри! Но насчет того, что в вас стреляли — это уж снова мелодрама... Или вы пытаетесь сыграть на романтических струнах женского сердца? Должна вас огорчить — на меня это не действует.

Он спросил:

— Л. знал, что мы договорились встретиться на этом месте в семь часов?

Она немного смутилась:

— Знал только Керри. Л. — нет.

Признание удивило Д. Возможно, она действительно ни при чем?

— Керри подобрал вашу записную книжку. Он сказал, что будет держать ее у себя на тот случай, если вы попытаетесь еще что-нибудь натворить. Я говорила с Керри сегодня по телефону — он еще был в городе. Я сказала, что не верю, будто вы хотели угнать машину, и добавила, что собираюсь с вами встретиться. Ну, хотя бы, чтобы вернуть вам книжку.

— Он ее отдал?

— Вот она.

— И, вероятно, вы сказали ему, где и в каком часу мы встретимся?

— Очень может быть. Мы долго говорили с ним о вас, спорили. Я ему — свое, он — свое. Но все равно, вы напрасно будете меня уверять, будто Керри в вас стрелял, я не поверю.

— О нет, этого я не утверждаю. Я предполагаю, что он встретился с Л. и сообщил ему все, что от вас услышал.

Она сказала:

— Да, он завтракал с Л. — И возмущенно воскликнула: — Но это же фантастика! Как они могли стрелять в вас прямо на улице? А полиция, а жители соседних домов? — ведь все услышат выстрел. И почему вы до сих пор разговариваете тут со мной, а не с инспектором в полицейском участке?

Он усмехнулся:

— Разрешите доложить по порядку. Дело происходило в подворотне. Оружие было с глушителем. А что касается полиции, ведь я договорился о встрече с вами, а не с инспектором.

— Не верю. Не хочу верить. Неужели вы не понимаете, что если бы могли происходить подобные вещи, жизнь стала бы совсем другой, хоть начинай ее всю сначала.

Он сказал:

— Почему? Не вижу ничего странного. Живет же моя страна под пулями. И даже вы, наверное, смогли бы привыкнуть. Жизнь все равно продолжается.

Он взял ее за руку, как ребенка, и повел по Бернارد-стрит, а затем по Гренвилл-стрит. Он сказал:

— Вот здесь это произошло. Только не бойтесь. Тот, кто стрелял, уже скрылся.

Они вошли в подворотню. Он поднял с земли осколок кирпича и сказал:

— Видите, вот куда они попали.

— А вы можете доказать? Как вы докажете? — сказала она запальчиво.

— Попытаюсь, хотя это маловероятно...

Он стал ковырять пальцем стену, надеясь, что пуля застряла в кирпичах.

— Они идут на самые отчаянные меры. Вчера эта история в туалете. Потом то, что вы видели на шоссе. Сегодня кто-то обыскал мой номер, — впрочем, возможно, это работа наших людей. Но то, что произошло сейчас, — не шутки. Они зашли слишком далеко. Теперь им остается только убить меня. Удастся ли? Не думаю. Меня ужасно трудно убить.

— Боже мой! — внезапно сказала она. — Все правда.

Он обернулся. Роз подняла с земли отлетевшую рикошетом от стены пулю.

— Все правда, — повторила Роз. — Нужно что-то предпринимать... Полиция...

— Я никого не видел. У меня нет доказательств.

— Вы говорили вчера, что вам предлагали деньги?

— Да.

— Почему вы их не взяли? — спросила она со злостью. — Вы что — хотите, чтобы вас прикончили?

Она была на грани истерики. Он взял ее за руку и потянул в закулочную.

— Два двойных бренди. — Он заговорил с ней весело и быстро. — Помогите мне в одном деле. В отеле, где я остановился, есть девчонка, горничная. Она оказала мне одну услугу, и за это ее увольняют. Хорошая девочка, правда, немного диковата. Одному Богу известно, что с ней будет дальше. Не могли бы вы подыскать ей какую-нибудь работу? У вас много состоятельных друзей.

— Да перестаньте вы донкихотствовать, наконец, — сказала она. — Давайте, действительно, поговорим о деле, обо всей этой истории.

— А что тут говорить? Очень просто — они не хотят, чтобы я встретился с вашим отцом.

— Может быть, вы из этих, так называемых патриотов? — спросила она с легким презрением.

— Не сказал бы... Патриоты, это люди, которые кричат «Наша родина! Наша родина!», но не совсем понятно, что они конкретно под этим подразумевают.

— Тогда почему вы не взяли деньги?

— Понимаете, человек так устроен — раз навсегда выбираешь какую-то линию жизни и придерживаешься ее до конца. Иначе жизнь теряет всякий смысл и остается только плотнее закрыть окна и открыть газ. Я стал на сторону обездоленных, тех, кому столетиями достаются крохи от пирога.

— Все равно ваших обездоленных предавали и будут предавать.

— Тем более, единственно правильная позиция — стоять на своем. Я не идеализирую мой народ — он совершает не меньше жестокостей, чем люди по ту сторону баррикад. Наверное, если бы я верил в Бога, многое для меня было бы проще.

— Вы считаете, — спросила она, — что ваши лидеры хоть сколько-нибудь лучше тех, кому служит Л.? — Она выпила свой бренди и нервно постукивала найденной пулей по стойке.

— Нет, нисколько. Но я все же отдаю предпочтение народу, простым людям, независимо от того, куда их ведут вожди.

— Прав, не прав, главное, что бедный, — усмехнулась она.

— Что-то в этом роде. Говорят же: «Права или не права, но это моя родина». Выбор делаешь раз и навсегда, может быть и ошибочный. Только истории дано это рассудить. — Он забрал у Роз пулю и сказал: — А сейчас хорошо бы поесть. Я ведь ничего не ел со вчерашнего вечера. — Он перенес со стойки на стол блюдо с сэндвичами. — Прошу вас. Я заметил — у вас привычка пить на пустой желудок. Это вредно для нервов.

— Мне не хочется есть.

— А мне хочется, — он взял сэндвич с ветчиной и откусил здоровенный кусок. Она водила пальцем по краю блюда.

— Расскажите мне, — сказала она, — что вы делали до того, как все это началось.

— Я читал лекции по французской литературе средних веков. Не бог весть какое захватывающее занятие, — он улыбнулся. — Но было и кое-что интересное. Вы слышали про «Песнь о Роланде»?

— Да.

— Так вот, я обнаружил Бернскую рукопись этой «Песни».

— Мне это ни о чем не говорит, — сказала она. — Я в этом круглая дура.

— Лучшим оригиналом «Песни» считался тот, что хранится у вас в Оксфорде, хотя в нем масса пропусков и более поздних исправлений. Затем — Венецианская рукопись. В ней восполнены пропуски Оксфордской, но не все. Научная ее ценность невысока. — И с гордостью добавил: — А я нашел Бернскую.

— Вы нашли? — сказала она задумчиво, не сводя глаз с пули, которую он держал в руке. Потом посмотрела на его израненный подбородок и рубец на губе. Он сказал:

— Помните то место, где Оливье, увидев приближающихся сарацинов, уговаривает Роланда протрубить в рог и призвать на помощь войска Карла?

Шрам на его подбородке, казалось, интересовал ее больше, чем Роланд.

— А как... — начала было она, но он продолжал свое.

— Однако Роланд не протрубил, он поклялся, что сколько бы ни было врагов, они не заставят его взывать о помощи. Здоровенный, отчаянный балбес. На войне часто выбирают в герои не того, кого надо. Оливье — вот кто должен был стать героем «Песни», а его задвинули на второй план, рядом с кровожадным епископом Турпином.

Она спросила:

— Как умерла ваша жена?

Нет, он не допустит, чтобы зараза его войны отравила их встречу, и он продолжал, не останавливаясь:

— И вот, когда Роланд разбит, все его сподвижники мертвы или умирают, Роланд вдруг желает протрубить в рог. И автор «Песни» устраивает... как это по-английски... танцы на поминках. Кровь струится изо рта Роланда, на виске у него смертельная рана — а Оливье издевается над ним! Ведь он мог протрубить в рог вовремя, как советовал Оливье, и все бы остались живы, но, боясь утратить репутацию храбреца, он этого не сделал. А теперь, когда он разбит наголову и умирает, тут он хочет призвать помощь и тем самым только навлечет позор на свой народ и свое имя. Так умри уж спокойно, Роланд, хватит тех бед, которые ты натворил от самовлюбленности и упрямства. Ну разве я не прав, когда говорю, что именно Оливье и есть настоящий герой?[13]

— Разве вы это говорили? — переспросила Роз. Она, видимо, не слушала его. Он увидел, что она едва сдерживается, чтобы не расплакаться. Наверное, от жалости к самой себе, — подумал Д. Эта черта в людях, даже в молодых, не вызывала у него сочувствия.

Он продолжал:

— В том-то как раз и ценность Бернской рукописи, что она восстанавливает подлинную роль Оливье. Она делает всю историю трагической, а не просто героической. Ибо в Оксфордском варианте образ Оливье сглажен — он наносит Роланду смертельный удар случайно, когда глаза ему заливают кровью, струящаяся из ран. Такая версия, как вы понимаете, подтасована

— кому-то она была нужна. В Бернском же варианте Оливье беспощаден — он расплачивается с Роландом за то, что тот сделал со своим войском, за напрасно погубленные жизни. Оливье умирает, ненавидя своего любимого Роланда — этого здорового, хвастливого отважного болвана, которого больше волновала личная слава, чем победа веры... Конечно, этот вариант не исполнялся в древних замках на пирах среди борзых, свирелей и кубков. Менестрели хорошо знали вкусы своих повелителей, этих Роландов в миниатюре, у которых все держалось на обмане и силе. Оценить Оливье они были неспособны.

— Я — за Оливье! — воскликнула она. Д. не без удивления посмотрел на нее, и она пояснила: — Потому что моему отцу, как вашему средневековому барону, наверняка пришлось бы по душе Роланд.

Он сказал:

— Вскоре после того, как я опубликовал Бернскую рукопись, началась война.

— А когда она кончится, что вы будете делать?

Он над этим никогда не задумывался.

— Вряд ли мне суждено увидеть конец войны.

— Вы как Оливье — прекратили бы кровопролитие, если б могли, но раз уж оно началось...

— О, я похож на Оливье не больше, чем мои несчастные соотечественники, которые сидят в окопах, — на Роланда. Или Л. на Ганелона[14].

— Кто это — Ганелон?

— Предатель из «Песни о Роланде».

Она сказала:

— А вы уверены в своих подозрениях относительно Л.? На меня он производит вполне приятное впечатление.

— Они умеют быть приятными — веками упражнялись в этом искусстве, — он допил свой бренди и сказал: — Ладно, хватит. Зачем мы говорим о делах? Вы просили меня прийти, и я пришел.

— Я хотела помочь вам. Вот и все.

— Зачем?

— После того, как они вас вчера избили, мне стало не по себе. Керри, конечно, подумал, что я перепила. Но у меня перед глазами стояло ваше лицо. Послушайте, — воскликнула она, — вам нужно знать, с кем вам предстоит иметь дело. Здесь никто никому не верит. Ни одной честной физиономии не сыщешь. Я имею в виду настоящую честность, во всем. Мой отец и окружающие его люди — они честны, ну, скажем, с официантом в ресторане и, возможно, с собственными женами.

Кстати, жены у них как на подбор, — самодовольные тупицы. Но когда дело касается угля или рабочих... Если вы хотите что-нибудь получить от них, ради бога, не устраивайте мелодраму и не будьте сентиментальны. Покажите им чековую книжку и постарайтесь, чтобы контракт был составлен твердо и недвусмысленно.

Д. видел, как рядом, в пивном зале посетители с потрясающей меткостью бросали стрелки в мишень.

Он сказал:

— Я приехал не для того, чтобы просить милостыню.

— Вам, действительно, позарез необходим уголь?

— Теперь воюют не так, как во времена Роланда. Уголь может оказаться ценнее танков. Как раз танков у нас сейчас в избытке. Правда, невысокого качества.

— И Ганелон еще может все испортить?

— Ему это будет не так-то просто.

— Я думаю, у отца вы застанете всю честную компанию. Все прибегут — и Голдстейн, и старый лорд Феттинг, Бригсток и Форбс. У жуликов тоже есть свои правила игры. Вам надо знать, кто будет играть против вас...

— Выбирайте выражения. Как-никак — это люди вашего круга.

— Нет у меня никакого круга. Мой дед был рабочим.

— Вам не повезло — вы, как и я, оказались в ничейной полосе. Но от выбора не уйти. И каким бы он ни был, все равно обе стороны не будут нам доверять.

— Можете доверять Форбсу, — сказала она. — Конечно, не абсолютно во всем, а в том, что связано с углем. Например, фамилия у него не настоящая, на самом деле его зовут Фурстейн — он еврей. И в любви он не честен. Я знаю. Хочет на мне жениться, а сам содержит любовницу на Шепердс-маркет. Мне его друг рассказывал. — Она рассмеялась. — Не правда ли, славные у меня друзья?

Он ужаснулся — второй раз за сегодняшний день. Он вспомнил девочку из отеля. В нынешние времена мы узнаем слишком много, не достигнув зрелости. У него на родине дети знакомятся со смертью, еще не начав ходить. Люди теперь рано привыкают желать, а ведь желание должно вызревать медленно, как плод на древе опыта... Для счастливой жизни необходимо, чтобы разочарование приходило одновременно со смертью. Теперь же сначала полностью разочаровываются в жизни, а потом кое-как живут.

— Вы не собираетесь выйти за него замуж? — спросил он с беспокойством.

— Может, и выйду. Он лучше многих.

— Да и насчет любовницы, возможно, сплетня...

— Нет, это правда. Я посылала частных сыщиков проверить.

Рухнула последняя иллюзия — и здесь нет мира и покоя. Когда он высадился на английский берег, он почувствовал некоторую зависть. Еще бы, какая безмятежность, какое доверие к человеку, даже у стойки паспортного контроля. Но за всем этим скрывается что-то другое. Он-то воображал, что подозрительность, в атмосфере которой проходила его собственная жизнь, — неизбежное порождение гражданской войны. Теперь он приходил к выводу, что подозрительность существует повсюду — она часть человеческого бытия. Людей объединяют только их пороки — свои кодексы чести существуют среди неверных супругов и воров. В прежние времена он был слишком поглощен любовью к жене, Бернской рукописью и еженедельными лекциями по средневековой литературе и мало замечал, что творилось

вокруг. Похоже, мир накрыла тень морального упадка, и едва ли наберется с десятка порядочных людей, на которых он держится. Жаль. Не лучше ли уничтожить этот мир и начать все сначала — с тритонов...

— Ну, пойдёмте, — сказала она.

— Куда?

— Куда-нибудь. Что-то надо делать. Возвращаться еще рано. Может быть, в кино?

Часа три просидели они в шикарном, как дворец, кинотеатре — стены, расписанные ангелами с золотыми крыльями, пушистые ковры. Разодетые официантки то и дело предлагали прохладительные напитки. Такой помпезной роскоши он раньше в Лондоне не видел. На экране потешно страдали и шли на жертвы главные герои мюзикла — бедный режиссер и преуспевающая блондинка. Сначала имя ее неоновыми буквами пылало над Пикадилли, но потом она пожертвовала славой и вернулась на Бродвей — спасти режиссера. Она втайне вкладывает деньги в новую постановку, и ее громкое имя приносит спектаклю успех. Молниеносно сочиняется ревью, и труппа, укомплектованная голодающими талантами, блистательно его ставит. Все зарабатывают уйму денег, имена актеров снова в неоновых огнях, в том числе и имя режиссера. И, конечно, блондинка открывает этот список. Безумные страдания, глицериновые слезы не просыхают на пухлых щечках блондинки, но все ужасно счастливы. Курьезная мораль фильма заключалась в том, что если хочешь здорово разбогатеть, веди себя благородно.

Как будто люди тысячу лет назад потеряли идеалы и веру, — думал Д., глядя на экран, — и пытаются восстановить то и другое с помощью смутных воспоминаний, подсознательных порывов и полустертой клинописи на каменных плитах.

Он почувствовал на своем колене ее руку. Поскольку она не раз уверяла, что романтика ей чужда, ему оставалось предположить, что это был лишь условный рефлекс на глубокие кресла, полутьму и душещипательные песенки, — нечто вроде слюнотечения у павловских собак. Видимо, независимо от происхождения и воспитания, все реагируют на это одинаково. Пожалуй, за исключением его самого. Он положил свою руку на ее с чувством жалости — она заслуживала кого-то получше, чем Фурстейн с содержанкой на Шепердс-маркет. И хоть она и не была склонна к романтике, ее холодная рука покорно замерла под его рукой. Он сказал тихо:

— Кажется, за нами следят.

Она ответила:

— Ну и пусть. Не новость на этом свете. Лишь бы не стреляли и не бросали бомбы. Не люблю, когда что-то над ухом грохает. Вы уж, пожалуйста, предупредите меня заранее.

— Ничего страшного — всего-навсего мой знакомый преподаватель энтернационо. Я видел в фойе, как сверкнули его очки в стальной оправе.

Блондинка на экране рыдала все громче — герои фильма были чрезмерно тупы и плаксивы, если учесть, что на потребу вкусам публики их неминуемо ждал счастливый финал. Если бы в жизни нашим начинаниям был гарантирован успешный исход, зачем бы мы так мучительно и долго искали к нему путь, — подумал Д. Не в этом ли секрет непостижимого счастья святых — вступая на свой тернистый путь, они уже наперед знали финал и потому не воспринимали всерьез своих страданий.

Роз сказала:

— Все. Не могу больше. Давайте уйдем. Еще полчаса осталось, а уже ясно, чем все кончится.

Они с трудом выбрались в проход, он с удивлением увидел, что все еще держит ее руку. Он сказал:

— Интересно, как у меня все кончится.

Он чувствовал себя безмерно усталым и слабым — сказывалось избиение и напряжение двух последних длинных дней.

— Могу вам предсказать. Хотите? — сказала она. — Вы будете и дальше сражаться за людей, которые того не стоят. И однажды вас убьют. Но вы не успеете нанести удара Роланду. В этом месте в Бернскую рукопись вкралась роковая опечатка.

Они сели в такси.

— Гостиница «Карлтон», Гилфорд-стрит, — сказала она водителю. Он посмотрел в заднее стекло — никаких признаков мистера К. Видимо, то было простое совпадение — даже мистер К. должен иногда отдыхать и смотреть на глицериновые слезы. Он сказал, обращаясь больше к себе, чем к ней:

— Не может быть, чтобы они так скоро от меня отстали. В конце концов, если я продержусь еще день, это будет их поражением. Уголь сейчас для нас значит не меньше, чем эскадрилья новейших бомбардировщиков.

Они уже медленно ехали по Гилфорд-стрит.

— Будь у меня пистолет...

— Неужели они осмелятся?

Она взяла его под руку, словно хотела остаться с ним в такси, где их никто не знал и ничто им не угрожало. Он со стыдом вспомнил, что считал ее сообщницей Л.

— Тут простая математика, милая. С одной стороны, они могут навлечь на себя дипломатические неприятности, но, с другой — это для них все же выгоднее, чем позволить нам раздобыть уголь. Важны не отдельные слагаемые, а общая сумма.

— Вы боитесь?

— Да.

— Тогда почему бы вам не переехать отсюда? Скажем, ко мне. Кровать для вас найдется.

— Не могу. У меня остались кое-какие дела в гостинице.

Такси остановилось. Он вышел из машины, она — за ним. Они стояли на тротуаре у дверей отеля. Она сказала:

— Я могу подняться с вами... на случай, если...

— Лучше не надо.

Он держал ее за руку, чтобы протянуть время и оглядеться — слезки, кажется, нет. Интересно все-таки, управляющая гостиницей — с ним или против него. А мистер К.? Он сказал:

— Перед тем, как вы уйдете, мне хотелось бы еще раз напомнить вам... Насчет места для девочки, о которой я говорил. Я ручаюсь за нее. Ей можно доверять.

Она сказала резко:

— Я и пальцем не пошевелю, даже если она подышать будет!

Таким же тоном (кажется, вечность прошла с тех пор!) она требовала виски у бармена на пароходе: «А я хочу еще одну! Я все равно выпью еще одну!» Голос ребенка, раскапризничавшегося в гостях у взрослых.

— Отпустите мою руку! — сказала она.

Его пальцы разжались.

— Идиотское донкихотство. Возитесь с какой-то сироткой, а пока пусть в вас стреляют и убивают! Вы просто не от мира сего.

Он сказал:

— Вы не хотите понять меня. Девочка — почти ребенок, она годится мне в...

— Дочки, — подхватила она. — Продолжайте в том же духе. Только учтите — я тоже гожусь вам в дочки. Смешное совпадение, не правда ли? Но у меня всегда так. Я знаю. Я вам не врала, когда говорила, что не люблю романтики. Просто у меня, наверно, «Эдипов комплекс» [15]. По тысячам разных причин ненавидишь собственного папу и вот влюбляешься в мужчину того же возраста. Знаю, что ненормально. Уж тут романтикой и не пахнет... звоню вам по телефону, назначаю свидание...

Он смотрел на нее, со смущением осознавая свою полную неспособность чувствовать что-либо кроме страха и разве что жалости. Поэты семнадцатого столетия утверждали, что можно навеки потерять сердце. Современная психология говорит иначе: можно чувствовать такую тоску и отчаяние, что атрофируются все иные эмоции. Он стоял перед открытой дверью второсортной гостиницы, которая скорее была домом свиданий, и ощущал свою безнадежную непригодность для нормальной человеческой жизни.

— Если бы только не война... — сказал он.

— Для вас она никогда не кончится, вы сами говорили.

Она была красива. Никогда, даже в дни молодости, не встречал он такой красивой девушки. И уж конечно его жена, внешне простенькая и незаметная, на нее не походила. Но это не имело значения. Чтобы вспыхнуло желание любить, видимо, особой красоты и не требуется.

Он обнял ее, так, для эксперимента.

Она спросила:

— Можно я поднимусь с вами?

— Для вас тут неподходящее место.

Он опустил руки — чуда не произошло.

— Я почувствовала, что со мной что-то не то творится, когда вы подошли вчера вечером к машине. Дрожащий, как в ознобе, но очень вежливый. Когда я поняла, что они вас избили, во мне что-то оборвалось. Я думала — перебрала, вот и разнюнилась. А сегодня утром проснулась, — на душе по-прежнему... Ведь я раньше никогда не влюблялась. Как

называется детская влюбленность — телячьей нежности?

От нее исходил запах дорогих духов. Ему хотелось почувствовать к ней нечто большее, чем жалость. В конце концов то был шанс, который судьба даритла немолодому человеку, бывшему преподавателю романских языков.

— Милая, — сказал он.

— Такая любовь коротка, я понимаю. Да она и не может быть долгой. Вас ведь убьют, это ясно как дважды два.

Он неуверенно поцеловал ее и сказал:

— Роз, милая, мы увидимся... завтра. К тому времени все мои дела закончатся. Мы встретимся и отпразднуем...

Он понимал, что слова его звучат неубедительно, но это был не тот случай, когда следует раскрывать душу. Она слишком молода, чтобы выдержать правду.

Она сказала:

— Даже у Роланда, я думаю, была женщина...

И он вспомнил: эта женщина — ее звали Альда — упала замертво, когда ей принесли весть о гибели Роланда. В легендах всегда, когда обрывается жизнь одного из влюбленных, умирает и другой. Считалось, что иначе быть не может. Недаром менестрель посвятил Альде лишь несколько формальных строк. Но его жизнь не кончилась после расстрела жены.

Он сказал:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Она пошла по улице в ту сторону, где чернели деревья. Нет, она слишком хороша, чтобы работать на Л., — подумал он. Он почувствовал в себе желание любить, это было равносильно предательству, но стоило ли терзаться — завтра все будет улажено, и он вернется на родину... Интересно, выйдет ли она все-таки замуж за Фурстейна?

Он толкнул внутреннюю, стеклянную дверь, и она легко поддалась. Он автоматически сунул руку в карман, но вспомнил, что безоружен. Свет в холле не горел, но кто-то там был — он слышал дыхание у той стены, где стояла ваза с цветами. Он был весь на виду перед дверью, освещенный уличными фонарями. Идти дальше нет смысла — стрелять будут они, а не он. Он вынул из кармана пачку сигарет, попытался совладать с дрожью в пальцах, но страх перед ожидаемой болью не отпускал. Он сунул сигарету в рот и полез за спичками — вспышка у стены будет для них неожиданностью. Он сделал шаг и внезапно чиркнул спичкой о стену. Спичка царапнула по раме картины и вспыхнула. Бледное детское лицо выплыло, как воздушный шарик, из темноты. Он сказал:

— О, господи, Эльза, ты меня напугала. Что ты здесь делаешь?

— Жду вас, — прошептал тонкий дрожащий голос. Спичка погасла.

— Зачем?

— Я думала, вы ее приведете сюда. Моя обязанность — провожать гостей в номера.

— Какая чепуха!

— Но ведь вы поцеловали ее?

— Это был ненастоящий поцелуй.

— Почему ненастоящий? Вы могли поцеловаться и по-настоящему — после того, что она вам сказала.

Уж не ошибся ли он, оставив ей документы — еще чего доброго уничтожила их из ревности. Он переспросил:

— Что она сказала?

— Она сказала, что вас все равно убьют, ясно, как дважды два.

Он с облегчением рассмеялся.

— Мы говорили о войне у меня на родине. Там, верно, людей убивают. Но она никогда не видела, как это происходит.

— Здесь за вами тоже охотятся, — сказала девочка.

— Ничего серьезного они мне сделать не могут.

— Что вы! У нас тут такой ужас был, — сказала она. — Они там сейчас наверху разговаривают.

— Кто? — спросил он резко.

— Хозяйка и один человек.

— Что за человек?

— Маленький, седой, очки в стальной оправе.

Так. Значит, он выскользнул из кино раньше них. Девочка продолжала шептать:

— Они задавали мне всякие вопросы.

— Какие вопросы?

— О чем вы со мной говорили, не видела ли я каких-нибудь бумаг. Ну, конечно, я отвечала только нет и нет. Я б им все равно ничего не сказала, хоть под пыткой.

Его тронула ее преданность. Почему в этом мире такие душевные сокровища растрачиваются понапрасну? Она сказала горячо:

— Пусть хоть убьют.

— Тебе это не грозит.

Ее голосок задрожал:

—

Она на все способна. Она, знаете, иногда, как сумасшедшая, если ей перечат. Ну и пусть. Я вас не подведу. Вы джентльмен.

Аргумент был абсолютно несостоятельный. Она печально продолжала:

— Я для вас все сделаю, как та ваша девушка.

— Ты уже сделала значительно больше.

— Она уедет с вами вместе в вашу страну?

— Что ты, конечно, нет.

— А мне можно?

— Маленькая, — сказал он, — ты не представляешь, что там у нас творится.

Он услышал долгий, разочарованный вздох.

— А вы не знаете, что тут у нас творится!

— Где они сейчас? Управляющая и этот ее знакомый?

— На втором этаже, — сказала девочка. — Они ваши заклятые враги, да?

Бог знает, из каких грошовых книжонок вычитала она это выражение.

— Скорей наоборот — они мои друзья. Но точно не знаю. Хорошо бы мне это выяснить до того, как они обнаружат, что я пришел.

— О, они уже знают. Она все слышит. Из кухни слышит, что говорят на чердаке. Она велела мне ничего вам не рассказывать.

Его пронзила мысль: неужели и этому ребенку тоже грозит опасность? Быть того не может. Что они могут ей сделать? Он осторожно начал подниматься по неосвещенной лестнице. Одна ступенька скрипнула. Лестница сделала поворот, и он неожиданно ступил на площадку. Дверь комнаты, выходящей на площадку, была распахнута. Электрическая лампочка под розовым, шелковым, в сборочку абажуром освещала фигуры двух людей, терпеливо дожидавшихся его.

Д. вежливо приветствовал их:

— Бона матина. Вы не сказали мне, как будет ночь на энтернационо.

— Войдите и закройте за собой дверь, — приказала управляющая.

Он повиновался — ничего другого не оставалось. Ему подумалось, что пока ему ни разу не позволили взять на себя инициативу. Он был чем-то вроде кегли, которую все норовят сбить шаром.

— Где вы были? — требовательно спросила управляющая.

У нее было бычье лицо — ей бы родиться мужчиной с эдакой-то квадратной челюстью да прыщавой физиономией.

Д. сказал:

— Мистер К. вам все расскажет.

— Что вы делали с той девицей?

— Развлекался.

Стоило приглядеться к этому логову. Точнее слова не подыщешь, во всяком случае ничто не

свидетельствовало о том, что здесь живет женщина. Массивный стол без скатерти, обитые кожей стулья, тумбочка для обуви. Ни цветов, ни безделушек. Дверца тумбочки была распахнута, и виднелись здоровенные, тяжелые туфли на низком каблучке.

— Ваша девица — знакомая Л., — продолжала управляющая.

— Я тоже знаком с Л.

Даже дешевые цветные картинки на стене подбирались на мужской вкус: на каждой непременно присутствовали женщины в шелковых чулках и нижнем белье — он как будто попал в комнату закоренелого холостяка. Что-то смутное, пугающее, как тайное робкое желание порочной близости витало в воздухе. Неожиданно заговорил мистер К. Пожалуй, именно он внес женскую ноту в мужской разговор. Он начал визгливо, истерично:

— Пока вы были в кино, сюда кто-то звонил — хотели вам что-то предложить.

— Едва ли. Уж они-то должны были знать, что меня нет в гостинице.

— Вы ведь готовы отказаться от завтрашней встречи, если они примут ваши условия. Они их приняли.

— Я никому не ставил никаких условий.

— Но они просили меня передать вам об этом, — вставила управляющая.

— Следовательно, их не смущало, что об этом все узнают? И вы, и К.?

Мистер К. сцепил костлявые пальцы.

— Мы хотим убедиться, — сказал он, — что секретные документы все еще при вас.

— Бойтесь, что я их уже продал? По дороге в гостиницу?

— Мы обязаны проявлять осторожность, — сказал К., словно прислушиваясь, не ходит ли за дверью доктор Беллоуз на бесшумных резиновых подошвах. Видно, его даже здесь не отпускал смертельный страх быть оштрафованным на шиллинг.

— Вы действуете по инструкции? — спросил Д.

— Наши инструкции достаточно гибкие. Многое оставлено на наше усмотрение. Быть может, вы все-таки покажете нам бумаги?

Женщина молчала — она предоставила слабым помериться силами.

— Нет, не покажу.

Он посмотрел на К., потом на нее. Ему показалось, что инициатива, наконец-то, переходит в его руки. Еще бы поэнергичней на них поднажать... Но он был слишком измотан. Англия на каждом шагу воскрешала в его душе образы былого и напоминала, что он занимается не своим делом. Сидеть бы сейчас в библиотеке Британского музея и читать средневековые рукописи на старофранцузском. Он сказал:

— Я допускаю, что нами руководят одни и те же люди. Но доверять вам у меня нет никаких оснований.

Седой человечек сидел, как приговоренный. Опустив голову, он разглядывал свои обгрызанные ногти. Его сообщница в упор смотрела на Д. У нее было грубое властное лицо, хотя вся ее власть ограничивалась гостиницей сомнительного пошиба. Он знал немало

людей по обе стороны фронта, позже расстрелянных за предательство, чьи лица и манеры не внушали подозрений. Людей типа Ганелона по внешности не распознаешь.

— Уж не оттого ли вы так волнуетесь, что хотите получить свою долю из тех денег, которые я выручил за продажу документов? Так вот знайте — я не торгую государственными секретами.

— Ну, что ж, тогда вы, вероятно, не откажетесь прочитать это письмо? — внезапно сказала женщина. Единоборство мужчин кончилось, управляющая брала игру на себя.

Он медленно и внимательно прочел письмо. В его подлинности не могло быть никаких сомнений. И подпись, и даже сорт бумаги, на которой в министерстве писали такого рода документы, были ему хорошо знакомы. Все без обмана. Стало быть, это конец его миссии — женщине предоставлялось право забрать у него секретные бумаги, с какой целью — не указывалось.

— Как видите, — сказала женщина, — вам не доверяют.

— Почему же вы не предъявили мне это письмо, когда я приехал?

— Доверять вам или нет — было оставлено на мое усмотрение.

Фантасмагория! Ему поручили доставить бумаги в Лондон; мистеру К. велели следить за его передвижениями по городу, но не сообщили о секретном смысле его миссии; этой бестии готовы были доверить и документы, и содержание задания, но опять-таки с оговоркой «только в крайнем случае» — если его поведение окажется подозрительным. Он вдруг сказал:

— Вам, конечно, известно содержание бумаг.

Она отрубилась:

— Конечно.

Но он понял по ее каменному лицу игрока в покер — ни черта она не знает. Следовательно, это еще не конец сложным хитросплетениям полудоверия и полуобмана. А что, если министерство ошиблось, что если он отдаст им документы, а они продадут их Л.? Он знал, что верить можно только себе. Больше он ничего не знал. В комнате отвратительно пахло дешевыми духами — единственный признак того, что здесь жила женщина. И это было противно, как пахнувший духами мужчина.

— Теперь вы видите, — сказала она, — что можете ехать обратно? Ваша работа закончена.

Ситуация была одновременно слишком простой и слишком неопределенной. Министерство полностью не доверяет ни ему, ни им, ни вообще кому-либо на свете. Они в свою очередь не верят друг другу. Только каждый в отдельности знает о себе, честен он или ведет двойную игру. Мистер К. знает, как К. собирается поступить с документами. Управляющая знает собственные намерения. Ни за кого нельзя поручиться, — только за себя. Он сказал:

— Мне таких приказов не давали. Бумаги останутся у меня.

Мистер К. закричал пронзительно:

— Если вы будете действовать за нашей спиной...

В прыгающих глазках полунищего преподавателя энтернационо горели жадность и зависть. Да и чего ждать от человека с такой зарплатой? Под покровом высоких идей в измученных душонках идеалистов нередко вызревает предательство.

Управляющая тянула свое:

— Вы — человек сентиментальный. Буржуа, профессор. Со склонностью к романтике. Если вы нас обманете, с вами такое будет... Вам даже трудно себе представить, что произойдет.

Теперь он боялся взглянуть ей в лицо, как страшился бы заглянуть в преисподнюю. Она умела действовать на воображение. Прыщи на лице казались следами какого-то постыдного акта, от которого она так и не оправилась. Он вспомнил слова Эльзы: «Она как сумасшедшая».

— Кого обману? Вас или народ?

Он, действительно, не был уверен, как следует понимать ее слова. Стоя перед людьми, которые вполне могли оказаться его врагами, он чувствовал себя потерянным и измученным. Чем дальше уходишь от открытой схватки, тем больше ты одинок. Можно только позавидовать тем, кто сейчас в окопах, на передовой... Он вдруг и впрямь ощутил себя там — ему почудился звон колоколов пожарных машин, завывание карет скорой помощи. Налет окончился, откапывают трупы, спасательные команды осторожно разгребают груды щебня, ищут заваленных. Бывает, нечаянно ломом приканчивают тяжелораненого. Мир вокруг него вдруг окутался туманной дымкой, похожей на уличную пыль после налета. Ему стало плохо. И снова возле самого его лица та же мертвая кошка — кошачий мех почти касается его губ, а он не может даже шевельнуться.

Комната закачалась. Голова управляющей раздулась, словно пузырь. Он услышал, как она сказала:

— Заприте дверь, быстрее.

Надо взять себя в руки. Что они хотят с ним сделать? Враги они ему?.. Или друзья?.. Он вдруг понял, что стоит на коленях. Время замедлило ход, стало тягучим. Мистер К. с ужасающей медлительностью плыл к двери. Пыльная, как кошачья шкура, черная юбка управляющей касалась его губ. Ему хотелось завопить, но мешало чувство собственного достоинства, точно кляпом заткнувшее ему рот. Даже если на темя обрушивается дубинка тюремщика, все равно нельзя кричать. Управляющая, склонившись над ним, шипела: «Где бумаги?» И опять омерзительная смесь дешевых духов и никотина — полубаба, полумужик...

Он произнес, словно извиняясь:

— Вчера били, сегодня стреляли.

Толстые беспощадные пальцы надавили ему на зрачки. Погружаясь в кошмар, он прохрипел:

— У меня их нет.

— Где они?

Большой палец сильнее надавил на правый глаз. Мистер К. все еще ковырялся у двери. — Она не запирается, — донесся его голос.

— Не в ту сторону поворачиваете ключ.

Д. попытался приподняться, но палец снова упирается в глаз и уже не двинешься с места. Д. почувствовал ужас, словно у нее не только на лице, но и на пальцах гнездилась какая-то зараза. Здоровенная туфля прижимает его ладонь к полу. У двери опять верещит, жалуясь на что-то, мистер К. И вдруг испуганный, но решительный голосок из-за двери:

— Это вы звонили, мадам?

— Нет.

Д., шатаясь, поднялся на ноги.

— Это я звонил, Эльза, — сказал он. — Мне стало плохо. Небольшое головокружение. Кажется, машина скорой помощи на улице?.. Однажды меня засыпало во время налета. Дай мне руку, пожалуйста, помоги добраться до кровати.

Комната снова качнулась — тумбочка для обуви, девицы на стенах в черных шелковых чулках, массивные стулья. Он сказал:

— Я запрусь в номере, иначе всю ночь буду ходить во сне по всему дому.

Они медленно поднимались на верхний этаж. Он сказал:

— Ты вовремя пришла. Я мог бы выкинуть какую-нибудь глупость. Думаю, что послезавтра утром мы сможем отсюда уехать.

— И я тоже?

— Да, и ты тоже, — пообещал он опрометчиво. Как будто в этом взбесившемся мире можно что-то предсказать хотя бы на секунду вперед...

III

Кошачий мех и пыльная юбка преследовали его всю ночь. Покой его обычных снов рухнул — ни цветов, ни тихих рек, ни старых джентльменов, рассуждающих о лекциях. После того, самого страшного налета он больше всего боялся удушья. Хорошо, что противник расстреливает, а не вешает тех, кто попадается ему в руки. Нет ничего кошмарнее затягивающейся на шее веревки.

Настал день, но сумрак за окном не рассеялся. Улица тонула в желтом тумане. Метров за двадцать уже ничего не было видно. Когда он брился, вошла Эльза и принесла на подносе яйца, копченую рыбу и чайник.

— Ты напрасно беспокоилась, — сказал он, — я бы спустился вниз.

— Я подумала, что это хороший предлог. Вы, наверное, хотите, чтобы я отдала вам ваши бумаги. — Она сняла туфлю, потом начала стягивать чулок. — О Господи, что они подумают, если сюда войдут. — Она села на кровать и засунула руку в чулок.

— Что это? — сказал он, напряженно прислушиваясь. Он вдруг понял, что смертельно боится забирать свои документы. Когда бремя ответственности чревато бедой, его хочется переложить на кого-то другого, незнакомого. Она встала и тоже прислушалась. Звуки шагов затихли внизу.

— Да это мистер Мукерджи — индийский джентльмен. Он не похож на других индийцев, которые живут внизу. Мистер Мукерджи — очень порядочный человек.

Он взял у нее бумаги — ну, теперь уже он скоро от них избавится. Она снова натянула чулок и сказала:

— Вот только он любит расспрашивать. Задает всякие вопросы.

— Какие?

— Ну, обо всем. Верю ли я гороскопам? Верю ли газетам? Что я думаю о мистере Идене[16]? И ответы записывает. Не знаю, зачем ему это.

— Странно.

— Вы думаете, у меня из-за этого могут быть неприятности? Когда мне охота поболтать, я говорю ему всякие глупости — и про мистера Идена и вообще про все. Для смеха, понимаете. А иногда, как подумаю, что он записывает каждое мое слово, страшно становится. А то, бывает, оглянусь и вижу, что он наблюдает за мной, как будто я зверек какой. Но он всегда очень почтительный.

Он перестал слушать, мистер Мукерджи его мало заботил. Он сел завтракать. Но девочка не уходила, она словно всю жизнь его дожидалась, чтобы выговориться — его или мистера Мукерджи.

— А вы правду сказали вчера вечером: будто мы вместе уедем отсюда?

— Да, — сказал он, — я это как-нибудь устрою.

— Я не желаю обременять вас, — она опять заговорила языком дешевых романов. — Я всегда могу пойти к Кларе.

— Я придумаю для тебя что-нибудь получше, чем Клара. — Он снова попросит Роз, вчера вечером она просто была не в настроении.

— А можно мне уехать с вами в вашу страну?

— Нет, нельзя.

— Я читала, — сказала она, — как одна девушка переделалась...

— Так бывает только в книжках.

— Я боюсь оставаться с ней.

— Ты здесь не останешься, — заверил он.

Внизу бешено зазвонил колокольчик. Она сказала:

— Не зря его зовут Гам. Настоящий шум-гам.

— Кто это?

— Индеец со второго этажа.

Она неохотно пошла к двери и, берясь за ручку, еще раз спросила:

— Вы мне обещаете, да? Сегодня вечером меня здесь не будет?

— Обещаю.

— Перекреститесь.

Он повиновался.

— Этой ночью, — сказала она, — я не могла уснуть. Я боялась, она сделает что-нибудь ужасное. Вы бы видели ее лицо, когда я вошла. Я спрашиваю: «Это вы звонили?» — «Нет»,

— говорит и как зыркнула на меня — будто насквозь проткнула. Я, как вернулась от вас, сразу заперлась у себя в комнате. Что она хотела с вами сделать?

— Не знаю. Но ничего серьезного она сделать не может. Знаешь, она вроде как черт из сказки — развевет дыму, серы, а сделать ничего не сделает. Главное, не бояться ее, тогда она не причинит нам никакого вреда.

— Ох, до чего же я буду рада, когда уберусь отсюда.

Она радостно, как ребенок в день рожденья, улыбнулась ему с порога.

— Не будет больше ни мистера Гама, — сказала она, — ни гостей «на часок», ни мистера Мукерджи, и ее никогда больше не увижу. Сегодня у меня самый счастливый день!

Она словно просталась со всей своей нынешней жизнью, чтобы начать новую.

Заперев за ней дверь, он посидел еще у себя, пока не пришло время отправляться к лорду Бендичу. Он не хотел рисковать — спрятал бумаги во внутренний карман пиджака, пальто застегнул под горло. Теперь ни один карманник не доберется до его документов. Разве только попытаются отобрать силой. Что ж, такая опасность не исключена. Ведь сейчас они будут знать наверняка, что бумаги — при нем. Оставалось надеяться, что Лондон гарантирует ему безопасность. Особняк лорда Бендича был для него, как «домик» для ребятишек, играющих в прятки в заросшем, незнакомом саду. Через сорок пять минут, думал он, когда часы покажут 11.15, все так или иначе решится. Но они, наверное, попробуют воспользоваться туманом.

Маршрут его будет таков: по Бернард-стрит до Рассел-сквер — в метро они вряд ли что-нибудь предпримут, затем от Гайд-Парк-корнер до Чэтем-террас десять минут пешком в этом тумане. Конечно, можно позвонить и вызвать такси и проделать всю дорогу в машине, но на это уйдет уйма времени. Уличные «пробки», шум и туман дадут новые возможности его паникующим противникам, а в том, что они паникуют, он уже почти не сомневался. Кроме того, не исключено, что они додумаются подсунуть ему свое такси. Если ему понадобится взять машину до Гайд-Парк-корнер, он выберет ее сам на стоянке.

С сильно бьющимся сердцем он начал спускаться вниз по лестнице. Напрасно он пытался внушить себе, что днем в Лондоне с ним ничего не может случиться, что он в безопасности. Он обрадовался, когда индеец в потертом цветастом халате выглянул из своей комнаты на втором этаже. Как будто это был друг, свидетель, который в случае чего мог дать показания в его пользу. Ему хотелось оставить за собой на всем пути какие-нибудь явные следы — неоспоримые приметы своих действий.

Он ступил на ковровую дорожку. Он спускался тихо, не испытывая ни малейшего желания оповещать хозяйку о своем уходе. Но он не смог проскользнуть незаметно — она сидела в своей холостяцкой комнате, за столом, перед открытой дверью. На ней было то же черное заношенное платье, что и во время вчерашнего кошмара. Он задержался у двери:

— Я ухожу.

Она сказала:

— Вам лучше знать, отчего вы не подчинились инструкции.

— Я вернусь через несколько часов. Вечером я уезжаю.

Она взглянула на него с полнейшим безразличием. Это его насторожило — как будто она знает о его планах больше, чем он сам, словно она уже все давно предусмотрела и рассчитала своими хитроумными мозгами.

— Я полагаю, — сказал он, — что вам заплатили за мою комнату.

— Да.

— Горничной за неделю вперед я уплачу сам.

— Не понимаю.

— Эльза вас тоже покидает. Вы запугивали ребенка. Не знаю уж, зачем вы это делали...

Лицо ее выразило явное любопытство — он не заметил никаких признаков гнева. Ему показалось, что он навел ее на какую-то мысль, за что она была даже благодарна ему.

— Вы хотите сказать, что забираете девочку?

Ему стало не по себе — не надо было говорить ей об этом. Он будто услышал чей-то предостерегающий шепот: «Осторожней!» Он оглянулся — конечно, никого не было. В конце коридора закрылась дверь какой-то комнаты — это тоже было как предупреждение. Он сказал ей резко:

— Советую вам больше не запугивать ребенка.

Почему-то ему было трудно сойти с места. Но почему? Бумаги находились в безопасности в его кармане. Однако он чувствовал, что оставляет за собой что-то, что нуждается в его заботе. Глупо — ведь девочке ничто не угрожает. Он враждебно взглянул на грубое, прыщавое лицо хозяйки:

— Я скоро вернусь. Я спрошу у нее и, если только вы...

Вчера вечером он не заметил, какие у нее толстые большие пальцы. Сейчас она спокойно сидела, спрятав их в пухлые кулаки, — считается, что это симптом невроза. Колец она не носила. Она сказала твердо и довольно громко:

— Я по-прежнему ничего не понимаю.

И тут вдруг лицо ее исказилось, одно веко опустилось и она подмигнула ему с какой-то непонятной вульгарной усмешкой. Кажется, совершенно успокоилась и чувствует себя хозяйкой положения, — подумал он. Он повернулся и пошел к дверям. Сердце его все еще стучало в своей клетке, как будто шифром пыталось предупредить его о некой опасности, но он не знал этого шифра.

Мы слишком разговорчивы, — думал он, — типично интеллигентская слабость. Он мог ей все сказать, когда вернется. А если не вернется? Ну что же, в конце концов девочка — не рабыня, ее нельзя замучить в неволе. К тому же лучшая полиция в мире — лондонская.

Когда он спустился в холл, чей-то подчеркнuto почтительный голос произнес:

— Не соизволите ли оказать мне величайшую честь, сэр?

Рядом с ним стоял индеец с заискивающими карими глазами. Он был в ярко-голубом костюме и оранжевых туфлях. Должно быть, это и есть мистер Мукерджи. Он сказал:

— Не могли бы вы ответить всего лишь на один вопрос? Каким образом вы копите деньги?

Уж не сумасшедший ли этот мистер Мукерджи? Д. ответил:

— Я вообще не коплю денег.

У мистера Мукерджи было крупное, открытое, доброе лицо с глубокими складками вокруг рта. Он воскликнул взволнованно:

— Совсем? А ведь многие люди откладывают медные монетки, особенно викторианские пенни. Есть ведь национальные сберегательные общества и строительные кооперативы.

— Нет, я совсем не откладываю.

— Благодарю вас, — сказал мистер Мукерджи, — именно это я хотел знать. — И он начал что-то быстро писать в блокноте.

За спиной мистера Мукерджи появилась Эльза. Она провожала его взглядом. Снова он почувствовал какую-то необъяснимую радость, наверное, от присутствия мистера Мукерджи — все-таки он не оставлял девочку наедине с хозяйкой. Он улыбнулся Эльзе поверх согнутой спины мистера Мукерджи и помахал рукой. Она робко улыбнулась в ответ. Так бывает перед отходом поезда — пока влюбленные и родственники торопливо прощаются, о чем-то просят, стараясь не очень демонстрировать свою нежность или растерянность, у постороннего — вот такого, как мистер Мукерджи, — есть возможность заглянуть в чужую жизнь. Мистер Мукерджи оторвался от блокнота, раскланялся и сказал с несколько преувеличенной любезностью:

— Возможно, мы еще увидимся и так же интересно побеседуем.

Он протянул руку, но тут же поспешно отдернул ее, будто испугавшись, что ему не ответят тем же. На лице его появилась извиняющаяся улыбка.

Д. вышел на улицу, в желтый туман.

Если бы, расставаясь, мы точно знали, на сколько расстанемся, тогда, наверное, мы обращали бы больше внимания и на прощальные улыбки, и на последние слова. Гостиница скрылась в тумане. Итак, его поезд тронулся, провожающие стали расходиться, и даже те, кто еще оставался на перроне, махая ему рукой, тоже вот-вот скроются из глаз.

Он быстро шел, напряженно прислушиваясь к каждому звуку. Мимо промелькнула девушка с сумкой через плечо, почтальон сошел с тротуара и растворился во мгле. Он чувствовал себя, как летчик, которому предстоит пересечь Атлантику — пока еще самолет летит над берегом, но дальше — прыжок через океан. Все должно занять не более получаса. Дело решится быстро. Он не допускал и мысли, что они с Бендичем могут не столкнуться — те, кто послал его в Англию, готовы дать за уголь любую цену. Его обступил плотный туман. Он прислушивался к шагам прохожих, но слышал только стук собственных каблуков по каменным плитам. В тишине таилась опасность, — он нагонял людей и различал их лишь, когда их фигуры неожиданно прорывались из мглы. Если за ним следят, он этого не заметит. Но, с другой стороны, в состоянии ли они вести слежку в укутавшем город тумане?

Однако где-нибудь они, конечно, нанесут удар.

Вдоль тротуара медленно двигалось такси. Шофер окликнул: «Такси, сэр?» Он забыл о своем решении взять машину только на стоянке. Он сказал: «Гвин-коттедж, Чэтем-террас», и сел в такси. Они медленно пробирались сквозь непроницаемую мглу, поворачивали куда-то, кружили. Он подумал внезапно: «Мы едем не туда. Какой же я дурак!» И сказал: — Остановитесь, — но такси продолжало ехать. Он не мог разглядеть, где они находились, все, что он видел, — широкая спина шофера и туман. Он постучал по стеклу. — Выпустите меня. — Такси остановилось. Он сунул шиллинг шоферу в руку и выскочил на тротуар. Послышался удивленный возглас: — Что за фокусы!

— Кажется, он зря его заподозрил. Нервы его напряглись до предела. Он наткнулся на

полисмена.

— Это станция метро Рассел-сквер?

— Вы сбились с дороги. Идите обратно, первая улица налево.

Он, наконец, дошел до метро — ему показалось, что он шел очень долго. Он дождался лифта [17] и вдруг понял, что поездка в метро потребует от него больше выдержки, чем он думал. Он не спускался под землю с того самого дня, когда оказался замурованным под развалинами дома. После того случая во время воздушных налетов он забирался на крышу. Лучше погибнуть сразу, чем медленно задыхаться рядом с мертвой кошкой. Пока не закрылись двери лифта, он стоял, стиснув зубы, сдерживая отчаянное желание рвануться к выходу. Нервы сдавали. Он сел на скамью, и стены поплыли вверх. Он обхватил голову руками, чтобы не видеть и не чувствовать спуска. Лифт остановился. Он был под землей.

Чей-то голос произнес: — Помочь вам? Дай джентльмену руку, Конвей. — Он почувствовал, как чья-то маленькая липкая ручонка дергает его. Женщина с вытертым меховым воротником вокруг тощей шеи сказала: — Конвей всегда помогает людям в лифте, правда, птенчик? — Бледный мальчуган лет семи, нахмурившись, держал его за руку. Д. сказал:

— Мне уже лучше.

Однако белый туннель, затхлый воздух и грохот приближавшегося поезда действовали на него скверно.

Женщина сказала:

— Вы на запад? Мы вам скажем, где выходить. Вы иностранец, да?

— Да.

— Ну что ж, иностранец, так иностранец.

Они повели его по длинному коридору. Ребенок был одет безвкусно — короткие плисовые штанишки, лимонно-желтый джемпер и школьная шапочка — коричневая в розоватую полоску. Женщина сказала:

— Конвей меня очень беспокоит. Доктор говорит, что это у него возрастное. Но его отец страдал язвой двенадцатиперстной кишки.

Спасения не было. Они загнали его в вагон, и он оказался зажатым между ними. Она продолжала:

— Понимаете, мальчик сопит. Закрой рот, Конвей. Джентльмен не собирается осматривать твои гланды.

Вагон был полупустой. Здесь за ним наверняка не следили. Неужели что-нибудь произойдет на Гайд-Парк-корнер? А может быть, он преувеличивает опасность? Ведь он в Англии. Но тут же вспомнилась наглая ухмылка шофера на дороге из Дувра и пуля в подворотне. Женщина сказала:

— Беда в том, что Конвей терпеть не может овощи.

Его осенило:

— Вам далеко ехать?

— Хай-стрит, Кенсингтон. Мы едем в магазин Баркера[18]. На этом мальчике все просто

горит.

— Может быть, вы разрешите мне подвезти вас на такси от Гайд-Парк-корнер...

— О, нам бы не хотелось затруднять вас. Да в метро и быстрее.

Он сидел в напряженной, скованной позе. Поезд прибыл на станцию Пикадилли и снова с грохотом ушел в туннель. С таким же грохотом идет взрывная волна от фугасной бомбы, неся с собой запах смерти и крики боли.

Он сказал:

— Я думаю, что это будет приятно Конвею...

— Смешное имя, не правда ли? Мы с мужем были на выставке Конвея Тирла как раз перед тем, как малыш появился на свет. Мужу это имя ужасно понравилось. Больше, чем мне. «Вот имя, которое подойдет для нашего ребенка, если это будет мальчик», — сказал муж. И когда он родился, кажется, в ту же ночь, мы решили, что это была хорошая примета.

— Может, мальчик хочет покататься?

— О, нет, в такси его укачивает. Как-то странно — в автобусе все хорошо, и в метро тоже. Хотя были, что говорить, времена, когда я стыдилась входить с ним в лифт. И окружающим было неловко. Не успеешь и глазом моргнуть, как он уже готов.

Нет, договориться с ней невозможно. А впрочем, что может с ним случиться? Свои главные козыри они уже выложили. В их распоряжении остается последнее средство — убийство. Правда, вряд ли сам Л. будет участвовать в таком деле, — у него удивительная способность в нужную минуту превращаться в стороннего наблюдателя.

— Ну, вот вы и приехали, — сказала она. — Это ваша остановка. Очень приятно было побеседовать. Дай джентльмену ручку, Конвей.

Д. механически пожал протянутые ему липкие пальчики и вышел в желтый туман.

Воздух был полон веселого гама. Все кричали так, будто праздновали великую победу. Тротуар у Найтсбриджа был запружен народом. Через дорогу, из низкой желтой пелены тумана торчала верхушка ворот Гайд-Парка. С другой стороны над грязными клочьями тумана можно было разглядеть каменную колесницу, запряженную четверкой вздыбленных лошадей. Все пространство вокруг больницы святого Георгия было забито автобусами, постепенно их поглощал туман и они исчезали, как крокодилы в болоте. Послышался какой-то свист, и из тумана медленно выехала инвалидная коляска. Калека одной рукой крутил колесо, а другой прижимал к губам дудку — печальный прогресс в мире нищих. Мотив упорно ему не давался, дудка пищала, словно воздух выходил из резиновой свинки, сжимаемой детским кулачком. Дощечка на груди инвалида извещала: «Жертва газовой атаки 1917 года. Нет одного легкого». Желтый туман сомкнулся вокруг него. Толпа продолжала весело гомонить.

Из уличной пробки вырвался «даймлер». Женщины завизжали, несколько мужчин сняли шляпы, Д. удивился. Такое он видел на религиозных процессиях в прежние времена, но тут никто не опускался на колени. Машина медленно двигалась мимо него. Две маленькие девочки в элегантных пальтишках и в перчатках равнодушно выглядывали из окон автомобиля. Женский голос запричитал: «Какие милые! Посмотрите, они едут в магазин «Хэрродз»[19]. Вот что собрало толпу — выезд принцесс в «даймлере». Голос, который Д. определенно уже где-то слышал, резко приказал: — Снимите шляпу, сэр!

Это был Керри.

В ту же секунду Д. подумал: «Он следил за мной». Но замешательство самого Керри, узнавшего его, было неподдельным — он хмыкнул, отступил в сторону и стал крутить свой монокль.

— Ах, извините, это вы — иностранец.

Он вел себя так, как будто перед ним был не Д... а женщина, которую он ранее пытался изнасиловать — поскольку ее нельзя зарезать, надо хотя бы поскорее прошмыгнуть мимо.

— Послушайте, — сказал Д., — вы не могли бы сказать мне, как пройти к Чэттем-террас?

Керри оживился.

— Вы идете к лорду Бендичу?

— Да.

Снова прерывисто запищала дудка нищего. Автобусы тяжело тронулись с места. Народ расходился.

— Вот какое дело, — сказал Керри, — я, кажется, сваял дурака в ту ночь. Приношу извинения.

— О чем говорить, вопрос исчерпан.

— Решил, что вы один из этих шпионов. Глупо, конечно. А мисс Каллен — славная девчонка.

— Да.

— Однажды я купил затонувший испанский галеон[20]. Из Непобедимой армады, знаете? Заплатил сотню фунтов наличными. Ну и конечно, это оказался не галеон.

— Да что вы!

— Слушайте, я хочу вам доказать, что не держу против вас камня за пазухой. Давайте я провожу вас до Чэттем-террас. Всегда рад услужить гостю. Надеюсь, вы сделаете то же самое, если я приеду в вашу страну. Впрочем, это маловероятно.

— Я весьма тронут.

Д. перевел дух. Конец битве — если они и собирались предпринять в тумане последнюю отчаянную атаку, то им не повезло. Не он перехитрил их — судьба. Он с удовольствием нащупал сквозь пальто пачку документов.

— Конечно, — продолжал капитан Керри, — после таких промахов становишься осмотрительнее.

— Промахов?

— Ну, да. С испанским галеоном. Этот малый был ловкач. Перед тем как отправиться получать деньги по моему чеку, он вручил мне пятьдесят фунтов. Я и слышать об этом не хотел, но он настаивал. Сказал, раз он потребовал наличные, это дело его чести.

— Так что вы пострадали только на пятьдесят фунтов?

— Банкноты оказались фальшивые. Понял, видать, что я романтик в душе. Но он преподавал мне урок. На ошибках учатся.

— Учатся ли? — Ему доставляло огромное удовольствие слушать болтовню Керри.

— А вы слышали о заведении под вывеской «Испанский галеон»?

— Нет, кажется, нет.

— Это моя первая дорожная гостиница. Около Мейден-Хеда. Но в конце концов пришлось ее продать. На западе, видите ли, публика небогатая. Вот Кент — другое дело, даже Эссекс лучше. А на западе живет мелкота, если кто и ездит туда, так только в Косволдс.

Насилие казалось немыслимым, более чем где-либо, в этой стране с ее сложными социальными различиями и странными табу. Здесь, среди бела дня, оно было бы примитивной безвкусицей... Они свернули влево, в переулок. Фантастические красные башни и замки возникли из тумана. Капитан Керри спросил:

— Что-нибудь интересное в театрах успели посмотреть?

— Я был очень занят.

— Всех дел не переделаешь.

— Кроме того я изучаю энтернационо.

— Господи, зачем это вам понадобилось?

— Язык международного общения.

— Пока вы его осилите, — сказал капитан Керри, — большинство людей во всем мире будет хоть немного болтать по-английски. Постойте, будь я проклят! Вы знаете, мимо кого мы сейчас прошли?

— Я никого не заметил.

— Шофер. Как его звали? С которым вы дрались.

— Я не видел его.

— Он стоял в подъезде. А у тротуара — его машина. Что, если мы вернемся и поболтаем с ним? Как вы на это смотрите? — Он положил здоровую руку на плечо Д. — У нас куча времени. Чэттем-террас в двух шагах.

— Нет, нет. У меня нет ни минуты. — Его охватила паника — неужели все-таки ловушка? Рука тянула его мягко, но настойчиво.

— У меня назначена встреча с лордом Бендичем.

— Всего одна секунда. В конце концов, это была честная драка, без поблажек той или другой стороне. Пожмете руки в знак того, что не затаили зла друг против друга. Так полагается. Вы же знаете, что виноват был я, а не он.

Не замолкая ни на секунду, он дышал Д. в ухо и тянул его за рукав; от него пахло виски.

— Потом, — сказал Д. — После того, как я повидаюсь с лордом Бендичем.

— Меня мучает мысль, что понапрасну пострадал приличный человек. Я виноват перед вами.

— Ничего, ничего.

— На когда назначено ваше свидание?

— Ровно на двенадцать.

— А сейчас еще без пяти. Давайте же пожмем друг другу руки и выпьем.

— Нет, нет.

Д. сбросил со своего плеча сильную настойчивую руку. Кто-то присвистнул прямо за его спиной. Он обернулся в отчаянии, сжав кулаки. Но это был всего лишь почтальон. Д. спросил:

— Не скажете ли, как пройти к Гвин-коттедж?

— А вы почти на пороге, — сказал почтальон. — Вот сюда.

Он успел заметить растерянное и злое лицо капитана Керри. Наверное, подумал он, я все-таки ошибся — Керри действительно хотел помириться и только.

Вид огромной двери особняка в стиле эпохи короля Эдуарда подействовал на Д., как сигнал отбоя после воздушной тревоги. Дверь распахнулась, пропуская его в великолепный холл. Он нашел в себе силы улыбнуться, вспомнив о пристрастии шахтовладельца к королевским фавориткам. Стены, раскрашенные под шелк, были увешаны копиями знаменитых картин. Выше других висел портрет Нелл Гвин[21]. Она, как на пьедестале почета, возвышалась над лестницей, среди прочих красоток, возведенных в высшие дворянские звания. Подумать только: какой многочисленный дворянский род вел свое происхождение от этой торговки апельсинами. Рядом висели мадам Помпадур[22] и мадам де Ментенон[23], а также мадемуазель Гэби Деслей в черных шелковых чулках и черных перчатках. Станный вкус у лорда Бендича!

— Разрешите ваше пальто, сэр?

Он позволил лакею снять с себя пальто. В холле была ужасающая мешанина разностильной мебели — китайской, Людовика XVI и Стюартов. Он блаженствовал. Для тайного агента этот удивительный дом был райским оазисом безопасности. Он сказал:

— Кажется, я рановато...

— Его милость распорядились сразу же проводить вас к нему.

Любопытно, что Роз выросла именно здесь, в этой дышавшей чувственностью обстановке. Неужели этот дом — воплощение мечты честолюбивого сына простого рабочего? Обладать деньгами для него значило обладать женщинами. Даже в лакее все было чрезмерным до нелепости — очень высокий, брюки отутюжены до самой талии, казалось, ему удастся сохранить тщательно отглаженные складки в образцовом порядке только благодаря тому, что он двигается, слегка откинувшись назад, как Пизанская башня. Д. всегда чувствовал неприязнь к лакеям, он считал их символом консерватизма и паразитизма. Но вид этого человека вызвал у него улыбку. Он был карикатурен. Такие же ливрейные лакеи были в доме одного театрального режиссера, куда он как-то был приглашен на обед.

Лакей распахнул дверь и произнес: — Мистер Д. — Д. вошел в огромную комнату с паркетным полом. Стены комнаты тоже были увешаны портретами — вряд ли это были предки Бендича. Несколько кресел стояло перед большим камином. За высокими спинками нельзя было разглядеть, сидел ли в них кто-нибудь. На другого эта комната произвела бы более сильное впечатление, подумал он. Обстановка заставляла устыдиться собственного протертого рукава, убогого костюма и необеспеченного будущего, но, к счастью, снобизм был чужд ему от природы. Он просто-напросто не обращал внимания на свой потрепанный вид.

Он усмехнулся про себя и неторопливо пошел по паркету. Он был слишком счастлив, что добрался сюда, остальное его не занимало.

Неожиданно из среднего кресла поднялся крупный мордастый человек, с гривой седых волос и массивной челюстью, как у статуи конкистадора.

— Мистер Д.?

— Лорд Бендич?

Человек махнул рукой в сторону остальных кресел: — Мистер Форбс, лорд Фетинг, мистер Бригсток. — И добавил: — Мистер Голдстейн прийти не смог.

Д. спросил:

— Надеюсь, вы осведомлены о цели моего визита?

— Две недели назад мы получили письмо, — сказал лорд Бендич. Он протянул руку, указывая на большой инкрустированный стол. Видимо, у него была привычка пользоваться руками, как дорожными указателями. — Разрешите сразу перейти к делу. Я — человек деловой.

— Вполне согласен.

Из-за высокой спинки кресла возник еще один человек — маленький, черноволосый, с острыми чертами лица, напоминавший приноживающуюся собачонку. С важным видом он начал придвигать стулья к столу.

— Мистер Форбс, — позвал он, — мистер Форбс!

Появился мистер Форбс. Он был в твидовом костюме и вполне мог сойти за сельского жителя, совсем недавно перебравшегося в город, если бы профиль не выдавал в нем бывшего Фурстейна. Форбс сказал с явной насмешкой в голосе: — Иду, Бригсток, иду.

— А что же лорд Фетинг?

— Пусть Фетинг немного подремлет, — сказал мистер Форбс, — если, конечно, он не будет храпеть.

Они уселись рядом по одну сторону стола, лорд Бендич — посередине. Это было похоже на заключительное заседание комиссии по присвоению ученой степени. Бригсток, наверное, попортит мне немало крови, — подумал Д., — вцепится, как бульдог.

— Что вы стоите, садитесь, — хмуро бросил Бендич.

— Я бы, разумеется, сел, — сказал Д., — если бы был стул по эту сторону границы.

Форбс засмеялся. Бендич рявкнул:

— Бригсток!

Бригсток засуетился и придвинул еще один стул. Д. сел. Его охватило ощущение полной нереальности всего происходящего. Наступал решающий момент, но этому трудно было поверить в доме, где от всего разило фальшью, среди портретов вымышленных предков и давно умерших королевских фавориток. Невозможно было представить себе, что в таком месте решится исход войны. Он сказал:

— Вы знаете, сколько угля требуется нам до апреля?

— Да.

— И можете обеспечить поставки?

Лорд Бендич ответил:

— Да, но при условии, если меня, а также Форбса, Фетинга и... Бригстока, — добавил он, как будто с трудом припомнив имя четвертого участника, — удовлетворят ваши...

— Цены?

— Разумеется. А также гарантии.

— Мы заплатим по самым высоким рыночным ценам, а кроме того выплатим двадцатипятипроцентный бонус, когда поставки будут завершены.

Бригсток спросил:

— Золотом?

— Частично золотом.

— Не надейтесь, что мы возьмем бумажными деньгами, которые к весне могут обесцениться, или товарами, которые вы будете не в состоянии вывезти из своей страны, — сказал Бригсток.

Лорд Бендич откинулся на стуле, предоставляя вести разговор Бригстоку — очевидно, тот был специально натаскан, чтобы выигрывать такие матчи. Мистер Форбс рисовал на листе бумаги курносые рожицы и глазастых девиц в купальных костюмах.

— Если мы получим уголь, вопрос об оплате не будет представлять сложности. Даже с тем, чем мы сейчас располагаем, мы выдержали два года войны. Поставки вашего угля будут означать полнейший крах для мятежников.

— Мы располагаем иной информацией, — возразил Бригсток.

— Не думаю, чтобы ваша информация была надежней моей.

Внезапно раздался храп — откуда-то из-за кресел.

— Мы вынуждены настаивать на оплате золотом, — повторил Бригсток. — Может быть, разбудить Фетинга?

— Пусть спит, — отмахнулся мистер Форбс.

— Можно пойти на компромисс, — предложил Д. — Мы готовы уплатить рыночную цену золотом, если вы согласны принять бонус банкнотами или товарами.

— В таком случае бонус должен составлять тридцать пять процентов.

— Это слишком много.

Бригсток сказал:

— Мы идем на большой риск. Пароходы должны быть застрахованы. Очень большой риск.

За его спиной висела картина — пышнотелые нимфы, возлежащие на лужайке среди цветов.

— Когда вы можете начать поставки?

— Некоторый запас угля у нас есть... Мы могли бы начать со следующего месяца, но, чтобы обеспечить поставки полностью, нам придется снова открыть несколько шахт. А на это потребуются время и деньги. Оборудование изнашивается, и хороших шахтеров теперь не сыщешь. Люди изнашиваются быстрее, чем машины.

Д. сказал:

— Вы держите нас за горло. Уголь нам необходим.

— Это нас не интересует, — отрезал Бригсток. — Мы деловые люди, мы не политики и не крестоносцы.

От камина донесся истошный крик лорда Фетинга: — Мои туфли! Где мои туфли?

Мистер Форбс снова улыбнулся, дорисовывая девичьи глаза с длинными ресницами. Может быть, он думал о своей любовнице с Шепердс-маркет? У него был вид здорового, чувственного человека. Воплощенная сексуальность в твидовом костюме и с трубкой.

Лорд Бендич пояснил мрачно и презрительно:

— Бригсток имеет в виду, что в другом месте нам могут предложить более выгодные условия.

— Возможно и так, но надо думать о будущем. Если они победят в войне, они перестанут быть вашими покупателями. У них другие союзники...

— Ну, это дело весьма далекое. Нас интересуют доходы, которые можно получить сейчас.

— У их золота меньше гарантий, чем у наших бумаг. Оно краденое. Мы еще предпримем юридические меры. А кроме того, ваше правительство может счесть поставки угля мятежникам незаконными.

Бригсток резко сказал:

— Если мы придем к согласию, мы готовы на тридцать процентов банкнотами по курсу на день поставки последней партии. И учтите — комиссионные платит ваша сторона. Мы и так максимально пошли вам навстречу.

— Комиссионные? Я не совсем понимаю.

— Лично вам комиссионные, с продажи. Их должна уплатить ваша сторона.

— Я не собирался просить комиссионные, — опешил Д. — Это что, так полагается? Я не знал. В любом случае я не намереваюсь поднимать этот вопрос.

— Вы странный агент, — проронил Бендич и взглянул на него сердито, словно он сказал какую-то ересь или был изобличен в неблаговидном поступке. Бригсток сказал:

— Перед тем, как подписать контракт, мы хотели бы взглянуть на ваши документы.

Д. сунул руку во внутренний карман. Он был пуст. Бумаги исчезли. Это было невероятно.

В панике он начал лихорадочно обыскивать все свои карманы. Бумаг не было. Он поднял глаза и увидел, что все трое внимательно наблюдают за ним. Мистер Форбс бросил рисовать и уставился на него с интересом. Д. сказал:

— Что-то невероятное. Я положил их сюда, во внутренний карман.

Мистер Форбс попытался подсказать:

— Может быть, они остались в пальто.

— Бригсток, — бросил лорд Бендич, — позвоните.

Вошел лакей.

— Принесите пальто этого джентльмена.

Это был бессмысленный церемониал — Д. знал, что бумаг там нет. Но как они исчезли? Капитан Керри? Нет, это невозможно. Никто не мог этого сделать, кроме... Лакей вернулся, неся в руке пальто. Д. взглянул в его глаза и не обнаружил в них даже намека на честность — одно хорошо оплаченное безразличие. Эти люди продаются так же невозмутимо, как берут чаевые.

— Ну? — нетерпеливо спросил Бригсток.

— Здесь их нет.

Неожиданно перед камином появился дряхлый старик.

— Когда же появится этот человек, Бендич? Я уже устал ждать.

— Он здесь.

— Почему же мне никто не сказал?

— Вы спали.

— Чепуха!

Д. обыскивал один карман за другим. Он пошарил за подкладкой. Конечно же там ничего не было. Все, что он делал, было не более, чем театральным действием, попыткой убедить их хотя бы в том, что у него действительно были удостоверения. Он и сам чувствовал, что играет плохо, неубедительно, и зрители не верят, что он рассчитывает найти бумаги.

— Разве я спал, Бригсток?

— Да, лорд Фетинг.

— Ну и что из этого? Зато теперь я чувствую себя бодрее. Надеюсь, ничего еще не решено?

— Ничего, лорд Фетинг.

Бригсток сидел с самодовольным видом, словно говоря: «Я предполагал это с самого начала».

— Быть может, — сказал лорд Бендич, — вы не захватили с собой бумаги? Но это очень странно.

— Документы были при мне. Их украли.

— Украли! Когда?

— Не знаю! По дороге в эту комнату.

— Н-да, вот так-так, — протянул Бригсток.

— Что вот так-так? — спросил вдруг Фетинг. — Я не подпишусь под контрактом, который вы тут без меня составили.

— Мы ничего не составили.

— Очень хорошо. Всякое дело нужно сперва хорошенько обдумать.

— Я понимаю, — сказал Д., — что ничем, кроме своего слова, ничего доказать не могу. Но ведь я сам никакой выгоды от этой сделки не получаю.

Бригсток наклонился к нему через стол и ядовито спросил:

— А комиссионные? Разве мы не говорили о комиссионных?

— Послушайте, Бригсток, — поморщился Форбс, — он же отказался от комиссионных.

— Да, когда увидел, что на них нечего рассчитывать.

— Это не тема для спора, Бригсток, — оборвал их лорд Бендич. — Или этому джентльмену можно верить, или нельзя. Если он тот, за кого себя выдает, и может это доказать, я готов подписать контракт.

— Конечно, — сказал Форбс, — я тоже.

— Но вы, сэр, как деловой человек, должны понять, что контракты не подписываются с людьми, не уполномоченными на то по всей форме.

— Кроме того, вы должны уяснить себе, — добавил Бригсток, что в нашей стране существует закон против лиц, пытающихся получить деньги под фальшивым предлогом.

— Я мог бы еще поспать, — проворчал лорд Фетинг. — Нам всем стоило бы поспать.

«Что же мне теперь делать, — подумал Д., — что теперь делать?» Уничтоженный, он опустился в кресло. В том, что он сумел обойти все ловушки, кроме одной, утешения было мало. Оставалось лишь долгое путешествие обратно — пароходом через Ла-Манш, затем парижским экспрессом. Разумеется, дома не поверят ни одному его слову. Не странно ли избежать пули врага для того, чтобы быть расстрелянным у себя на родине, у кладбищенской стены... Теперь у них казнят на кладбищах, чтобы не перевозить трупы.

— Итак, — сказал лорд Бендич, — я думаю, говорить больше не о чем. Если, вернувшись в отель, вы найдете документы, звоните сразу. У нас есть другой клиент... Мы должны кончить это дело так или иначе.

Форбс спросил:

— Кто-нибудь в Лондоне может поручиться за вас?

— Никто.

Его перебил Бригсток.

— Не думаю, что нам следует более задерживать этого джентльмена.

Д. не выдержал:

— Я понимаю, бесполезно говорить вам о том, что я ожидал такого конца. Я пробыл здесь менее трех дней — за это время мой номер в гостинице обыскивали, меня избили. — Он потрогал лицо рукой. — Вы видите — синяки и царапины. В меня стреляли.

Наблюдая за их лицами, он вспомнил предупреждение Роз — никаких мелодрам. Бендич, Фетинг, Бригсток сидели с бесстрастными лицами, точно он рассказывал непристойный анекдот в абсолютно не подходящем для этого обществе. Лорд Бендич медленно проговорил:

— Я охотно верю, что вы потеряли документы.

— Мы тратим время попусту, — Бригсток явно высказывал нетерпение. — Все ясно.

Лорд Фетинг пробормотал:

— Чепуха. Есть же полиция.

Д. встал.

— Еще минуту, лорд Бендич. Ваша дочь знает, что в меня стреляли. Она видела это место. И нашла пулю.

Лорд Фетинг засмеялся.

— Ох, уж эта молодая особа! Этакая плутовка...

Бригсток быстро взглянул на лорда Бендича. Он как будто хотел что-то сказать, но не решался. Лорд Бендич произнес:

— Слова моей дочери не являются доказательством... в этом доме.

Он нахмурился и стал рассматривать свои толстые волосатые пальцы.

— В таком случае мне остается сказать «до свидания». Но со мной еще не все кончено. Я очень прошу вас не торопиться.

— Мы никогда не торопимся, — сказал лорд Фетинг.

Д. повернулся и пошел, чувствуя спиной их ледяные взгляды. Путь до двери показался ему бесконечным. Это было похоже на начало отступления. Неизвестно, сумеет ли он остановиться или так и будет отступать до самой кладбищенской стены.

В холле дождался Л. С некоторым удовлетворением Д. подумал, что Л. заставили дожидаться как обыкновенного просителя. С подчеркнuto равнодушным видом Л. изучал Нелл Гвин и окружавших ее красоток. Он не повернул головы, как шеф, не замечающий бывшего подчиненного, уволенного им за серьезное прегрешение. Наклонившись к полотну, Л. тщательно разглядывал зад герцогини Сен-Альбано. Д. сказал:

— Мне следовало быть осторожней. Разумеется, у вас множество агентов, но в конечном итоге игра идет между мною и вами.

Л. оторвался от созерцания картины, чтобы с грустью поглядеть на человека, опрометчиво порвавшего со своей средой. Л. проговорил:

— Я полагаю, вы отбудете первым же пароходом. Но на вашем месте я бы дальше Франции не ездил.

— Что вы, я не собираюсь покидать даже Англию.

— Какой прок от вашего пребывания здесь?

Д. молчал. У него не было никаких планов. Его молчание, кажется, озадачило Л. Он повторил

серьезно:

— Я вам действительно советую...

Значит, я представляю для него какую-то опасность, — подумал Д. — Но какую? Может быть, самое простое?..

— Вы допустили ряд ошибок. Во-первых, когда избили меня. Мисс Каллен ни за что не подтвердит, что я украл машину. Затем в меня стреляли. Пулю нашел не я. Ее нашла мисс Каллен. Я подам на вас в суд...

Вдали зазвонил колокольчик. Лакей появился слишком быстро и слишком бесшумно.

— Лорд Бендич может принять вас, сэр.

Л. не обратил на слугу никакого внимания. И это тоже говорило о многом. Л. сказал:

— Если только вы дадите слово... больше не будет никаких неприятностей.

— Я обещаю вам, что еще несколько дней пробуду в Лондоне.

К Д. начало возвращаться самообладание. Поражение было не окончательным. Л. был чем-то расстроен. Казалось, он готов о чем-то просить. Очевидно, ему было известно что-то такое, чего не знал Д. Прозвенел входной звонок. Слуга открыл парадную дверь, и Роз, как посторонняя, вошла в свой дом.

— Я хотела вас застать... — и вдруг заметила Л. — Что это вы все тут собрались? — спросила она.

Д. сказал:

— Я доказывал ему, что не крал вашей машины.

— Конечно, нет!

Л. поклонился:

— Мне надо идти. Лорд Бендич ждет меня.

Лакей открыл дверь, и Л. скрылся в большой комнате.

— Ну, — сказала она, — вы еще помните свое обещание — отпраздновать победу?

Она взглянула на него с напускной бравадой — нелегко встречаться с мужчиной после того, как первой призналась ему в любви. Интересно, — подумал он, — не попытается ли она и сейчас объяснить все происшедшее тем, что плохо соображала после виски. Но Роз сказала с отчаянной прямоотой:

— Вы не забыли вчерашний вечер?

— Я все помню. Только праздновать нечего. Они выкрали у меня документы.

Она быстро спросила:

— Но вам они ничего не сделали?

— О, они проделали это безболезненно. Вы не знаете, как давно работает здесь привратник?

— Не знаю. Вы, может быть, думаете, что я живу здесь? — Она тут же сменила тему. — Что вы им сказали?

— Я сказал им правду.

— Получилась мелодрама?

— Да.

— Я же вас предупреждала. А как отнесся к этому Фурт?

— Фурт?

— Форбс. Я его зову Фуртом.

— Не знаю. Говорил главным образом Бригсток.

— Фурт по-своему честный человек.

Она плотно сжала губы. Наверное, размышляла над своеобразной честностью Фурта. Он снова почувствовал огромную жалость к этой девушке, чужой в доме своего отца, вынужденной не верить жениху и нанимать каких-то частных сыщиков. Подумать только — она была несмышленишем, когда он женился! Как мало нужно времени для страшных перемен в жизни человека.

Роз сказала:

— В вашем посольстве хоть кто-нибудь может за вас поручиться?

— Не думаю. Мы им не доверяем. Кроме разве второго секретаря.

— Попытаться все-таки стоит. Я возьму с собой Фурта. Он не дурак.

Она позвонила в колокольчик. Появился лакей.

— Я хочу видеть мистера Форбса.

— Сожалею, мадам, но он занят на совещании.

— Не важно. Скажите ему, что мне срочно нужно с ним поговорить.

— Лорд Бендич распорядился...

— Вы, наверное, понятия не имеете, кто я. Вы, как видно, здесь новенький. Я вас знать не обязана, а вот вам бы меня знать следовало... Я дочь лорда Бендича.

— Очень сожалею, мисс. Я не знал...

— Идите и передайте Форбсу то, что я велела. — Когда слуга ушел, она сказала: — Да, значит, он тут недавно.

Когда дверь открылась, до них донесся голос Фетинга:

— Торопиться некуда. Лучше поспать.

— Если действительно этот лакей украл ваши документы... — сказала Роз.

— Я в этом убежден.

Она продолжала с яростью:

— Он у меня останется без куска хлеба. Ни одна биржа труда в Англии...

Вошел мистер Форбс.

— Фурт, — сказала она, — я хочу, чтобы вы для меня кое-что сделали.

Он прикрыл за собой дверь.

— Все, что угодно.

Несмотря на свои брюки-гольф, он был похож на восточного царька, готового повергнуть к ее ногам любые сокровища. Она сказала:

— Эти идиоты ему не верят.

Глаза, смотревшие на Роз, стали влажными. Что бы там ни доносили частные сыщики, он был в нее безнадежно влюблен. Форбс повернулся к Д.

— Простите, но вы нагородили прямо какие-то чудеса.

— Но я нашла пулю! — возмутилась Роз.

Теперь, когда он был здесь один, без своих компаньонов, он выглядел старше и больше походил на еврея — чертами лица, брюшком.

— Я сказал — чудеса, но ведь и чудеса иногда случаются.

Где-то в жизни его далеких библейских предков была пустыня, мертвое соленое море, безлюдные горы и разрушенные трубными звуками стены Иерихона[24]. Этот человек имел основания верить в чудеса.

— Что они там делают? — спросила Роз.

— Ничего особенного. Старый Фетинг — поразительная дубина. И Бригсток — тоже. Не думайте, что вы единственный человек, которому Бригсток не доверяет, — обратился он к Д.

Роз сказала:

— Если бы можно было доказать, что мы не врем...

— Мы?

— Да, мы.

— Если доказательства меня убедят, я подпишу контракт на максимальное количество угля, какое только смогу поставить. Вам этого угля не хватит, но наверняка за мной последуют другие.

Форбс с беспокойством смотрел на них. Он как будто чего-то испугался. Наверное, этот человек жил в постоянном страхе увидеть объявление в газете: «Состоялась свадьба», или услышать ходившие по городу слухи: «А вы слышали, дочь-то Бендича?..»

— Вы можете сейчас поехать в посольство? — спросила она.

— Но он же говорит, что никто в Лондоне...

— Это не моя идея. Я и теперь не думаю, что из поездки в посольство что-то получится, —

сказал Д. — Видите ли, мы не доверяем нашему послу в Лондоне... Но попробовать можно.

Они молча ехали в машине, медленно пробираясь сквозь туман. Первым заговорил Форбс:

— Я буду рад, если шахты начнут работать. Паршивая жизнь у безработных шахтеров.

— А почему вас это беспокоит, Фурт?

Он обернулся к Роз и печально усмехнулся:

— Не люблю, когда меня не любят.

И снова уставился своими темными, как изюмины, глазами в желтый уличный туман с терпеливостью святого Иакова[25], который мучился семь лет... Но ведь в конце концов, подумал Д., даже Иаков отмучился и нашел утешение и разве можно его винить за это? Он почти завидовал Форбсу — все-таки хорошо любить живую женщину, даже если это не приносит тебе ничего, кроме страха, ревности и боли. По крайней мере, низким такое чувство не назовешь.

У дверей посольства он обратился к Форбсу:

— Спросите второго секретаря. Хоть какая-то надежда.

Их проводили в приемную. На стенах висели картины довоенных лет.

— Вот здесь я родился. — Д. указал на крохотную деревушку, притулившуюся к склону горы.

— Сейчас она у них.

Он медленно переходил от стены к стене, оставив Форбса с Роз. Картины были скверные, приторно-красивые, с клубящимися мрачными облаками и рдеющими пышными цветами. На одной был изображен университет, где он когда-то читал лекции, — здание казалось пустым, заброшенным и никому не нужным...

Открылась дверь. Человек в черном пиджаке и высоком белом воротничке, похожий на гробовщика, спросил:

— Мистер Форбс?

Д. обернулся к Форбсу:

— Не обращайтесь на меня внимания. Задавайте ему любые вопросы, какие только пожелаете.

В приемной стоял шкаф с книгами в богатых переплетах — национальный драматург, национальный поэт... Похоже было, что толстые тома никогда не снимали с полки. Д. повернулся спиной к остальным и сделал вид, что рассматривает книги.

Мистер Форбс начал:

— Я приехал навести кое-какие справки. От моего имени и от имени лорда Бендича...

— Мы сделаем для вас все, что сможем... Для нас это большая честь.

— Нас посетил джентльмен, который утверждает, что уполномочен вашим правительством закупить уголь у ряда британских фирм.

Бесстрастный голос произнес:

— Не думаю, чтобы мы располагали какой-либо информацией... Я спрошу у посла, но я убежден... — Голос от слова к слову звучал уверенней.

— Но ведь могло случиться и так, что вас не проинформировали, — настаивал Форбс — Допустим, это секретное доверенное лицо.

— Весьма маловероятно.

Роз резко вмешалась:

— Вы второй секретарь?

— Нет, мадам. Очень сожалею, но он в отпуске. Я первый секретарь.

— Когда он вернется?

— Сюда он больше не вернется.

Итак, по-видимому, все кончено. Но мистер Форбс продолжал:

— Джентльмен утверждает, что у него украли документы.

— Гм... Боюсь... мы ничего об этом не знаем... Все это, как я уже сказал, представляется маловероятным.

Роз не сдавалась:

— Джентльмен, о котором идет речь, известен в вашей стране. Он ученый, преподавал в университете...

— В таком случае мы легко можем установить, так ли это.

Эта девчонка — настоящий боец, — подумал Д. с восхищением. — Она всегда знает, куда бить.

— Он специалист по романским языкам и средневековой литературе. Он нашел и опубликовал Бернскую рукопись «Песни о Роланде». Его фамилия Д.

Последовала пауза. Затем секретарь произнес:

— Боюсь, что... эта фамилия мне абсолютно незнакома.

— Ну что же, вполне возможно, почему бы и нет. Вас, наверное, просто не интересуют романские языки.

— Вы правы, — ответил чиновник с самодовольным смешком, — но если вы подождете две минуты, я поищу эту фамилию в справочнике.

Д. отвернулся от книжного шкафа и сказал Форбсу:

— Мы понапрасну тратим ваше время.

— О, мое время меня не так волнует, как исход всей этой истории, — возразил Форбс. Он не мог отвести глаз от девушки. Он следил за каждым ее движением с усталой и печальной нежностью. Она достала с нижней полки шкафа книгу и стала ее листать. Дверь открылась, и снова вошел секретарь.

— Я пытался найти эту фамилию, мистер Форбс. Такого ученого нет. Боюсь, что вас ввели в

заблуждение.

Роз повернулась к нему:

— Вы лжете! — гневно крикнула она.

— Почему же я лгу, мисс... мисс...?

— Каллен.

— Дорогая мисс Каллен, во время гражданской войны всегда выплывают проходимцы, которые выдают себя за кого угодно.

— Тогда почему же здесь его имя напечатано? — Она держала раскрытую книгу. — Я не могу прочесть, о чем здесь говорится, но вот его фамилия. Тут уж я не ошибаюсь. И слово «Берн» рядом. Это, кажется, справочник.

— Очень странно. Разрешите взглянуть. Возможно, вы не знаете нашего языка.

Д. сказал:

— Поскольку я знаю наш язык, может быть, я прочту вслух? Здесь указана дата моего назначения преподавателем университета и упоминается моя работа о Бернской рукописи. Вот тут все это и написано.

— Вы и есть Д., о котором идет речь?

— Да.

— Можно мне взглянуть?

Д. протянул ему книгу. Боже, она победила! — подумал он. Форбс смотрел на Роз с восхищением. Секретарь сказал:

— О, я прошу меня извинить, вы так произнесли эту фамилию, мисс Каллен, что я вас сразу не понял. Ну конечно, мы знаем Д. Это один из наших наиболее уважаемых ученых и... — он оборвал фразу на полуслове. Казалось, он признал свое полное поражение. Но он смотрел только на девушку, а не на человека, которого это касалось. Где-то был подвох, здесь непременно был подвох.

— Ну, вот, — сказала Роз Форбсу, — вы видите.

— Увы, — вкрадчиво продолжал секретарь, — этого человека уже нет в живых. Его расстреляли в тюрьме мятежники.

— Нет, — сказал Д., — это неправда. Меня обменяли. Вот мой паспорт.

Как хорошо, что он не положил паспорт вместе с остальными бумагами. Секретарь взял паспорт.

— Что вы теперь скажете? Что это подделка? — спросил Д.

— Ну почему же, я полагаю, паспорт настоящий, но не ваш. Вы только взгляните на фото.

Секретарь протянул им паспорт. Д. вспомнил незнакомое улыбающееся лицо, которое он рассматривал на контрольно-пропускном пункте в Дувре. Он сказал без всякой надежды на то, что ему поверят:

— Война и тюрьма меняют человека.

Мистер Форбс попытался вмешаться:

— Сходство, конечно, очень большое.

— Разумеется, — усмехнулся секретарь, — он знал, что подбирал.

Роз набросилась на секретаря:

— Это он! Разве вы не видите, что это его лицо? Присмотритесь получше.

Но Д. чувствовал, что и она в душе сомневается и кричит для того, чтобы убедить себя.

— Как уж он раздобыл этот паспорт, неизвестно. — Секретарь повернулся к Д. — Я прослежу, чтобы вы получили по заслугам. Мы это так не оставим. — Он уважительно понизил голос: — Сожалею, мисс Каллен. Д. был одним из наших крупнейших ученых.

Голос первого секретаря звучал с почти неподдельной убежденностью. Д. испытал странное удовольствие — его как будто расхваливали заочно, в конце концов слова секретаря ему даже льстили. Мистер Форбс развел руками:

— Пусть лучше полиция докапывается до истины. Я тут уже ничего не понимаю.

— Если вы разрешите, я сейчас же туда и позвоню.

Секретарь присел к столу и поднял трубку.

Д. сказал:

— Для человека, которого нет в живых, я успел совершить слишком много преступлений.

— Скотланд-Ярд? Говорят из... — секретарь назвал свое посольство.

— Сначала меня обвиняли в том, что я угнал вашу машину.

Секретарь говорил в трубку:

— Паспорт проштемпелеван в Дувре два дня назад. Да, да, фамилия эта самая.

— Затем мистер Бригсток хотел задержать меня за попытку получить деньги незаконным путем, не знаю уж, в чем он это усмотрел.

— Да, да, — продолжал секретарь, — все совпадает. Обязательно задержим.

— И вот теперь меня обвиняют в использовании поддельного паспорта. Для преподавателя университета просто рекорд — и надо сказать, рекорд мрачноватый.

— Перестаньте шутить, — не выдержала девушка. — Это безумие. Вы — Д. Я знаю, что вы — Д. Если и вы врете, значит, весь мир — дерьмо...

Секретарь поднялся:

— Этого типа уже разыскивает полиция. Не пытайтесь сдвинуться с места. У меня в кармане пистолет. Полицейские хотят задать вам несколько вопросов.

— Да уж, несколько, — сказал Д. — Кража машины, попытка мошенничества, паспорт...

— А также смерть несовершеннолетней девицы, — добавил секретарь.

Кошмар вернулся. Он как прокаженный. Повсюду, куда бы он ни шел, за ним следует насилие. Как заразный больной, он повинен в гибели соприкасавшихся с ним людей. Д. опустился на стул: — Какая девица?

— Вы это очень скоро узнаете, — ответил секретарь.

— Наверное, нам лучше уйти, — сказал мистер Форбс. Он выглядел искренне озадаченным.

— Весьма желательно, чтобы вы остались, — возразил секретарь. — Полиция, вероятно, захочет узнать, чем он занимался в Лондоне.

Роз сказала:

— Я не уйду. Это же просто бред, сумасшествие какое-то. Вы сможете рассказать им, как провели сегодняшний день?

— Конечно, смогу. Есть свидетели, они могут подтвердить каждый мой шаг.

Отчаяние постепенно отпускало его. Произошла ошибка, а его враги не могут позволить себе делать слишком много ошибок. Но тем не менее где-то кто-то погиб! Тут ошибки быть не могло. Он чувствовал скорее жалость, чем ужас — в конце концов, каждый день кто-то умирает.

Роз воскликнула:

— Фурт, ведь вы не верите всему этому?

И снова Д. услышал в ее голосе сомнение.

— М-да. Не знаю, что вам сказать. Очень странная история.

И снова она нашла нужные слова в нужный момент:

— Если он обманщик, зачем же кому-то понадобилось стрелять в него?

— Если действительно стреляли...

Секретарь сидел у двери, вежливо давая понять, что он не слушает.

— Но я сама нашла пулю, Фурт!

— Пулю, положим, могли подбросить.

— Никогда этому не поверю.

Она уже не говорит «не верю», — отметил про себя Д.

Роз снова обернулась к нему:

— Что еще им теперь от вас нужно?

Мистер Форбс сказал:

— Вам лучше уйти.

— Куда? — спросила она.

— Домой.

Она истерически рассмеялась. Больше никто не проронил ни слова. Все ждали. Форбс начал внимательно, одну за другой, рассматривать картины, как будто они представляли какой-то интерес. У дверей раздался звонок. Д. встал. Секретарь остановил его:

— Оставайтесь на месте. Полицейские войдут сюда.

Появились двое — один, постарше, походил на лавочника, другой — на его приказчика. Пожилой спросил:

— Вы — мистер Д.?

— Да.

— Не пройдете ли вы с нами в участок, чтобы ответить на несколько вопросов?

— Я готов ответить на любые вопросы здесь.

— Как вам угодно, сэр.

Полицейский стоял, видимо, дожидаясь, пока уйдут остальные. Д. сказал:

— Я не возражаю против того, чтобы эти люди присутствовали при допросе. Если вам хочется узнать, что я делал в течение этих дней, они могут вам помочь.

Вмешалась Роз:

— Что он мог сделать? У него есть свидетели, они каждый его шаг могут подтвердить!

Полицейский обеспокоенно сказал:

— Дело серьезное, сэр. Для всех нас было бы лучше, если бы вы проследовали в участок.

— В таком случае арестуйте меня.

— Я не могу арестовать вас здесь, сэр. Кроме того, пока еще не настало время...

— В таком случае приступайте к делу. Задавайте вопросы.

— Вы знакомы с мисс Кроул?

— Никогда о такой не слышал.

— Как же не слышали? Вы остановились в отеле, где она работала.

— Эльза? — Он встал и умоляюще простер руки к полицейскому. — Они ей ничего не сделали, ведь правда?

— Не знаю, кто это «они», сэр, но девочка погибла.

— О, боже, это я виноват!

Мягким тоном, как доктор больному, полицейский напомнил:

— Я обязан вас предупредить, сэр, что каждое ваше слово...

— Ее убили.

— Юридически — возможно и так, сэр.

— Что вы этим хотите сказать? Юридически?

— Сейчас это не имеет значения, сэр. Все, что нам известно в настоящий момент, сэр, — это то, что девочка, кажется, выбросилась из окна верхнего этажа.

Он вспомнил, как выглядел сверху сквозь космы тумана тротуар. И услышал слова Роз: — Не впутывайте его в это дело. Начиная с полудня, он был у моего отца. — Он вспомнил, как, узнав о смерти жены, подумал, что никогда уже не испытает подобной душевной боли — как не болеют дважды скарлатиной. Но сейчас он будто узнал о смерти своего единственного ребенка. Как же, должно быть, ее запугали перед тем, как она выпрыгнула! И зачем, зачем, зачем?

— Вы находились с ней в интимных отношениях, сэр?

— Нет, конечно, нет! Она же совсем ребенок.

Они все, не отрываясь, смотрели на него. Полицейский офицер с усами уважаемого лавочника жевал губами. Наконец, прервав молчание, он обратился к Роз:

— Вам бы лучше уйти, мэм. Эта история не для ваших ушей.

Она сказала:

— Вы идете по ложному пути. Я уверена, что это ошибка — от начала и до конца.

Форбс взял ее за руку и увел из приемной. Полицейский повернулся к секретарю.

— А вы лучше останьтесь, сэр. Быть может, этот джентльмен пожелает стать под защиту своего посольства.

Д. возразил:

— Это не мое посольство. Определенно, не мое. Так что не обращайтесь внимания. Продолжайте.

— Джентльмен из Индии, некий мистер Мукерджи, проживает в вашем отеле. Он заявил, что видел сегодня утром, как эта девочка раздевалась в вашем номере.

— Чепуха! Откуда он это взял?

— Он подглядывал в замочную скважину. Он признался в этом без всякого смущения, сэр. Говорит, что добывал таким образом нужные ему сведения, — не знаю уж, для чего. По его показаниям, девочка сидела на вашей кровати и снимала чулок.

— Ах да, теперь я вспомнил.

— И вы все еще отрицаете интимную близость?

— Да.

— Что же это в таком случае означает?

— Накануне вечером я попросил ее припрятать кое-какие важные документы. Она положила их в чулок. Видите ли, я имел основания предполагать, что мою комнату будут обыскивать и нападут на меня.

— Какие документы, сэр?

— Документы, выданные мне моим правительством. Они удостоверяют, что я являюсь доверенным лицом правительства и имею полномочия на заключение определенных сделок.

Полицейский возразил:

— Но этот джентльмен отрицает, что вы Д. Он утверждает, что вы путешествуете с паспортом умершего человека.

— Ну, у него есть свои причины так говорить.

Сети расставлены надежно, опутали его накрепко. Полицейский спросил:

— Могу ли я взглянуть на эти документы?

— У меня их украли.

— Где?

— В доме лорда Бендича.

Это действительно звучало невероятно, и он уточнил, сам ужасаясь всей этой дикой истории:

— Их украл лакей лорда Бендича.

Наступила тишина. Все молчали. Полицейский не потрудился даже записать последнюю фразу Д. Его спутник смотрел по сторонам, показывая, что его больше не интересуют басни, которые сочиняет преступник. Полицейский сказал:

— Ладно, вернемся к девочке. — Он остановился, как будто для того, чтобы дать Д. время еще раз все взвесить. — Можете ли вы пролить свет на это м-м... самоубийство?

— Это не самоубийство.

— Она была несчастна?

— Сегодня она была счастлива.

— Вы грозили бросить ее?

— Слушайте! Я не был ее любовником. Я не занимаюсь растлением малолетних.

— Вы случайно не предлагали ей покончить самоубийством вместе с вами?

Наконец они проболтались — уговор совершить самоубийство вдвоем, вот что полицейский называл «юридическим убийством». Они вообразили, что он убедил ее первой выброситься из окна, а сам преспокойно спустился по лестнице — чудовищная подлость. Господи, что же их навело на такое подозрение? Он устало сказал:

— Нет, не предлагал.

— Кстати, — спросил полицейский, глядя в сторону на бездарную картину на стене, — почему

вы остановились в этом отеле?

— Номер был заказан еще до моего приезда.

— Следовательно, вы раньше знали эту девочку?

— Каким образом? Я не был в Англии почти восемнадцать лет.

— Вы выбрали довольно странный отель.

— Не я, а мое начальство.

— Почему же в Дувре вы на паспортном контроле заявили, что остановитесь в гостинице «Стрэнд-палас»?

Он чувствовал, что изнемогает. Каждый его поступок после того, как он ступил на берег Англии, оборачивался против него.

— Я думал, что это простая формальность.

— Почему?

— Чиновник в Дувре подмигнул мне, когда спрашивал, где я остановлюсь. Полицейский невольно вздохнул. Он явно собирался закрыть блокнот.

— Значит, вы не можете пролить свет на это, так сказать, самоубийство?

— Ее убили управляющая гостиницей и человек по имени К.

— С какой целью?

— Этого я еще точно не знаю.

— Вы, наверное, удивитесь, если узнаете, что она оставила письменное заявление.

— Я не верю в это. Полицейский сказал:

— Если бы вы во всем признались, и вам и нам было бы легче. — И добавил презрительно:

— За самоубийство по сговору не вешают. Хотя, по-моему, зря.

— Могу ли я посмотреть, что написала девочка.

— Пожалуй, я прочту вам несколько выдержек, если это поможет вам сознаться. — Он откинулся в кресле и откашлялся, как будто собирался огласить поэму или эссе собственного сочинения. Д. сидел, опустив руки и разглядывая физиономию секретаря посольства. Предательство черным облаком заволокло весь мир... Это конец. Разве можно убить ребенка? Он представил себе, как она летела вниз, к заледеневшему тротуару, какими долгими казались ей две секунды падения. Слепая ярость поднималась в нем. Хватит, он достаточно долго был пешкой в чужих руках, пора начать действовать самому. Если они понимают один язык — насилие, что ж, будет им насилие. Секретарь беспокойно заерзал под его взглядом и сунул руку в карман, где, должно быть, лежал револьвер. Вероятно, он захватил оружие, когда выходил докладывать послу.

Полицейский начал читать.

— «Я не могу этого больше выдержать. Сегодня вечером он обещал, что мы вместе уедем отсюда навсегда». Видите, она вела дневник. Между прочем очень хорошо написано.

Полицейский ошибался. Дневник был написан отвратительным языком журналистиков, которые читала Эльза, но Д. как будто слышал ее голосок, слышал, как она запинается, произнося неуклюжие фразы. В отчаянии он поклялся себе: «Кто-нибудь поплатится за эту жизнь». Такую же клятву он дал, когда расстреляли его жену. Но то обещание он так и не выполнил.

— «Сегодня вечером, — продолжал читать полицейский, — я подумала, что он любит другую, но он сказал, что это не так. Я не думаю, что он из тех мужчин, которые порхают с цветка на цветок. Я написала Кларе о нашем плане. Думаю, она опечалится, когда узнает». Где она выучилась так здорово писать? Прямо как в романе, — с чувством сказал полицейский.

— Клара, — объяснил Д., — это проститутка. Вам бы следовало ее найти. Это не сложно. Если она не выбросила письмо Эльзы, вам все станет ясно.

— Все и так достаточно ясно.

— Наш план, — упрямо продолжал Д., — заключался в том, что я всего-навсего собирался забрать ее сегодня из отеля.

— То есть собирались вступить в интимную связь с несовершеннолетней?

— Я не такая скотина. Я просил мисс Каллен подыскать для нее место.

— Правильно ли будет сказать, что вы уговорили девочку уйти с вами, пообещав за это устроить ее на работу?

— Конечно, неправильно.

— Но это вытекает из ваших слов. Ну, а что вы можете сказать относительно этой Клары? При чем тут она?

— Она приглашала девочку к себе в горничные. Мне казалось, что это не лучший выход для Эльзы.

Полицейский начал писать: «Некая молодая особа предложила ей работу, однако мне эта работа показалась неподходящей, и я уговорил ее уйти со мной...»

Д. сказал:

— Вы пишете хуже, чем она.

— Шутки тут неуместны.

В нем медленно, но неудержимо, как раковая опухоль, росла ярость. Ему вспомнилось, как она говорила: «Большинство постояльцев любит копченую рыбу». Вспомнились ее манера поворачивать голову, ее боязнь одиночества, ее безграничная детская преданность.

— Я и не думаю шутить. Я говорю вам — это не самоубийство. Я обвиняю хозяйку и мистера К. в преднамеренном убийстве. Ее толкнули вниз...

Полицейский прервал его:

— Это уж наше дело, кого обвинять. Управляющую, разумеется, допросили. Она глубоко опечалена. Она признает, что, возможно, иногда была груба с ребенком за ее неряшливость. Что касается К., мы ничего о нем не слышали. Постояльца с такой фамилией в гостинице нет.

Д. настаивал:

— Я вас предупреждаю. Если вы не накажете виновных, это сделаю я.

— Ну хватит, — сказал полицейский. — В этой стране вы уже больше ничего не сделаете. Пожалуй, пора идти.

— У вас нет достаточных оснований, чтобы арестовать меня.

— По данному обвинению — пока нет, вы правы. Но этот джентльмен сообщил нам, что у вас фальшивый паспорт.

Д. проговорил медленно, отчеканивая каждое слово:

— Хорошо, я готов идти с вами.

— Машина ждет на улице.

Д. встал:

— Наручники будете надевать?

Полицейский, несколько смягчившись, сказал:

— Обойдемся без этого.

— Я вам понадоблюсь? — спросил секретарь.

— Боюсь, сэр, что вам потребуется пройти в участок. Видите ли, здесь мы прав не имеем, юридически это территория вашей страны. В случае каких-либо запросов из разных там политических инстанций нам понадобится ваше заявление, что вы сами вызвали нас. Полагаю, что могут появиться новые обвинения. Питерс, — обратился он к помощнику, — посмотрите, машина вернулась? Ждать ее в таком тумане — удовольствие маленькое.

Итак, это конец — теперь уже не только для Эльзы, но и для тысяч людей там, дома. Конец, потому что угля не будет. Смерть этой несчастной девочки была первой и, может быть, самой страшной, — она сражалась в одиночку. Другие дети будут умирать все вместе в бомбоубежищах. Переполнявшая его ярость искала выхода... Его загнали в угол. Он проводил глазами Питерса. Потом сказал детективу:

— Вот то место, где я родился — деревушка под горой.

Полицейский отвернулся и посмотрел на картину.

— Очень живописно.

И тут Д. ударил секретаря кулаком прямо в кадык, как раз туда, где кончался высокий белый воротничок. Секретарь упал, взвизгнув от боли, и полез в карман за револьвером. Теперь Д. знал, где взять оружие. Прежде чем детектив успел пошевелинуться, револьвер был в руке у Д. Он быстро сказал:

— Вы ошибаетесь, если думаете, что я не умею стрелять. Я на действительной службе.

— Ну, ну, — детектив поднял руку с таким спокойствием, будто регулировал уличное движение. — Не сходите с ума. За то, в чем вы обвиняетесь, больше трех месяцев не дадут.

Д. сказал секретарю:

— Станьте у стены. С того момента, как я приехал сюда, за мной охотится целая шайка предателей. Теперь стрелять буду я.

— Уберите револьвер, — детектив говорил спокойно, увещевая его. — У вас разыгрались нервы. В участке мы проверим ваши показания.

Д. стал пятиться к двери.

— Питерс! — громко позвал детектив.

Рука Д. лежала на ручке двери. Он нажал на нее, но почувствовал сопротивление. Кто-то пытался войти. Он отпустил ручку и прижался к стене, целясь в детектива. Дверь распахнулась, закрыв Д., а голос Питерса спросил:

— Что случилось, сержант?

— Осторожнее!

Но Питерс уже вошел в комнату. Д. навел на него пистолет:

— Станьте к стене вместе с ними.

Пожилой детектив начал сердиться:

— Вы ведете себя глупо. Если вы и выберетесь отсюда, через несколько часов вас все равно найдут. Бросьте револьвер, и мы забудем об этом происшествии.

— Револьвер мне нужен.

Дверь была открыта. Медленно пятясь, он вышел из комнаты и быстро захлопнул дверь. Запереть ее он не мог. Он крикнул:

— Я буду стрелять в первого, кто попытается выйти!

Он оказался в холле, среди старинных портретов и мраморных колонн.

— Что вы делаете? — вскрикнула Роз.

Д. быстро обернулся, держа палец на спуске. Около девушки стоял Форбс.

Д. сказал:

— Разговаривать некогда. Девочку убили. Кто-то должен ответить за это.

Форбс возмутился:

— Бросьте револьвер, дурень вы эдакий. Вы в Лондоне.

Д. не обратил на него никакого внимания. Он смотрел на девушку.

— Я на самом деле Д.

Он чувствовал, что обязан это подтвердить, в основном, ради Роз. Вряд ли он еще когда-нибудь увидит ее, но пусть она не думает, что весь мир ее обманывает. Он продолжал:

— Должен же быть какой-нибудь способ доказать...

Она с ужасом смотрела на револьвер. Вероятно, она ничего не слышала.

— Когда-то я подарил библиотеке Британского музея свою книгу с дарственной надписью. — Ручка двери начала поворачиваться. Д. выкрикнул: — Отпустите ручку или я выстрелю!

Какой-то человек в черном костюме с портфелем в руке быстро спускался по широкой мраморной лестнице. Увидев револьвер, он остановился, как вкопанный, и воскликнул:

— Ну и ну!

Все, кто был в холле, застыли в напряженном ожидании — что произойдет дальше? Д. колебался — ему казалось, что Роз сейчас что-нибудь скажет, что-то очень нужное ему, вроде «желаю удачи» или «будьте осторожней». Но она молча глядела на револьвер. Зато заговорил Форбс.

— Вы же знаете, что на улице, у подъезда стоит полицейская машина, — в замешательстве сказал он.

Человек на лестнице снова недоумевающе пробормотал:

— Ну и ну!

Где-то зазвонил телефон и тут же смолк. Форбс сказал:

— Не забудьте, что у них там телефон.

Об этом он забыл. Он бросился к выходу, открыл стеклянную дверь, сунул револьвер в карман и быстро вышел. У тротуара стоял полицейский автомобиль. Если Форбс уже позвал их, у него есть запас ярдов в десять, не больше. Он быстро зашагал прочь — водитель машины подозрительно посмотрел на него — Д. забыл надеть шляпу. В тумане видно было ярдов на двадцать. Он не рискнул побежать. Может быть, Форбс не сказал полицейским, что он ушел. Д. оглянулся — автомобиль был уже едва различим, светились лишь красные стоп-сигналы. Он побежал на носках, бесшумно. Сзади вдруг послышались голоса, взревел мотор. Они преследовали его. И тут он увидел, что путь отрезан. Он не заметил, что площадь, на которой стояло посольство, была тупиковой, к ней вела лишь одна улица. Он повернул не в ту сторону, и теперь ему нужно было бежать кругом. У него не было на это времени. Он слышал, как тронулась машина. Они не стали терять время на разворот, а рванули прямо через площадь.

Неужели все-таки конец? Он вряд ли понимал, что делал, когда мчался вдоль стены, касаясь рукой каких-то перил, навстречу своим преследователям. Внезапно перила под рукой оборвались, нога провалилась в пустоту — на ступеньку лестницы, ведущей в подвал. Он сбежал вниз и, скорчившись, прижался к стене. Наверху прошумел мотор. На несколько минут туман спас его. Вряд ли они думают, что он убежал далеко. Они не собирались давать ему шанс уйти. Он услышал трель свистка, а затем медленные шаги вокруг площади — они искали его. Один шел в одну сторону, другой — в противоположную. Автомобиль, возможно, блокировал выход на единственную улицу. Кроме того, конечно, скоро придёт подкрепление. Неужто они совсем не боятся, что он вооружен, или у тех, кто в машине, тоже есть оружие? Полагается у них в Англии полицейским носить оружие или нет? Шаги приближались.

Свет в окне, выходящем на лестницу в подвал, был погашен. В этом тоже таилась опасность — они не стали бы искать его там, где есть люди. Он заглянул в окно. Ничего нельзя было различить, кроме края дивана. По-видимому, здесь кто-то жил. На двери висела записка: «До понедельника молока не нужно». Он сорвал ее. Около звонка прибитая небольшая медная дощечка с фамилией «Глоувер». Он потянул дверь. Бездна — заперто на два замка. Шаги приближались — очень медленные. Они, должно быть, обшаривают каждый уголок. Оставался последний шанс — люди иногда бывают небрежны. Он вынул нож и засунул его под нижнюю часть оконной рамы. Нажал. Рама пошла вверх. Он перевалился в комнату и бесшумно упал на диван. Шаги удалялись. Он чувствовал слабость во всем теле, не хватало воздуха, но он все еще не смел перевести дыхание. Он закрыл окно и зажег свет.

В комнате пахло засохшей землей, должно быть, от горшка с цветами над камином. Диван был застелен вышитым покрывалом, на нем лежали голубые и оранжевые подушечки. У стены — газовая плитка. Он быстро оглядел комнату: любительские акварели на стене, приемник, трюмо. Обстановка говорила, что хозяйка — незамужняя стареющая женщина, очевидно, довольно ограниченная. Он снова услышал приближающиеся шаги. Квартира ни в коем случае не должна казаться необитаемой. Он поискал розетку и включил приемник. Бодрый женский голос произнес: «Но что же делать молодой хозяйке, если за ее стол могут усесться лишь четверо? Взять на время большой стол у соседей не всегда возможно». Он наугад отворил дверь и очутился в ванной. «А почему не составить два стола одинаковой высоты — под скатертью это будет почти незаметно. Но где взять скатерть?» Кто-то — это мог быть только полицейский — звонил в соседнюю дверь. «И в этом случае можно не обращаться за помощью к соседям, если у вас есть обычное покрывало».

Теперь его поступками руководил гнев. Его затравили, загнали в тупик — пришла очередь действовать. Он открыл дверцу шкафчика, нашел то, что искал, — небольшую безопасную бритву, какие женщины обычно употребляют для бритья подмышек, мыло, полотенце. Он засунул полотенце за воротник, намылил усы и шрам на подбородке. Снова зазвонил звонок. Голос по радио сказал: «Вы слушали вторую беседу леди Мэршем из серии «Советы молодой хозяйке».

Д. медленно подошел к двери. Перед ним стоял полицейский. В руке он держал смятый клочок бумаги. Полицейский сказал:

— Тут вот написано, что до понедельника молока не нужно. Я подумал, что квартира пуста и хозяйка забыли погасить свет.

Он внимательно взглянул на Д. Тот ответил, произнося слова медленно и тщательно, словно сдавал экзамен по английскому языку:

— Это было на прошлой неделе.

— Вы не видели тут незнакомых людей?

— Нет.

— До свиданья, — полицейский неохотно отошел. Внезапно он обернулся: — Странная у вас бритва.

Д. сообразил, что держит в руках бритву хозяйки.

— О, эта бритва сестры. Я потерял свою. А в чем дело?

Полицейский был очень молод. Извиняющимся тоном он сказал:

— Что поделать, сэр. Нам приходится держать ухо востро.

— Простите. Я здорово тороплюсь.

— Все в порядке, сэр.

Он видел, как полицейский поднялся по лестнице и растворился в тумане. Тогда он закрыл дверь и вернулся в ванную. Западня не захлопнулась, он свободен. Несколько взмахов бритвы, и он смыл с лица пену. Усов не было. Лицо изменилось, невероятно изменилось. Он выглядел моложе лет на десять. Гнев вселял в него энергию и силы. Он будет бороться против них их же оружием. Он выдержал слезку, побои, стрельбу, теперь их очередь. Пусть теперь они попробуют выдержать все, что вынес он, если смогут. Он думал о мистере К., об управляющей, о мертвой девочке. Входя обратно в душную комнату, пахнущую увядшими

розами, он поклялся, что отныне выслеживать, охотиться и стрелять будет он, Д.

Часть вторая

Охотник

I

Тусклый голос диктора Би-Би-Си произнес: «Прежде, чем мы начнем концерт органной музыки из Сьюпер-Пэлас в Ньюкасле, прослушайте экстренное сообщение Скотланд-Ярда. Полиция разыскивает иностранца, скрывающегося под именем Д., который был арестован сегодня утром по просьбе... ского посольства, но сбежал, совершив вооруженное нападение на первого секретаря посольства. Возраст: около сорока пяти лет, рост пять футов девять дюймов, волосы темные, с сединой, густые усы, шрам на правой стороне подбородка. Возможно, вооружен револьвером».

Официантка сказала:

— Смешно. У вас тоже шрам. Смотрите, еще попадете в неприятную историю.

— Ну, что вы, — сказал Д. — Но вообще придется быть осторожным.

— Чего только не случается, — рассказывала официантка. — Просто ужасные вещи. Иду я по улице и вижу толпу. Говорят, кто-то покончил с собой, выбросился из окна. Конечно, я тоже остановилась. Смотрела, смотрела, но так ничего и не увидела. Потом забежала в обед в гостиницу навестить Эльзу и узнать, что случилось. А мне говорят: так это и была Эльза... У меня прямо ноги подкосились.

— Вы дружили с ней?

— О, мы очень дружили, очень...

— И, конечно, потрясены?

— До сих пор не верится, что такое могло случиться.

— Странно, правда — девочка в таком возрасте и вдруг — самоубийство, а может, это был просто несчастный случай?

— Да что вы! Если хотите знать, тут, как говорится, в тихом омуте... Я-то знаю побольше других: ее обманул возлюбленный.

— Ах, вот как?

— Точно. Женатый мужчина из Хайбери.

— Вы это уже рассказали полиции?

— Меня должны вызвать к следователю.

— Она вам сама призналась?

— Ой, что вы! Она была такая тихоня. Но, знаете, понемножку все узнаешь.

Он с ужасом разглядывал ее — и это называется лучшая подруга! Он смотрел в ее карие безжалостные глазки и слушал, как она тут же на ходу выдумывает небылицы. Не было никакого мужчины из Хайбери — он появился лишь в этой убогой и взбалмошной голове. Интересно, не у нее ли набралась Эльза словечек из сентиментальных бульварных романов? Официантка не унималась:

— Я уверена, это все из-за детей.

В голосе ее чувствовалась гордость художника-творца. Эльза была мертва, и можно было лепить ее образ на любой манер.

— Эльза просто с ума по нему сходила. Прямо наваждение какое-то.

Он положил на стол деньги и сказал:

— Да, очень интересную историю вы мне рассказали.

— О, это будет мучить меня всю жизнь. Я же вам говорила: у меня прямо ноги подкосились, когда...

Он вышел в промозглый сумрак. Надо же, недоумевал он, случайно его занесло именно в это кафе, всего в двух кварталах от гостиницы, или же он подсознательно стремился попасть в этот район, чтобы именно здесь принять решение? О его истории уже раззвонили все газеты. Заголовки кричали: «Бандит в посольстве». Подробное описание внешности. Обвинение во въезде в страну по фальшивому паспорту. А одна из газет даже раскопала, что он остановился именно в той гостинице, где сегодня утром покончила самоубийством горничная. Репортер намекал на некую тайну и сулил дальнейшее развитие событий... Что ж, события будут.

Он решительно двинулся к гостинице. Туман почти рассеялся, и он чувствовал себя, как рабочий сцены, замешкавшийся после поднятия занавеса и оказавшийся у всех на виду.

Поставили ли они полицейского у гостиницы? Он шел настороженно, держа перед собой развернутую вечернюю газету... Вокруг никого не было. Дверь распахнута как обычно. Он быстро вошел и прикрыл за собой вторую стеклянную дверь. Откуда-то со второго этажа донесся голос хозяйки: — Это вы, мистер Мукерджи?

Он буркнул: — Да, — надеясь, что мистер Мукерджи не употребляет в таких случаях какие-нибудь особенные выражения, а акцент у двух иностранцев спутать нетрудно. Во всяком случае, она не переспросила. Все заведение казалось удивительно притихшим, будто смерть еще носилась в воздухе. Ни стука вилок в столовой, ни гама из кухни. Он беззвучно поднялся по покрытой ковровой дорожкой лестнице. Дверь комнаты управляющей была полупритворена; он прошел мимо и поднялся выше по голым деревянным ступеням. Из какого окна она выбросилась? Он вставил ключ в дверь своей комнаты и тихо открыл ее. Где-то за стеной послышался кашель. Дверь он оставил приоткрытой — раньше или позже он услышит голос мистера К. Он заранее решил, что проще иметь дело с ним — если прижать посильнее, он сломается быстрее, чем управляющая.

Он осмотрел полутемную комнату. Шторы были опущены, словно в комнате лежал покойник. Он обернулся к кровати и с ужасом понял, что она здесь, прибранная для похорон. Велено ждать следователей? По-видимому, это единственный свободный номер. Ее комната уже наверняка занята — жизнь идет своим чередом... Она лежала одеревеневшая, чистая,

неестественная — кто придумал, что смерть похожа на сон? Смерть похожа только сама на себя. Птенец со скрюченными лапками, лежащий вверх клювом на дне клетки — вот самый точный символ смерти. Он не раз видел мертвецов на улице после воздушных налетов. Но они лежали согнувшись и сжавшись, как зародыши во чреве. Здесь другое дело — особая поза, особый случай. Никто никогда не лежит так ни во сне, ни в муках боли.

Некоторые молятся при виде покойника. Это пассивное выражение скорби — он же рвался действовать. Лежавшее перед ним тело, казалось, освободило его от страха перед болью — теперь он готов встретиться с тем шофером на любой пустынной дороге. Страх стал для него пустым понятием. Он ничего не сказал мертвой девочке — все равно не услышит, это уже не Эльза. Послышались шаги на лестнице, голоса. Он спрятался за портьеру и сел на подоконник, чтобы убрать ноги с пола. В комнате зажегся свет. Голос управляющей произнес:

— Я могла бы поклясться, что заперла дверь. Вот здесь, вот она.

Девичий голос воскликнул с явным удивлением:

— Какая она красивая!

— Она часто говорила о вас, Клара, — произнесла с тяжелым вздохом управляющая.

— Милая девочка, еще бы ей обо мне не говорить... Но что ее заставило, как вы думаете?..

— Кто знает... Чужая душа — потемки.

Сквозь щель в портьерах он увидел девушку с грубоватым, но приятным лицом и со следами слез на щеках.

Она спросила с благоговейным страхом:

— Это случилось здесь?

— Да, через это окно.

Это окно. Но почему она не сопротивлялась? — подумал он. — Почему не осталось следов для полиции?

— Из этого самого окна?

— Да.

Они направились к окну. Еще шаг и его обнаружат. Около самой портьеры Клара остановилась.

— Если бы она перешла ко мне, этого бы не произошло.

— Ей тут было хорошо, — сказала хозяйка, — пока не появился он.

— У него-то наверняка совесть была нечиста. Но когда она мне написала, что собирается уйти с ним, я уж никак не думала-не гадала, что у нее на уме — это.

Он подумал: Ну, тогда мне даже и это письмо не поможет. Бедняжка, она до конца осталась верна своему лексикону дешевых романов.

Управляющая сказала:

— Если вы не возражаете, я позову мистера Мукерджи. Он очень хотел взглянуть на нее в

последний раз.

— Конечно, конечно, — сказала Клара.

Он слышал, как управляющая вышла. В просвет между шторами он увидел, как Клара достала пудру и губную помаду — перед приходом мужчины. Слез она не смахнула, они были вполне уместны при подобных обстоятельствах.

Управляющая вернулась. Она была одна.

— Странно. Его нет у себя.

— Может быть, он еще не возвратился?

— Я же слышала, как он вошел. Он брал свои ключи, и я окликнула его. Он ответил.

— Может быть, он... вы понимаете?

— О, нет. Я дернула дверь. — Она поежилась и сказала: — Не могу понять. Кто-то ведь вошел.

Клара сказала:

— Не иначе, как привидение.

— Я, пожалуй, поднимусь наверх, — ответила управляющая, не слушая, — и посмотрю, что там делается. Надо приготовить комнату для новой горничной.

— Эльза не бог весть какая была чистюля. Бедняжка. Вряд ли она подошла бы мне. Я ведь дружу с джентльменами, тут надо особо заботиться о чистоте.

На мгновение лицо Клары мелькнуло в щели между портьерами, — она самодовольно глядела на покойницу.

— Что ж, мне пора идти. В восемь ровно у меня гость. Из тех джентльменов, которые не любят, когда их заставляют ждать.

Он уже не видел ее. Голос управляющей произнес:

— Вы не возражаете, дорогая, если я не провожу вас? Тут у меня дела...

Он нащупал в кармане револьвер. Свет погас. Дверь закрылась. Он услышал звук поворачиваемого в замке ключа, у управляющей, должно быть, свой ключ. Он обождал немного и вышел из-за портьеры. Он не взглянул больше на мертвую, ей уже ничем не поможешь... Если верить в Бога, можно надеяться, что она уже избавлена от всех невзгод и ее ждет лучшее будущее. И наказание, значит, можно оставить Богу, хотя бы потому, что убийцу не за что наказывать — он лишь избавил ее от земных горестей. Но Д. не очень-то верил в религиозную философию. Он знал иное — если люди не будут получать по заслугам, в мире воцарятся хаос и отчаяние. Он отпер дверь.

Управляющая с кем-то разговаривала этажом выше. Он бесшумно притворил за собой дверь, но не запер. Пусть их преследует необъяснимое. Внезапно он услышал голос К.:

— Вы, наверное, просто забыли. Что может быть еще?

— Я никогда ничего не забываю, — отрезала управляющая. — И кроме того, кто ответил мне, если это был не мистер Мукерджи?

— Он мог снова выйти.

— На него не похоже вбегать и тут же выскакивать обратно.

Сильно пахло краской. Д. медленно поднялся по лестнице. В Эльзиной комнате горел свет, он же оставался невидим на темной лестнице. Мистер К. с кистью в руках склонился над подоконником. Ясно, она упала из собственного окна. И на подоконнике наверняка остались следы — вернее, оставались раньше, сейчас их больше нет. Комнату отремонтировали для новой горничной, и следы преступления покрыла свежая краска. Но мистер К. не очень ловко обращался с кистью — а пригласить мастера они побоялись — пятна от краски зеленели не только на пиджаке, но даже на очках в стальной оправе. К. сказал:

— Но кто же в конце концов это мог быть?

— Я подумала о Д.

— Он бы никогда не посмел, — и, желая услышать подтверждение, спросил: — Наверняка не посмел бы, а?

— Когда человеку терять нечего, он способен на такое, что и не вообразишь.

— Но он же не знает. Неужели вы действительно думаете, что он здесь... сейчас... где-то в доме? Может быть, с ней? — Его голос слегка задрожал. — Что ему могло здесь понадобиться?

— Может быть, мы ему понадобились?

Видя, как лицо мистера К. жалко задрожало за стальными дужками очков, Д. почувствовал удовлетворение. Если поднажать, этот безусловно заговорит. К. сказал:

— Ах, господа, по радио передавали, что у него револьвер.

— Не надо так громко. Он может подслушивать. Мы не знаем, где он. Я уверена, что заперла дверь.

Мистер К. взвизгнул:

— Но вы не можете сказать точно, есть у него ключ или нет? Можете?

— Ш-ш! — Ей тоже было не по себе. Ее крупное лицо, покрытое пятнами, казалось еще более бледным, чем обычно. — Подумать только, что он мог прятаться там, когда я разговаривала с Кларой.

Д. начал спускаться по лестнице. Он слышал, как мистер К. испуганно крикнул:

— Не оставляйте меня одного!

И ее презрительный ответ:

— Нам нужно убедиться. Я спущусь вниз и посмотрю, на месте ли ключ от его комнаты. Если нет, всегда можно позвонить в полицию, — добавила она не слишком уверенно.

Д. бросился вниз. Только бы не скрипнула лестница и не встретился индеец. Впрочем, тот, может быть, уже собрался и уехал — люди не любят оставаться в доме, где произошло самоубийство. Все было тихо. Он повесил на гвоздик свой ключ, — ни к чему вешивать полицию в его планы мести — и, притаившись за дверью, ведущей в столовую, прислушался. Он слышал, как управляющая, тяжело дыша, осторожно спустилась в холл и крикнула: «Ключ на месте». Следом за ней поспешно спустился и мистер К. Д. слышал плеск краски в банке,

которую нес в руке мистер К. Женщина сказала ободряюще:

— Должно быть, я ошиблась. Попробуйте его дверь. Вы ведь идете мимо.

— Мне не хочется.

— Делайте то, что вам говорят, дубина! Я заперла дверь минуту назад.

Он пролепетал:

— Но она открыта.

Д. видел ее лицо в зеркале над цветком — на нем было написано что-то большее, чем страх — она соображала и прислушивалась. Ему пришло в голову, что она вряд ли вызовет полицию, пока наверху еще не высохла краска и пахнет на весь дом, — чем меньше объяснений, тем лучше. Теперь мистер К. был уже в холле. Он сказал с тревогой:

— Должно быть, вы только подумали, что повернули ключ. Он не посмел бы.

— А голос?

— Но это же был мистер Мукерджи...

— Ну что ж, — сказала она, — вот и он. Спросите его сами.

Дверь в холл отворилась. Он видел в зеркале ее глаза — она сосредоточенно обдумывала, что предпринять дальше.

— Вы что-то поздновато, мистер Мукерджи, — сказала она, — мне показалось, я слышала ваш голос минут десять тому назад...

— Нет, не мой, мадам. Я был занят, очень занят... здесь, по-соседству.

— О, Боже, — сказал мистер К., — тогда это был...

— Чем же вы были заняты, мистер Мукерджи?

— Вы не обидитесь? У вас есть поговорка «представление продолжается», так ведь. Когда бедная девочка совершила самоубийство, этот факт показался мне интересным с точки зрения социологии. Вы знаете, миссис Мендрил, ведь мы, исследователи массового сознания, всегда на службе.

Что бы это значило? — подумал Д. Он ничего не мог понять.

— Поэтому я собирал данные. Все поводы для ее смерти — женатый человек в Хайбери, парень из Ламбера — все это, конечно, не соответствует действительности, но характеризует образ мыслей окружающих. Мы-то, конечно, знаем, что иностранный джентльмен...

— Послушайте, — сказал мистер К., — послушайте. Я здесь не останусь. Позовите полицию.

Мистер Мукерджи продолжал с упреком:

— Кроме того, вокруг всего этого немало истерии. Вам, наверное, покажется интересным, миссис Мендрил, одна женщина утверждает, что видела, как девочка упала. На самом деле, она этого не видела.

— Не видела?

— Нет. Потому что она показывает на другое окно. Все остальное верно. Но она начиталась газет, видите ли, и домыслила то, чего не хватало: будто видела, как вы наверху старались удержать ее... слышала крик... Но она указала на другое окно. Мне кажется, это очень интересно.

— Что вы делаете со всей этой информацией? — спросила управляющая.

— Перепечатаваю на моей портативной «Короне» и отправляю руководителям нашей организации.

— И они ее публикуют?

— Они заносят сведения в справочную картотеку. Потом они войдут в сводный справочник, конечно, без указания моего имени. Мы работаем, — сказал он с сожалением, — для науки.

Мистер К. сказал:

— Вы должны послать за полицией.

— Не валяйте дурака, — ответила резко управляющая и пояснила мистеру Мукерджи: — Ему чудится тот человек — ну, тот, который довел ее до самоубийства. Он видит его всюду.

Мистер Мукерджи сказал автоматически:

— Это очень интересно. — Он чихнул. — Краской пахнет. Перекрашиваете — это тоже очень интересно. Скажите — вы хотите замазать следы из практических соображений — просто чтобы навести чистоту, или это — суеверие, ритуал?

— Что вы имеете в виду, какие следы? — сказал возбужденно мистер К.

— Пятна, грязь... все, чего не должно быть в приличной гостинице... Вы ведь и раньше собирались заняться ремонтом? Или это суеверие? Из-за того, что здесь побывала смерть. Видите ли, в Западной Африке есть племена, которые поступают так же. Они даже уничтожают хижину, одежду — все, что принадлежало покойнику. Они хотят полностью забыть о недавней смерти. Мне очень хотелось бы выяснить: ваше стремление положить новый слой краски относится к той же разновидности суеверий?

Мистер К. сказал:

— Я пошел. Я больше не в силах это выносить. Если вам нужна помощь...

Внезапно Д. осознал, что он тоже виден управляющей в том же зеркале. Их глаза встретились. Она медленно выговорила:

— Не беспокойтесь за меня. Здесь мистер Мукерджи. Это вам нужно быть осторожнее. — И добавила: — Не хотите ли посмотреть на покойницу, мистер Мукерджи?

— Да, если это вас не затруднит. Я принес маленький букетик. Это суеверие, но очень практичное. Из-за запаха...

— Обычно я возражаю против цветов в комнатах, но в данном случае, я думаю, можно.

Д. не спускал с нее глаз, и она выдержала его взгляд. Есть же циркачи, подумал он, которые умудряются стрелять именно так — целясь с помощью зеркала.

— Я уйду, Мари, — сказал мистер К., будто надеясь услышать от нее что-то большее, чем сухое предостережение. А она словно подталкивала Д. взглядом на самый отчаянный шаг. Да, она сильная натура, такая признается последней. Грузная, прыщавая, решительная —

она, казалось, сама выдавала ему жертву на расправу.

Мистер Мукерджи сказал:

— Минуточку. Мне кажется, я забыл за завтраком очки в столовой.

Д. вынул из кармана револьвер, ожидая.

— Не беспокойтесь, мистер Мукерджи, — сказала управляющая, — они у вас в комнате. Мы всегда относим на место забытые вещи.

Она взяла его под руку и повела вверх по лестнице. Мистер Мукерджи нес несколько растрепанных цветков, завернутых в газету... Удивительно — всего один акт насилия и словно все на свете переменялось. Они решили, что благополучно отделались от него, но именно он теперь в безопасности, потому что уже никакие дела и обязанности не мешают ему расправиться с ними. А они — они рады теперь присутствию мистера Мукерджи, как утром радовался тому же он, Д.

Дверь, ведущая на улицу, захлопнулась. Д. последовал за мистером К. Тот шагал торопливо, не оглядываясь. В руке у него был зонтик. Они быстро шли по направлению к Грейз-Инн-роуд — Д. в двадцати шагах сзади. Он не таился — едва ли у мистера К. хватит мужества окликнуть полицейского. Внезапно К. метнулся к автобусной остановке — должно быть, он слышал позади себя шаги, ни на секунду не отстававшие от него, даже когда он пересекал улицу или замедлял шаг. Он повернулся и посмотрел на приближающегося Д. Сигарета в его руке дрожала. Он сказал:

— Простите, у вас нет огня?

— Пожалуйста.

Д. зажег спичку и протянул ее так, что она осветила испуганные близорукие глаза. Испуг в них сменился облегчением — не узнал. Поразительно, до чего неузнаваемо меняют человека усы. Д. пришлось придержать пальцами сигарету, чтобы она не дрожала.

— Я вижу, у вас в кармане вечерняя газета, — сказал К. — Можно взглянуть?

Он относился к числу людей, которые не упускают случая попользоваться за чужой счет всем, чем удастся. Сейчас он сэкономил спичку и газету.

— Можете взять ее себе, — сказал Д.

Они виделись всего два раза, он и К., но что-то в его голосе настораживало К. Он быстро вскинул глаза и снова уткнулся в газету. Его одолевали сомнения. Подошел автобус. Он сказал «спасибо», берясь за поручень. Д. последовал за ним наверх. Когда автобус тронулся, они оба качнулись. Мистер К. сел впереди. Д. прямо за ним. Мистер К. поднял голову и увидел отражение Д. в стекле. Отложив газету, он застыл, что-то обдумывая. Старое изношенное его пальто свидетельствовало о жалкой судьбе владельца, как кошачий мех с проплешинами — о болезни животного.

Автобус свернул к Холборну. Длинная очередь людей втягивалась в «Эмпайр» — вдоль улицы тянулся дом с огромными окнами, за которыми виднелась конторская мебель, затем молочный бар и снова конторы. Автобус шел в западном направлении.

Д. следил за отражением К. в стекле. Где он живет? Хватит ли у него смелости отправиться домой? Автобус уже пересек Сент-Джайлс-серкус и повернул на Оксфорд-стрит. Мистер К. с тоской проводил взглядом полицейского регулировщика и парочки у «Астории», пришедшие на танцы. Он снял очки и протер стекла: ему хотелось видеть все как можно лучше. Газета

лежала у него на коленях, раскрытая на истории с бандитом в посольстве. Он начал читать описание внешности бандита — как будто он доверял газете больше, чем своей памяти. Он еще раз бросил быстрый, змеиный взгляд на Д., на этот раз его глаза застыли на шраме. Прежде чем он успел спохватиться, у него вырвалось «Ох!».

— Вы что-то сказали мне? — спросил Д., нагнувшись к нему.

— Я? Что вы, — сказал мистер К. Он несколько раз кашлянул, словно желая прочистить горло, и встал, покачиваясь вместе с автобусом.

— Вы здесь выходите?

— Я? Д-да.

— И я тоже, — сказал Д. — Плохо себя чувствуете? Хотите, я помогу вам?

— Нет, нет. Я в полном порядке.

Он направился к выходу, Д. последовал за ним.

Они стояли рядом на тротуаре, ожидая зеленого сигнала светофора. Д. сказал:

— Все изменилось к лучшему, не так ли?

Он почувствовал в себе злое и отчаянное веселье.

— О чем вы? — спросил мистер К.

— Я говорю о погоде. Утром был такой туман!

Зажегся зеленый свет, и они бок о бок перешли улицу. Он видел, как мистер К. мельком поглядывал в стекла витрин, пытаясь поймать отражение своего спутника, но тщетно — зрение его было подпорчено скудным питанием и чрезмерным чтением. А напрямую заговорить он не решался. Как будто, пока Д. не представился, он еще не стал Д.

Внезапно К. свернул в темный проход и почти побежал к освещенному подъезду в дальнем конце двора. Двор показался Д. знакомым. Он слишком увлекся преследованием, чтобы заметить это раньше. Они вошли в подъезд. Старый лифт со скрипом и лязгом спускался к его жертве. Мистер К. внезапно выкрикнул, повышая голос так, чтобы его было слышно наверху:

— Вы преследуете меня! Почему вы преследуете меня?

Д. сказал успокаивающе:

— Вам следовало бы говорить со своим учеником на энтернационо. — Он ласково обнял мистера К. за плечо. — Никогда бы не поверил, что отсутствие усов может так изменить внешность.

Мистер К. распахнул дверцу лифта:

— Я не хочу больше иметь с вами никаких дел, — сказал он.

— Но мы ведь с вами из одной команды, верно?

— Нет, вы отстранены от выполнения задания.

Д. легонько втолкнул его в лифт и закрыл за собой дверь. Он сказал:

— Я чуть не забыл — сегодня на курсах вечеринка для студентов.

— Вы должны были уже покинуть Лондон.

— Но мне помешали. И вам об этом должно быть известно.

Он нажал стоп-кнопку, и лифт повис между двумя этажами.

Мистер К. сказал:

— Зачем вы это сделали?

Он прислонился к стенке кабины и стоял, часто мигая глазами за стальной оправой очков. Наверху кто-то довольно скверно играл на пианино.

Д. сказал:

— Вы когда-нибудь читали детективные романы Голдторба?

— Выпустите меня отсюда, — взмолился мистер К.

— Обычно преподаватели увлекаются детективными романами.

— Я буду кричать, — сказал мистер К., — я буду кричать.

— На вечерних приемах это не принято. Здесь нужно вести себя хорошо. Кстати, у вас на пиджаке до сих пор пятна краски. Это не слишком благоразумно с вашей стороны.

— Что вам нужно?

— Как удачно, что мистер Мукерджи разыскал женщину, которая видела, как это произошло...
— из другого окна.

— Меня там не было, — сказал мистер К. — Я ничего не знаю.

— Это интересно.

— Выпустите меня.

— Но я начал рассказывать вам о детективном романе Голдторба. Так вот, один человек убил другого в лифте. Спустил лифт вниз. Поднялся по лестнице. Вызвал лифт вверх, и в присутствии свидетелей обнаружил труп. Конечно, ему повезло. Но убийство всегда несет в себе долю риска.

— Вы не посмеете.

— Я же вам только пересказал детектив Голдторба.

Мистер К. пробормотал:

— Такого писателя нет. С такой дурацкой фамилией.

— Видите ли, он писал на энтернационо.

Мистер К. сказал:

— Вас ищет полиция. Вам лучше смыться отсюда и побыстреей.

— У них нет фото, а описание внешности, как вы убедились, не всегда помогает. — Он сказал

почти с нежностью: — Если бы вас можно было сбросить в шахту лифта. Чтобы, понимаете, наказание соответствовало преступлению.

Внезапно лифт начал подниматься. Мистер К. сказал торжествующе:

— Вот видите. Бегите лучше.

Лифт качнулся и медленно проскрипел мимо третьего этажа, где была редакция «Психического здоровья».

Д. сказал:

— На вашем месте я бы молчал. Вы читали про револьвер?

— Вам нужно бояться не меня, — сказал мистер К. — Я не питаю к вам плохих чувств. Но мисс Карпентер или доктор Беллоуз...

Кончить фразу он не успел — лифт остановился, и доктор Беллоуз вышел из приемной на площадку. Поблекшая женщина в коричневом шелковом платье вошла в лифт, помахала ему рукой, унизанной фальшивыми бриллиантами, и пропищала таинственную фразу, что-то вроде: «Наугэт». Доктор Беллоуз ответил: «Бона нуче, бона нуче», — и лучезарно им улыбнулся.

Мистер К. пристально смотрел на него и ждал. Рука Д. в кармане сжимала револьвер, но доктор Беллоуз, казалось, не заметил ничего подозрительного. Он тепло поздоровался с каждым из них за руку и сказал:

— Полагаю, что новому ученику я могу сказать несколько слов по-английски. — И добавил слегка смущенным тоном: — Конечно, вы наш новый ученик. Мне показалось, что я уже видел вас...

Д. сказал:

— Вы ищете мои усы.

— Совершенно верно. Именно.

— Я сказал себе: для нового языка — новое лицо. Вы, кстати, не видели сегодняшних вечерних газет?

— Нет, — сказал доктор Беллоуз, — и пожалуйста, пожалуйста, не говорите мне о газетах, я не любитель ежедневных газет. Предпочитаю еженедельники, в них — факты, отсеянные от всяческих слухов. Там есть все важные новости.

— Прекрасная методика.

— Всячески рекомендую. Например, мисс Карпентер, моя секретарша, вы ее знаете, перешла на эту систему и очень довольна.

— Да, эта система призвана способствовать всеобщему счастью, — сказал Д. Мистер К. куда-то исчез. — Я должен поговорить об этом с мисс Карпентер.

— Вы найдете ее в гостиной. Она готовит кофе. Правила на наших вечеринках не очень строгие. Мы надеемся, что ученики по возможности будут говорить на энтернационо, но главное — это побыть вместе, дружески пообщаться...

Он ввел Д. в гостиную. На конторке стоял большой электрокофейник и тарелки с пирожными. Мисс Карпентер помахала ему из-за облака пара. На ней был все тот же синий джемпер с

болтающимися вязаными шариками.

— Бона нуче, — крикнула она ему. — Бона нуче.

С десяток лиц повернулось в его сторону — ему показалось, что перед ним иллюстрация в детской энциклопедии, на которой нарисованы представители всех человеческих рас. В комнате было много восточных людей, почти все — в очках. Мистер К. стоял с пирожным в руке, но не ел.

— Я должен представить вас нашему ученику из Сиама, — сказал доктор Беллоуз и потянул Д. в дальний угол. — Хи эс мистер Д. Доктор Ли.

Доктор Ли с непроницаемым выражением лица посмотрел на него сквозь толстые стекла очков.

— Бона нуче.

— Бона нуче, — сказал Д.

То здесь, то там среди кожаных креслиц и по углам комнаты вспыхивал разговор и тут же угасал за отсутствием топлива. Мисс Карпентер разливала кофе, а мистер К. все еще стоял, уставившись на пирожное. Доктор Беллоуз бродил взад и вперед, бесцельно, как влюбленный. Гладкие седые волосы, безвольное, благородное лицо.

Д. сказал:

— Идеалист.

— Куа?

— Боюсь, — сказал Д., — что я не очень бойко говорю на энтернационо. Я новичок.

— Куа? — сурово переспросил доктор Ли. Он пристально смотрел на Д. из-за толстых стекол очков, похожих на иллюминаторы, словно уличая его в невоспитанности. Мистер К. начал пробираться потихоньку к выходу, по-прежнему держа в руке пирожное.

Доктор Ли сказал резко:

— Парла энтернационо.

— Парла англис.

— Нет, — сказал доктор Ли уверенно и сердито. — Но парла.

— Простите, — сказал Д. — Ун моменто.

Он быстро пересек комнату и взял мистера К. под руку.

— Нам нужно еще побыть здесь. Если мы уйдем, это покажется гостям странным.

Мистер К. сказал:

— Пустите меня. Умоляю вас. Я ничего не знаю. Я чувствую себя совершенно больным.

Снова появился доктор Беллоуз.

— Как вы поговорили с доктором Ли? Он очень влиятельный человек. Профессор Чулаланкаранского университета. Это вселяет в меня большие надежды на будущее Сиама.

— К сожалению, с ним трудно говорить, — сказал Д. — Он, кажется, не знает английского. — Он продолжал держать мистера К. под руку.

— О! — сказал доктор Беллоуз. — Он отлично говорит по-английски. Но он считает, и, конечно, вполне справедливо, что единственная цель изучения энтернационо — это говорить на нем. Как и многие жители Востока, он несколько... упрям.

Все трое взглянули на доктора Ли, молча стоявшего с полузакрытыми глазами. Доктор Беллоуз подошел к нему, и они начали о чем-то серьезно беседовать на энтернационо. В комнате воцарилась благоговейная тишина. Послушать, как рассуждает на энтернационо сам его изобретатель, — не частое удовольствие. Он напоминал конькобежца — так ловко он скользил среди падежей.

Мистер К. быстро проговорил:

— Я больше не могу. Что вам от меня надо?

— Немного справедливости, — мягко сказал Д. Он совершенно не чувствовал жалости. Вся эта странная обстановка — кофе и домашние пирожные среди конторской мебели, поблекшие женщины в старомодных вечерних платьях, по году не вынимавшихся из шкафа, азиаты с внимательным, деловым выражением глаз за стеклами очков — в этом призрачном окружении мистер К. уже не воспринимался как живое существо из плоти и крови, которое способно чувствовать боль и вызывать сочувствие.

Доктор Беллоуз снова вернулся. Он сказал:

— Доктор Ли просил меня передать, что он будет рад встретиться с вами в другой раз, когда вы лучше изучите энтернационо. — Он смущенно улыбнулся. — Такой упорный характер. Я не встречал ничего подобного даже среди сынов Израиля.

— Мы с мистером К., — сказал Д., — очень сожалеем, но нам пора идти.

— Так рано... А я так хотел представить вас одной румынской леди. Вон той, что беседует с доктором Ли. — Он улыбнулся им через всю комнату, как будто они были юной парой, чей робкий роман он опекал и поощрял. — Вот! Вот это именно то, к чему я стремлюсь — общение вместо непонимания, ссор...

Да, теперь уж вряд ли, — подумал Д., — между Румынией и Сиамом когда-нибудь возникнет серьезный конфликт... Доктор Беллоуз снова устремился в гущу толпы, завязывая новые узлы дружбы между самыми несхожими странами, а мисс Карпентер по-прежнему стояла у электрокофейника и все улыбалась, улыбалась... Д. сказал:

— Пора идти.

— Я не пойду! Я собираюсь проводить мисс Карпентер домой.

Д. сказал:

— Что ж, и мне не к спеху.

Он подошел к окну и посмотрел вниз. Автобусы, похожие на гигантских жуков, ползли по Оксфорд-стрит. На электротабло на крыше стоящего напротив дома бежали буквы, сообщая чепуховые новости: «Счет 2:1...» Далеко внизу крошечные фигурки полицейских цепочкой шли по тротуару в сторону Мальборо-стрит. Что еще сообщат? Буквы погасли, но тут же снова замелькали: «Новое наступление... 5000 беженцев... Четыре воздушных налета...» Он словно услышал голос своей страны: «Что ты здесь делаешь? Почему теряешь время? Когда же ты вернешься?»

Он почувствовал тоску по дому, по поднятой взрывом пыли, по гулу моторов в небе. Нужно за что-то любить свою родину, даже если приходится любить ее за боль и жестокость. Пришел ли Л. к соглашению с Бендичем? Для него самого надежды на сделку потеряны окончательно, — в этой респектабельной стране никакие доверенности не помогут человеку, которого разыскивает полиция по подозрению в убийстве. Он вспомнил девочку, представил, как она кричит у окна и царапает ногтями краску на подоконнике, увидел, как летит она сквозь туман и лежит с переломанными костями на тротуаре. Она — одна из тысяч. Смерть как будто даровала ей гражданство его родины. Да, он человек из царства смерти — он любит мертвых и умирающих больше, чем живых. Например, этот доктор Беллоуз и мисс Карпентер, оторвавшиеся от реальности мотыльки, упивающиеся безопасностью своего бытия, — наверное, только мертвых он смог бы принять их всерьез.

Он отошел от окна и сказал мисс Карпентер:

— Есть ли у вас здесь телефон?

— О, конечно. В кабинете доктора Беллоуза. Он улыбнулся:

— Я слышал, мистер К. собирается проводить вас домой?

— О, это очень любезно с вашей стороны, мистер К. Право, не стоит беспокоиться. До Мордена так далеко.

— Ничего страшного, — пробормотал К. Он все еще держал в руке пирожное, как солдатский жетон, по которому потом можно будет опознать труп.

Д. открыл дверь кабинета и тут же пробормотал извинения. Какой-то средних лет человек с бритым тевтонским черепом сидел на столе доктора Беллоуза рядом с угловатой девицей. Слегка пахло луком, кто-то из них наверняка ел на ужин бифштекс.

— Простите, ради бога, я зашел позвонить по телефону.

Угловатая девица захихикала. Она была удивительно непривлекательна, с большими мужскими часами на руке и брошкой, формой напоминавшей скотч-терьера.

— Пожалуйста, — буркнул немец. — Пойдем, Уинифред. — Он натянуто поклонился Д. — Корда, — сказал он, — корда.

— Корда?

— На энтернационо это — сердце.

— А, да-да.

Мне страшно нравятся английские девушки, — откровенно объяснил немец.

— Вот как?

Немец крепко ухватил Уинифред за костлявую руку. У нее были скверные зубы и мышино-го цвета волосы. В ее недавнем прошлом угадывались черная доска, мел, «разрешите выйти из класса» и воскресные прогулки с собаками по замусоренным пустырям.

— Они так невинны, — немец снова поклонился и закрыл за собой дверь. Д. набрал номер лорда Бендича.

— Можно мисс Каллен?

— Мисс Каллен здесь не живет.

Ему повезло — ответила женщина, а не лакей, который мог запомнить его голос. Он сказал:

— Я не могу найти ее телефон в справочнике. Не дадите ли вы мне ее номер?

— Не знаю, могу ли я...

— Я ее старый друг. В Англии всего на день, на два.

— Простите, но...

— Она будет очень расстроена...

— Простите...

— Она несколько раз специально просила...

— Мэйфэр 3012.

Он набрал номер и стал ждать. Оставалось надеяться, что мисс Карпентер не отпустит от себя мистера К. Он хорошо знал, что вежливость бывает сильнее страха, особенно, когда страх еще неопределен и расплывчат. Научиться бояться — это тоже наука. Он спросил:

— Мисс Каллен дома?

— Не думаю. Подождите.

Даже если он не может получить уголь сам, нужно найти какой-нибудь способ помешать Л. Если б он только мог доказать, что убийство... было убийством. Внезапно он услышал голос Роз:

— Кто это говорит? Он сказал:

— Мое имя Глоувер.

— Что вы хотите? Я не знаю никакого Глоувера.

— Я живу на Честер-гарденс, дом номер 3. Почти рядом с посольством. На другом конце провода воцарилось молчание. Он сказал:

— Конечно, если вы верите в эту историю... с самоубийством, можете прислать полицию сегодня же вечером. Или — если вы тоже считаете, что я вовсе не Д.

Она не отвечала. Может быть, повесила трубку? Он сказал:

— Девочку все-таки убили. Отлично придумано, а? Ее прорвало:

— Это все, что вас заботит?

Он сказал:

— Я убью того, кто это сделал... Я еще не уверен, кто именно. И не хочу ошибиться. Грешно убить невинного.

— Вы просто сумасшедший. Разве нельзя выбраться отсюда и уехать домой?

— Меня, возможно, расстреляют. Хотя это и не имеет большого значения... Но мне не хотелось бы, чтобы Л...

Она сказала:

— Вы опоздали. Они подписали контракт.

— Вот этого я и боялся... Вам известны условия контракта? Я не представляю, как они надеются вывезти уголь, не нарушив соглашение о нейтралитете.

— Я спрошу Фурта.

— Он тоже подписал?

— Да, он подписал.

За дверью забрэнчало пианино, кто-то запел. Пели как будто на энтернационо — то и дело повторялось слово «корда». В трубке снова послышался ее голос:

— Он ничего не мог поделать. — Она пыталась выгородить Форбса. — Когда подписали все остальные... держатели акций...

— Да, конечно.

Он почувствовал странный укол ревности из-за того, что она бросилась на защиту Форбса. Схожее ощущение появляется, когда отходит занемевшая рука: первое чувство — боль. Он не любит ее, он давно лишился способности любить живых, но тем не менее он ощутил этот укол. Она сказала:

— Где вы? Все время какие-то странные звуки...

— На студенческой вечеринке. Так это у них называется. На курсах энтернационо.

— Какой же вы осел! — сказала она с отчаянием. — Неужели вы не понимаете, что выдан ордер на ваш арест: сопротивление полиции, фальшивый паспорт и бог знает что еще.

Он сказал:

— Здесь самое безопасное место. Мы едим пирожные.

— Ну можно ли быть таким дураком? — сказала она. — Вы достаточно взрослый человек, чтобы позаботиться о себе.

Он сказал:

— Так вы узнаете у Форбса то, что меня интересует?

— Вы ведь не всерьез говорили, что хотите убить?..

— Вполне серьезно.

Яростный вопль вырвался из трубки с такой силой, словно Роз стояла вплотную и орала ему в лицо:

— Значит, вы все-таки любили эту потаскушку?

— Нет, — сказал он. — Не больше, чем всех других. Сегодня у нас было четыре воздушных налета. Наверное, кроме нее, они убили еще пятьдесят или сто детей... Хоть кто-то же должен за это ответить.

Он внезапно осознал, как все это глупо. Он — тайное доверенное лицо, его послали для заключения важной сделки, которая может определить судьбу его страны. Она — молодая женщина, дочь лорда, в чьем угле он так нуждается, и очевидно, возлюбленная некоего

мистера Форбса, который контролирует семь угольных шахт и содержит любовницу в Шепердс-маркет (впрочем, это к делу не относится). Управляющая гостиницей или мистер К. убили ребенка — действуя, скорее всего, по поручению мятежников, хотя находились на службе у тех же людей, что и он, Д. Такова ситуация — с точки зрения стратегии, политики и уголовного кодекса. И, несмотря на все это, он и Роз разговаривают по телефону так, словно они влюблены и ревнуют друг друга, и на всем свете никого кроме них двоих не существует, и во всем мире покой и благодать — езжай, куда душе угодно, и в их распоряжении вечность.

Она сказала:

— Не верю я вам. Вы любили ее.

— Ей было только четырнадцать лет, насколько мне известно.

— Вы как раз в том возрасте, когда ищут утешения у молоденьких.

— Ничего подобного.

— Но ведь вы не станете заниматься здесь такими делами... Я имею в виду убийство... понимаете? Вас повесят. Только ирландцы идут на такой риск. И их всегда вешают.

— Что ж... — сказал он неопределенно.

— О, Господи, — сказала она, — все время была открыта дверь. — Потом, после паузы, добавила: — Я, наверно, выдала вас. Они, наверно, догадались... после газет. Возможно, и Скотланд-Ярд подслушивает. Им ничего не стоит набрать 999 по телефону из нижнего холла.

— Кому им?

— Горничной или моей подруге. Никому нельзя верить. Уходите оттуда, где бы вы сейчас ни находились.

— Да, — сказал он. — Пора двигаться. Бона нуче.

— Это еще что за чертовщина?

— Энтернационо, — сказал он и повесил трубку.

Он открыл дверь в гостиную. Людей и пирожных стало уже меньше. Кофейник остывал. Мистер К. стоял около мисс Карпентер, которая, болтая без умолку за конторкой, вцепилась в него мертвой хваткой. Д. направился к ним, и мистер К. вздрогнул. Д. пришло в голову, что таких типов, как К., не убивают. С другой стороны, К. — предатель, кому-то по его вине пришлось погибнуть. Возможно, это неспортивно — К. слишком легкая добыча, но его смерть явится предостережением для остальных предателей.

Д. сказал мисс Карпентер:

— Боюсь, что мне придется увести вашего провожатого. — При этом он надел перчатки и подумал, что их уже больше нельзя снимать.

— Я не пойду, — сказал мистер К., и мисс Карпентер кокетливо надула губки. Шерстяные шарики закачались на ее груди.

— Очень важное дело, — сказал Д. — Иначе я бы не уводил от вас мистера К.

— Не понимаю, — сказала игриво мисс Карпентер, — что за дела такие?

— Я был в своем посольстве, — сказал Д. Его воображение разнуздилось. Он никого не боялся. Наступила его очередь внушать страх, его так и подмывало расхохотаться. — Мы обсуждали возможность открытия центра по изучению энтернационо в нашей стране.

— Как вы говорите? — спросил доктор Беллоуз. Он появился около буфета с черноволосой женщиной средних лет в платье из розового кретона. Его голубые глазки возбужденно сияли.
— Сейчас, в разгар войны?

— Какой смысл сражаться, — философствовал Д., — за какую-то конкретную цивилизацию, если мы одновременно не пестуем ее за линией фронта, в тылу? — Он слегка ужаснулся простоте, с которой произнес эти слова, и одновременно почувствовал сожаление — какие безумные, несбыточные грезы вселял он в обитателей этого жалкого заведения, собравшихся вокруг электрокофейника. Глаза старого либерала наполнились слезами. Доктор Беллоуз был в восторге:

— Значит, в конце концов, из горнила страданий выйдет нечто доброе и полезное?

— Теперь вы понимаете, почему я и мой соотечественник должны немедленно покинуть вас.

Это была самая дикая выдумка, но нет такой дичи, в которую не поверят те, кто надеется... Все в этой комнате жили в атмосфере нереальности, высоко над Оксфорд-стрит, как в башне из слоновой кости, в безмятежном ожидании чуда. Доктор Беллоуз весь сиял:

— Я бы ни за что не поверил в это сегодня утром... сколько лет я ждал... «И словно жизнь моя сегодня родилась», — как писала одна наша поэтесса. — Он протянул Д. руку. Все смотрели на него. Мисс Карпентер смахнула слезу из уголка глаза. — Да благословит Бог всех вас.

Мистер К. сказал:

— Я не пойду. Мне не хотелось бы... — Но никто уже не обращал на него внимания. Леди в кретоне подталкивала его вместе с Д. к лифту. От страха К. позабыл свой английский и на языке, понятном лишь Д., начал умолять всех обождать и выслушать его. Он выглядел больным, разбитым. Он пытался объяснить на энтернационо, сказать хоть что-нибудь. Побелевшими губами он повторял: «Ми корда, ми корда», — но никто уже не говорил на энтернационо, дверца захлопнулась, и они оказались вдвоем в спускавшемся лифте. Уплыло вверх лицо доктора Беллоуза, пуговицы жилетки, ботинки — он носил ботинки. Мистер К. взмолился:

— Вы ничего не посмеете сделать. Ничего.

Д. сказал:

— Вам нечего бояться, если вы не замешаны в ее убийстве. Идите рядом со мной. Не забудьте, что у меня есть револьвер.

Бок о бок они вышли на Оксфорд-стрит. Внезапно мистер К. сделал шаг в сторону, кто-то прошел между ними. Теперь их отделяло несколько зевак, глазевших на витрину. Мистер К. бросился наутек. Он был небольшого роста и проворен, но близорук — он бежал зигзагами, налетал на людей и отскакивал, не извинившись. Д. остановился — преследовать его в толпе не имело смысла. Он подозвал такси и сказал шоферу:

— Поезжайте как можно медленнее. Вон там впереди мой приятель. Он изрядно набрался, и я потерял его в толпе. Придется подвезти его, пока он не влип в какую-нибудь историю. — Глядя в окно машины, он не выпускал мистера К. из поля зрения, это было не трудно, поскольку К. уже терял силы.

К. метался из стороны в сторону. Люди оборачивались и глядели вслед. Какая-то женщина сказала: «Постыдились бы», а мужчина добавил: «Гиннесс» ему не на пользу». Очки К. в стальной оправе сползли на кончик носа. Он то и дело оглядывался. Его зонтик путался у всех под ногами, и какой-то ребенок громко заплакал, испугавшись его маленьких, испуганных, налитых кровью глаз. Толпа негодовала. На углу Саут-Одли-стрит он врезался в полицейского. Тот добродушно придержал его:

— Эй, нельзя так вести себя.

Мистер К. незряче уставился на него поверх очков.

— А теперь идите домой, только спокойно, — сказал полицейский.

— Нет, — вдруг сказал мистер К., — нет.

— Подставьте голову под кран, а потом ложитесь спать.

— Нет! — Мистер К. внезапно опустил голову и попытался было боднуть полицейского в живот, но тот своей большой рукой терпеливо отстранил его.

— Хотите попасть в участок? — незлобиво спросил полицейский.

Собралась кучка зевак. Какой-то человек в черной шляпе пронзительно крикнул:

— Какое вы имеете право приставать к нему? Он никому худого не сделал.

— Я только сказал... — начал было полицейский.

— Я слышал, что вы сказали, — быстро отпарировал человек в черной шляпе. — На каком основании, позвольте полюбопытствовать, вы намереваетесь...

— Нарушение общественного порядка в нетрезвом виде, — констатировал полицейский.

Мистер К. смотрел на полицейского с выражением лихорадочной надежды в глазах, он даже забыл, что следовало нарушить порядок.

— Чушь, — сказал прохожий. — Он ничего не сделал. Я готов дать свидетельские показания...

— Ну-ну, — запротестовал полицейский, — из-за чего весь этот шум? Я только посоветовал ему пойти лечь спать.

— Вы сказали, что он пьян.

— Он пьян.

— Докажите это.

— Да какое ваше, в конце концов, дело?

— До сих пор считалось, что мы живем в свободной стране!

— Хотелось бы мне знать, что я сделал? — уже унылым голосом спросил полицейский.

Прохожий в черной шляпе вытащил визитную карточку и сказал мистеру К.:

— Если вы хотите привлечь этого полисмена к ответственности за клевету, я готов дать свидетельские показания.

Мистер К. схватил карточку, но зачем она ему, понять не мог. Полицейский взмахнул руками и крикнул в толпу:

— Проходите!

— Не двигайтесь, — сказал прохожий. — Вы все свидетели.

— В конце концов, вы меня доведете... — голос у полицейского уже дрожал и срывался. — Я предупредил вас.

— О чем? Прошу объяснить — о чем?

— Попытка помешать полиции при исполнении служебных обязанностей.

— Обязанностей! — повторил человек саркастическим тоном.

— Но я пьян, — внезапно проблеял мистер К. — Я нарушаю порядок.

В толпе захохотали. Полисмен обернулся к мистеру К.

— Вы снова за свое! — рявкнул он. — Речь идет не о вас.

— О нас, обо всех нас, — распалился человек в шляпе.

Лицо полицейского передернулось. Он сказал мистеру К.:

— Возьмите такси и отправляйтесь-ка домой.

— Да-да, сейчас, — сказал мистер К.

— Такси!

Такси поравнялось с мистером К., он благодарно ухватился за ручку и открыл дверцу. Д. улыбнулся ему и сказал:

— Влезайте.

— А теперь, — сказал полицейский человеку в шляпе, — ваша фамилия?

— Хогпит.

— Не препирайтесь, — сказал полицейский.

Мистер К. отпрянул от машины.

— Только не это такси. Я не поеду в этой машине.

— Повторяю, меня зовут Хогпит. — В толпе засмеялись. — Не вижу тут ничего смешного. Суинберн звучит не лучше[26].

Мистер К. взмахнул руками, пытаясь отскочить на тротуар.

— Господи, — сказал полицейский, — опять вы!

— Там в такси человек... — сказал мистер К.

Д. вылез и сказал:

— Все в порядке, сержант. Это мой приятель. Он крепко выпил, и я потерял его в толпе у

Карпентерс-Армс.

Он взял К. под руку и решительно направился к такси. Мистер К. крикнул:

— Он убьет меня! — и попытался повалиться на тротуар.

— Не поможете ли вы мне, сержант? — сказал Д. — Я постараюсь уговорить его.

— С удовольствием, сэр. Я рад отделаться от него. — Он нагнулся, поднял мистера К., как ребенка, и уложил в такси на пол кабины. Мистер К. слабо вскрикнул:

— Я же говорю вам... он меня преследует...

Человек по фамилии Хогпит сказал:

— Какое вы имеете право делать это, констебль? Вы слышали, что он говорил? Откуда вы знаете, а вдруг это действительно так?

Полицейский захлопнул дверцу машины и обернулся.

— Потому что у меня есть своя голова на плечах. А теперь скажите, вы успокоитесь или нет?

Такси тронулось. Кучка жестикулирующих людей осталась позади. Д. сказал:

— Дураком себя только выставили.

— Я разобью окно и закричу, — сказал мистер К.

— Если дело дойдет до худшего, — тихо, будто по секрету, сказал Д., — я буду стрелять.

— Вы не сможете улизнуть. Вы не посмеете.

— Так говорят в книжках, В жизни все по-другому. Идет война. Вряд ли кто-нибудь из нас сумеет, как вы выражаетесь, «улизнуть».

— Что вы собираетесь делать?

— Я хочу побеседовать с вами дома.

— Где? Какой дом?

Д. промолчал. Машина медленно ехала по Гайд-Парку. У Марбл-Арч, как всегда, взобравшись на ящики из-под мыла, витийствовали несколько уличных ораторов, защищая свои кадыки от холода поднятыми воротниками плащей. Сутенеры из стоящих вдоль дороги автомобилей высматривали подходящих девочек, дешевые проститутки без особых надежд на клиентов переминались в тени под деревьями, а профессиональные шантажисты во все глаза выискивали на траве парочки, безмятежно занимавшиеся несправедливыми делами. Все это входило в понятие «мирный город». Афиша в газетном киоске гласила: «Сенсация: трагедия в Блумсбери».

II

Мистер К. утратил волю к сопротивлению. Беспрекословно он вышел из такси и спустился по ступенькам в подвал. Д. включил свет в комнатухе, служившей и спальней, и гостиной, и

зажег газ. Стоя со спичкой в руке над плитой, он думал, сможет ли он и впрямь убить человека. Да, мисс Глоувер, кем бы вы ни были, вам не повезло. До поры до времени от человеческого жилья веет непо потревоженным покоем. Но когда взрыв вырывает переднюю стену дома и в проломе показывается железная кровать, стулья, бездарная картина, болтающаяся на гвозде, ночной горшок — возникает ощущение, что квартиру обесчестили — вторжение в чужое жилище подобно утолению похоти. Увы, приходится отвечать врагам той же монетой — сбрасывать на них бомбы и так же калечить чужую личную жизнь. С внезапной яростью он повернулся к К.

— Вы на это сами напросились.

Мистер К. попятился к дивану, сел. Над его головой нависла полочка с несколькими тощими книжками в потертых сафьяновых переплетах — жалкая библиотека набожной женщины. Он сказал:

— Клянусь вам, я не был там.

— Но вы не отрицаете, что вы с ней намеревались завладеть моими бумагами, так ведь?

— Вас отстранили от задания.

— Я это уже слышал.

Он вплотную подошел к мистеру К. Можно было одним ударом свернуть ему челюсть и разрядить накопившийся гнев. Они ему совсем недавно продемонстрировали, как избивают человека. Но он не мог этого сделать. Дотронуться до К. — значило бы вступить с ним в физический контакт. От омерзения у него задрожали губы. Он сказал:

— Единственный ваш шанс выбраться отсюда живым — это быть откровенным. Они купили вас обоих, так?

Очки мистера К. упали на диван, и он начал шарить по вышитому покрывалу. Потом залепетал:

— А как мы могли знать, что вы сами не продались?

— Это у вас-то не было способа узнать?

— Ведь вам не доверяли... Иначе для чего они нас нанимали?

Он слушал, сжимая в кармане револьвер. Когда ты и судья, и присяжные заседатели, и даже прокурор, нужно дать человеку высказаться — нужно быть объективным, даже если земной шар сошел с орбиты.

— Продолжайте.

Мистер К. приободрился. Он попытался сфокусировать на Д. свои пороссячьи глазки и скривил рот в подобие улыбки.

— К тому же вы и сами вели себя довольно странно, так ведь? Откуда нам было знать, что вы не продадитесь за хорошую цену?

— Справедливо.

— Каждому приходится заботиться о себе. А то что же — вам, значит, можно грести денежки, а нам ветер в кармане?

Это ли не предел человеческого падения! Мистера К. легче было терпеть, когда он дрожал от

страха. Теперь к нему возвратилась храбрость. Он рассуждал вслух:

— Плохо оказаться за бортом. В конце концов наше положение безнадежно.

— Безнадежно?

— Почитайте хотя бы сегодняшние газеты. Мы разбиты. Вы что, сами не знаете, сколько министров уже сбежали, как крысы с тонущего корабля. Надеюсь, вы понимаете, что они успели неплохо набить карманы?

— Интересно, сколько вы получили?

Мистер К. нашел очки и уселся на диване поудобнее. В нем почти не осталось страха. У него был вид старого довольного пройдохи.

— Я так и думал, что в конце концов мы с вами договоримся.

— Рассказывайте все.

— Если вы хотите долю, — пояснил мистер К., — вы ее не получите. Даже если бы я захотел...

— Вы ведь не настолько глупы, чтобы продаваться в кредит?

— Зато они слишком умны, чтобы предлагать деньги такому человеку, как я.

Д. был сбит с толку. Он сказал, не веря:

— Вы хотите сказать, что ничего за это не получили?

— Я получил пока лишь письменное обязательство, подписанное Л.

— Никогда бы не подумал, что вы такой идиот. Если вам достаточно обещаний, вы могли бы их получить от нас в таком же количестве.

— Это не обещания. Это приказ о моем назначении, подписанный ректором. Ведь Л. теперь ректор. Это случилось после вашего отъезда.

Голос К. звучал уже вполне непринужденно.

— Ректор чего?

— Университета, разумеется. А я назначен профессором. Мне дали кафедру, и я могу снова вернуться домой.

Д. не удержался от смеха, но в его смехе звучало отвращение. Вот она, цивилизация победителей, наука будущего... Он прикинул вслух:

— Стало быть, если я убью вас, то на моей совести будет уже профессор К.

Ему представилось на миг отвратительное сборище поэтов, музыкантов, ученых, художников — матерые подлецы в очках со стальной оправой на пороссячьих глазках, обломки старой изношенной цивилизации, преподающие молодежи полезные уроки раболепия и предательства. Он вытащил револьвер секретаря посольства.

— Интересно, кого они назначат на ваше место? — Но он знал, что у них найдутся сотни таких же на выбор.

— Не играйте с оружием. Это опасно.

Д. сказал:

— Будь вы сейчас на родине, военный трибунал приговорил бы вас к расстрелу. Почему же вы думаете, что здесь сможете избежать этого?

— Вы шутите, — мистер К. силился рассмеяться.

Д. отвел барабан револьвера и заглянул — в нем были две пули. В ужасе мистер К. затараторил:

— Вы же обещали, что если я неповинен в смерти девочки, мне гарантируется безопасность.

— Ну и что? — он поставил барабан на место.

— Я не убивал ее. Я только позвонил Мари...

— Мари? А, да, управляющая гостиницей. Продолжайте.

— Мне велел Л. Он позвонил мне из посольства и сказал: «Просто передайте ей — пусть предпримет все, что возможно».

— И вы не догадывались, что он имел в виду?

— Не совсем. Как я мог догадаться? Я лишь знал, что у нее был какой-то план... сделать так, чтобы вас выслали. Она и не помышляла доводить дело до убийства. Только, когда полиция прочла дневник, все подошло как по заказу. Там были ваши слова о том, что вы заберете ее.

— Вы и это знаете!

— Мари рассказала мне... потом. Для нее все это было прямо находкой. Она имела в виду инсценировать ограбление. К тому же девчонка, вы понимаете, была довольно наглой. Мари думала лишь припугнуть ее, но затем вышла из себя. Вы же знаете, у нее ужасный характер, она не умеет сдерживаться. Совершенно не умеет. — Он снова попытался изобразить улыбку. — Всего лишь одна девчонка, одна из тысяч. На родине они погибают ежедневно. Война! — Что-то в выражении лица Д. заставило его чересчур поспешно добавить: — Так Мари рассуждала.

— А вы что на это ответили?

— Я, конечно, был против.

— Против — до того, как это случилось?

— Да. То есть нет, я хотел сказать... после... Когда я потом увидел ее.

Д. сказал:

— Все ложь. Вы были в курсе дела от начала до конца.

— Клянусь. Я не был у окна...

— Вот в это я верю. Ваши нервы не выдержали бы. Это вы предоставили ей.

— Вот

она вам и нужна.

— Я из суеверия не убиваю женщин. Но ей придется несладко, будьте уверены, когда вас найдут мертвым. Она будет теряться в догадках... Прислушиваться к звукам... Кроме того, у меня только две пули. И я не знаю, где достать еще. — Он снял предохранитель.

— Но ведь это Англия! — взвизгнул седой человечек, будто пытаясь убедить самого себя. Он вскочил на ноги и случайно сшиб с полки книгу. Она упала на диван и раскрылась на каких-то религиозных стихах со словом «Бог» с заглавной буквы. Конечно, это Англия. Все в этой комнате было Англией. И диван, и мусорная корзина для бумаг, сделанная из старых цветных литографий, и географическая карта в рамке на стене, и подушечки. Чужая обстановка тяготила Д., хотелось поскорее все кончить. Он произнес с яростью:

— Отойдите от дивана!

Мистер К., дрожа, сделал шаг. Он еще надеялся:

— Вы разрешите мне уйти?

Годы научной работы могут сделать из человека хорошего судью, но не палача.

— Почему меня, а не Л.? — умолял К.

— О, когда-нибудь я разделаюсь и с Л. Но уже совсем по другому счету.

Разница была очевидной: нельзя испытывать к музейному экспонату ту же ненависть, что к живому человеку.

Мистер К. умоляюще простер к нему выпачканные чернилами руки.

— Вы не стали бы винить меня, если б знали... Я прожил такую жизнь... Сколько книг написано о рабстве. — Он заплакал. — Вам жалко эту девчонку, а вот я... меня... — Он не мог продолжать.

— Идите в ту дверь, — сказал Д. Ванную не видно с улицы. В ней нет окон, только вентиляция. Рука, державшая оружие, дрожала от надвигающегося кошмара. Они загнали его в угол, теперь настала его очередь... Но опять вернулся проклятый страх, страх перед чужой болью, страх за жизнь других, за их страдания. Он, как писатель, был обречен на сочувствие... Он скомандовал:

— Быстрее!

Мистер К., спотыкаясь, попятился в ванную. Д. напрягал мозг, стараясь придумать какую-нибудь безжалостную шутку, вроде «простите, но у нас нет кладбищенской стены», но так и не нашелся — шутить можно лишь по поводу собственной смерти. Смерть других — слишком серьезное дело. Мистер К. сказал:

— Она не пережила того, что я... за пятьдесят пять лет... А я... мне осталось жить всего шесть месяцев... и никакой надежды.

Д. старался не слушать и ни в коем случае не понимать. Он шел следом за мистером К., не опуская револьвера.

— Когда остается всего полгода жизни, разве нельзя позволить себе напоследок немножко комфорта?... — Очки сорвались с носа К. и разбились. Всклипнув, он сказал: — И уважения. Я всегда мечтал когда-нибудь... университет. — Теперь он уже топтался в ванной, уткнувшись спиной в раковину и слепо уставясь туда, где, как ему казалось, стоял Д. — Врач так и сказал: шесть месяцев. — Он взвыл в предсмертной тоске. — Подохнуть, как старая лошадь в упряжке... рядом с этим дураком на Оксфорд-стрит... «Бона матина, бона матина». Холод

собачий... Нет бы включить отопление... — Он говорил бессвязно, нес первое, что приходило в голову, подсознательно понимая, что пока говорит, он в безопасности. И все слова, рождавшиеся в его истерзанной, пропитанной злобой и горечью душонке, крутились вокруг крошечной приемной, класса-конурки, холодного радиатора и картины на стене, изображавшей «ун фамиль жентильбоно». — И вечно этот старик неслышно подкрадывается к двери на своих резиновых подошвах... Как я страдал... даже извиняться приходится на интернационало... иначе штраф... ни одной сигареты за неделю...

С каждым словом он оживал, а приговоренный не должен оживать. Он должен умереть задолго до того, как судья произнесет приговор.

— Молчать! — приказал Д.

Голова мистера К. крутанулась, как у черепахи. Подслеповатые глаза смотрели мимо Д.

— Пощадите меня, — молил К. — Хоть последние шесть месяцев... на родине... профессором...

Д. закрыл глаза и нажал на курок. Грохот и отдача ошеломили его. Звякнуло разбитое стекло, и где-то зазвонил звонок.

Он открыл глаза — промахнулся. Безусловно, промахнулся. Зеркало над раковиной в футе от седой головы мистера К. было разбито. Мистер К. стоял, мигая, с недоумевающим видом. Кто-то стучал в дверь. Оставалась последняя пуля.

Д. сказал:

— Не двигайтесь. Ни звука. Второй раз я не промахнусь, — и закрыл дверь. Он стоял у дивана, прислушиваясь к стуку в дверь с улицы. Если это полиция, что ему делать с одной оставшейся пулей? Снова тишина — и у двери и в квартире. Маленькая книжица лежала раскрытая на диване:

Бог в солнечном свете,

Где птицы парят невесомо.

Бог в свете свечей

Ожидает вас дома...

Дурацкий стишок отпечатался в мозгу, как на воске. Он не верил в Бога, у него не было своего дома. Стишок напоминал заклинание дикарей, которое производит впечатление даже на цивилизованного человека. Снова стук, и еще раз стук, и снова звонок. Может, это кто-нибудь из знакомых хозяйки? Или она сама? Нет, у нее наверняка есть ключ. Скорее — полиция.

Он медленно пересек комнату и подошел к двери с револьвером в руке. Он забыл о нем, как забыл до того о бритве. С решимостью обреченного он открыл дверь.

Это была Роз.

Он медленно выговорил:

— Конечно. Я забыл. Я ведь дал вам адрес? — Он посмотрел мимо нее, как будто ожидая увидеть за ее спиной полицию или Форбса.

Она сказала:

— Я пришла рассказать вам то, что узнала от Форбса.

— О, да-да...

— Вы ведь ничего не натворили? Ничего страшного?

— Нет.

— А револьвер?

— Я думал — это полиция.

Они вошли в комнату и закрыли дверь. Он не спускал глаз с ванной, хотя что толку, — он уже знал, что никогда не выстрелит. Из него, наверное, получился бы неплохой судья, но не палач. Война ожесточает, но не настолько же. Как окольцованная птица, он обречен вечно носить при себе свою средневековую литературу, «Песнь о Роланде», Бернскую рукопись. Она сказала:

— Боже, какой странный у вас вид. Вы удивительно помолодели.

— Усы...

— Конечно. Без них вам гораздо лучше.

— Что сказал Фурт? — нетерпеливо перебил он.

— Они подписали.

— Но это противоречит вашим законам.

— Они ведь не подписали контракт непосредственно с Л. Закон всегда можно обойти. Уголь пойдет через Голландию.

Итак, полный и окончательный крах — он не смог даже застрелить предателя. Она сказала:

— Вам надо уехать. Пока вас не схватила полиция.

Он опустился на диван, свесив руку с револьвером между колен.

— И Форбс тоже подписал?

— Не стоит винить его за это.

Опять он почувствовал странный укол ревности. Она сказала:

— Ему все это не по душе.

— Почему?

— Видите ли, по-своему он честен... В трудные минуты на него можно положиться. Он задумчиво сказал:

— У меня остался последний шанс.

— О чем вы? — Она не спускала испуганных глаз с револьвера.

— Нет, я не об этом. Я говорю о шахтерах. О профсоюзах. Если бы они узнали, кому пойдет

этот уголь, может быть, они?..

— Что?

— Что-нибудь предприняли?

— Что они могут? Вы не понимаете, что здесь происходит. Вы никогда не видели шахтерского поселка, когда все шахты закрыты. У вас в стране революция — речи, крики, маханье флагами. А тут... Я побывала с отцом в одном таком поселке. Отец ездил туда вместе с членами королевской комиссии. Я что-то не заметила у шахтеров боевого духа. Иссяк.

— Значит, вас это все-таки волнует?

— Конечно, волнует. Недаром мой дед был...

— Вы знаете кого-нибудь из рабочих?

— Там живет моя старая няня. Она вышла замуж за шахтера. Но отец выплачивает ей пенсию. Ей живется легче, чем другим.

— Для начала и она пригодится.

— Вы все еще не понимаете. Вам нельзя разъезжать по шахтам и произносить речи — через минуту окажетесь за решеткой. Вы в розыске.

— Все равно я не собираюсь сдаваться!

— Послушайте. Пока еще можно попытаться тайно вывезти вас из Англии. Деньги чего-нибудь да стоят. Из маленького порта. Скажем, из Свонси...

Он внимательно посмотрел на нее.

— Вам этого хочется?

— Понимаю ваши намеки, но я предпочитаю живого мужчину, а не покойника или каторжанина. Я и месяца не буду любить вас после вашей смерти. Я не такая. Не могу сохранять верность тому, кого нет рядом. Не то что вы...

Он рассеянно играл револьвером. Она сказала:

— А эту штуку отдайте мне... Не могу спокойно видеть...

Он молча протянул ей револьвер, тем самым первый раз выразив кому-то доверие. Она сказала:

— О господи, от него пахнет дымом. Я так и думала, что что-то произошло. Вы стреляли из него. Вы убили...

— Нет. Я пытался, но ничего не получилось. Я, по всей видимости, жалкий трус. Попал всего лишь в зеркало. Не повезло, понимаете...

— Это случилось, когда я звонила в дверь?

— Да.

— Я слышала, но подумала, что это стрельнула выхлопная труба проезжавшей мимо машины.

Он сказал:

— К счастью, тут никто не знает звука настоящего выстрела.

— А где же этот тип?

— В ванной.

Она распахнула дверь. Мистер К., должно быть, внимательно подслушивал, стоя на коленях. Д. мрачно сострил:

— Знакомьтесь, профессор К.

И тут мистер К. повалился на бок, как-то странно подогнув ноги. Д. сказал:

— Он в обмороке.

Она наклонилась над мистером К., с отвращением заглядывая ему в лицо.

— Вы уверены, что промахнулись?

— К сожалению — промахнулся.

— Потому что он мертв, — сказала она. — Дураку и то ясно.

III

Мистера К. осторожно перетащили на диван, религиозная книжонка касалась его уха. «Бог в свете свечей ожидает вас дома». С красной полоской на переносице от дужки очков К. казался удивительно жалким.

— Его врач считал, что он протянет еще полгода, не больше. И он очень боялся смерти... внезапной... во время урока энтернационо. Они платили ему два шиллинга в час.

— Что будем делать?

— Это ведь всего лишь несчастный случай.

— Он умер, потому что вы стреляли в него, — они могут рассматривать это, как убийство.

— Убийство? С юридической точки зрения?

— Да.

— Это уже второе подозрение — не много ли? Мне бы хотелось, чтобы для разнообразия меня обвинили в настоящем, злодейском, заранее обдуманном убийстве.

— Вы всегда шутите, когда дело касается вас, — сказала она.

— Разве? Как-то не заметил...

Она снова рассердилась. Когда она сердилась, она походила на ребенка, который стучит по полу ногами в бессильном гневе против здравого смысла и авторитета взрослых. В такие моменты он чувствовал к ней безмерную нежность — она и вправду годилась ему в дочери. Она не требовала от него страстной любви.

— Не стойте так, как будто ничего не случилось, — сказала она, — что мы будем делать с ним, с этим?..

Он сказал кротно:

— Я как раз об этом и думал. Сегодня — суббота. Женщина, которой принадлежит эта квартира, оставила записку: «Молока не надо до понедельника». Следовательно, она вернется не раньше завтрашнего вечера. В моем распоряжении двадцать четыре часа. Смогу я попасть на шахты к утру, если сейчас же отправлюсь на вокзал?

— Вас схватят на станции. Вас уже разыскивают. Кроме того, — она говорила с раздражением, — это пустая трата времени. Я говорю вам, что не заметила у них боевого духа. Они просто существуют. Вот и все. Я там родилась. Я знаю те места.

— И все же стоит попытаться.

Она сказала:

— Мне плевать, живы вы или нет, но мне страшно представить себе, как вы будете умирать.

У нее начисто отсутствовало чувство стыда — она говорила и поступала, не сдерживаясь и ничего не скрывая. Он вспомнил, как она шла в тумане по платформе с булочкой в руке. Что ни говори, ее нельзя было не любить. Чем-то они были похожи друг на друга. Обоих швыряла и толкала жизнь — и они сопротивлялись ей с яростью, обоим им не свойственной. Она сказала:

— Я понимаю, что бессмысленно вас уговаривать: «Не делайте этого ради меня» — такое бывает только в романах.

— Отчего же, ради вас я готов на многое.

— Ах, боже, — сказала она, — не притворяйтесь. Оставайтесь честным. Именно за это я вас люблю. Хотя скорее это из-за моих неврозов. Эдипов комплекс и тому подобное...

— Я не притворяюсь.

Он обнял ее, не автоматически, как в прошлый раз. Он ощущал в себе привязанность к ней, нежность — но не физическое желание. Его и не могло быть — он словно вытравил его в себе, став ради своего народа евнухом. Каждый влюбленный — по-своему философ, об этом уж позаботилась природа. Влюбленному положено верить в свет мира, в ценность рождения новой жизни. Противозачаточные средства ничего не изменили. Акт желания остается актом веры, а он веру потерял...

Она больше не сердилась. Она печально спросила:

— Что случилось с вашей женой?

— Ее по ошибке расстреляли.

— Как?

— Спутали с другой заложницей. У них сотни заложников. Когда заложников слишком много, для тюремщиков они все на одно лицо.

Интересно, не кажется ли ей, девушке из мирной Англии, все это странным и диким: он пытается ухаживать за ней, рассказывая о мертвой жене, да еще когда рядом на диване лежит мертвец? Впрочем, ухаживание шло не очень-то успешно — поцелуй выдает слишком

многое, его гораздо труднее подделать, чем голос. Его губы, прижатые к ее губам, выражали беспредельную пустоту. Она сказала:

— Как странно — любить человека, которого давно нет на свете.

— Такое бывает со многими. Вы же свою мать...

— Я ее не люблю... — сказала она. — Я незаконнорожденная. Потом, конечно, все скрепили браком. Все вроде бы образовалось. Но как-то противно знать, что ты была в этом мире нежеланной, уже тогда...

Не испытывая глубоких чувств, трудно решить, где любовь и где жалость. Они опять обнялись. Через ее левое плечо он увидел устремленные на него открытые глаза мистера К. Он опустил руки.

— Бесполезно. Не гожусь я для вас. Я больше не мужчина. Может быть, потом, когда перестанут убивать людей...

Она сказала:

— Мой дорогой, я не боюсь ожидания... пока вы живы.

Да, в сложившейся ситуации — это немаловажное условие. Он сказал:

— А теперь вам лучше уйти. Постарайтесь, чтобы никто вас не увидел, когда будете выходить. И не садитесь в такси меньше чем за милю отсюда.

— А вы что собираетесь делать?

— С какого вокзала мне ехать?

Она сказала:

— Примерно в полночь отходит поезд с Юстона... Он прибывает туда утром в воскресенье, бог знает в котором часу. Но вам надо изменить внешность. Так вас сразу узнают.

— Даже без усов?

— Шрам-то остался. Именно по нему и ищут. Подождите минуту, — и когда он попытался что-то сказать, перебила его: — Я уйду. Я буду рассудительной, сделаю все, как вы говорите, отпущу вас на все четыре стороны и постараюсь проявить благоразумие. Но — минутку.

Она шагнула в ванную — слышно было, как под ее туфлями хрустнули очки мистера К. И через секунду вернулась.

— Слава богу, — сказала она, — хозяйка — женщина запасливая. — В руках у нее была вата и кусок пластыря. Она сказала: — Стойте спокойно. Никто не найдет вашего шрама. — Она прижала к его щеке клочок ваты и заклеила ее пластырем. — Вполне убедительно, — сказала она, — как нарыв.

— Но ведь пластырь не закрывает шрама.

— В этом весь фокус. Край пластыря закрывает шрам, а вата на щеке. Никому и в голову не придет, что вы что-то скрываете на подбородке. — Сжав его голову ладонями, она сказала:

— Из меня бы вышел неплохой агент, как, по-вашему?

— Вы для этого слишком хороший человек, — сказал он. — Тайным агентам никто не

доверяет.

Он вдруг ощутил теплую волну благодарности за то, что в этом лживом, злобном, ненадежном мире есть кто-то, кроме него самого, кому он может доверять. Словно в жутком одиночестве пустыни повстречал друга. Он сказал:

— Дорогая, от моей любви мало проку, но она вся твоя... вернее то, что от нее осталось. — Он говорил, а внутри опять поднималась боль воспоминаний, привязывавших его к могиле...

Она сказала нежно, словно объяснялась в любви:

— У тебя есть шанс. Ты хорошо говоришь по-английски, хотя слишком литературно. Не акцент тебя выдает, а все те книги, которые ты прочитал. Постарайся забыть, что ты когда-то учил студентов романским языкам. — Она снова провела по его лицу ладонью, и в этот момент раздался звонок.

Они застыли посреди крошечной комнаты: словно в легенде, где смерть встает на пути любви. Снова раздался звонок. Он сказал:

— Куда бы тебе спрятаться? — Но спрятаться в этой комнатухе было негде. — Если полиция, сваливай все на меня — договорились? Я не намерен впутывать тебя в эту историю.

— Но что толку, если...

— Ступай и открой дверь.

Он взял мистера К. за плечи, повернул лицом к стене и набросил покрывало. Открытые глаза К. оказались в тени, со стороны можно было подумать, что человек спит. Он слышал, как открылась дверь и чей-то голос сказал:

— О, простите, моя фамилия Фортескью.

В комнату робко вошел неопределенного возраста человек с залысинами на висках, в двубортной жилетке. Роз попыталась загородить ему дорогу. Она сказала:

— Что вам угодно?

Он повторил «Фортескью» со слабым подобием улыбки.

— Какого черта вы заявились?

Он, мигая, посмотрел на них. Он был без пальто и без шляпы.

— Простите, я живу наверху. Что, Эмили... извините, мисс Глоувер, дома?

Д. сказал:

— Она будет к понедельнику.

— Я знал, что она собиралась уехать, но, когда увидел в окне свет... — Он забормотал. — Боже правый, что это?

— Это, — сказала Роз, — как вы мило выразились, это — Джек. Джек Отрем.

— Он болен?

— Ему нехорошо. У нас тут была небольшая вечеринка.

Он еще колебался:

— Как странно! Я хочу сказать, что Эмили, мисс Глоувер...

— О, зовите ее просто Эммой, — сказала Роз, — мы все здесь друзья.

— Эмма никогда не устраивала вечеринок.

— Она оставила нам ключи.

— Д-да. Я понимаю.

— Хотите выпить?

Это уж слишком, подумал Д., нельзя же найти в этой квартире все что ни вздумаешь. Возможно, мы потерпели крушение, но не то кораблекрушение из детской книжки, которое подбрасывало Робинзону Крузо в нужную минуту нужные вещи.

— Нет, нет, благодарю вас, — сказал Фортескью. — Это не по мне. Я хочу сказать, что никогда не пью.

— Все пьют. Иначе не проживешь.

— Ну, разумеется — я пью воду.

— В самом деле?

— О, да, несомненно. — Он пугливо взглянул на лежащее на диване тело, потом на Д., стоявшего возле дивана, как часовой. Он участливо поинтересовался: — Вы поранили лицо?

— Увы.

Молчание стало почти осязаемым. Оно затягивалось, как проводы гостей у радушных хозяев. Наконец Фортескью сказал:

— Мне нужно возвращаться.

— Неужели? — сказала Роз.

— Нет, не буквально, конечно. Я хочу сказать, мне не хочется мешать вашей вечеринке.

Он оглядывался по сторонам, искал глазами бутылки и рюмки. В комнате было что-то такое, чего он никак не мог понять.

— Эмма не предупредила меня...

— Вы, наверное, часто разделяете ее одиночество?

Он покраснел и сказал:

— О, мы добрые друзья. Мы оба, видите ли, групперы.

— Кто-кто?

— Оксфордские групперы[27].

— Ах, вот что! — воскликнула Роз. — Домашние вечера, гостиница «Браунз», Крауборо...

Посыпались названия, которых Д. никогда не слышал. Не впадает ли она в истерику?

Фортескью просиял. Его старчески-младенческое лицо напоминало широкий белый экран домашнего пользования, на котором родители показывают детям только специально отобранные, прошедшие строгую цензуру фильмы. Он пролепетал:

— Вы у нас когда-нибудь бывали?

— Нет. Это не для меня.

Он еще раз оглянулся на диван: на редкость прилипчивый тип, приходилось следить за беседой — стоило ее неосторожно пустить не в то русло, как он тут же растекался морем слов.

— Обязательно приходите! У нас бывают разные люди, и бизнесмены, и консерваторы — однажды был даже помощник министра внешней торговли. Ну, и конечно, всегда Фрэнки... — Он почти вплотную подошел к дивану, с жаром объясняя: — Это религия, но прикладного характера. Она помогает жить, учит ладить друг с другом, потому-то между нами и царит справедливость. Мы имеем громадный успех в Норвегии.

— Что вы говорите! — подхватила Роз, надеясь отвлечь его. А он, не сводя выпученных глаз с затылка мистера К., продолжал:

— К примеру, вас что-то беспокоит — понимаете, о чем я говорю? Ничто так не очищает, как общение на семейном вечере. Другие всегда вам посочувствуют, ведь многим приходилось испытать что-то похожее... — Он слегка наклонился вперед и забеспокоился: — Все-таки ваш друг выглядит больным... Вы вполне спокойны за него?

Фантастическая страна, — подумал Д. В мирной жизни куда больше чудес, чем на гражданской войне. Война упрощает жизнь — не волнует секс, не интересует проблема международных языков, не думаешь даже о личной карьере. Волнует только, что бы поесть и где укрыться от бомб и снарядов. Фортескью сказал:

— Если бы... понимаете... он смог вызвать у себя рвоту, может быть, ему стало бы легче... все как рукой?

— О нет, — сказала Роз. — Ему так лучше. Пусть полежит спокойно.

— Конечно, — сказал он покорно, — я в этом не большой специалист. Я говорю о вечеринках. Наверное, он плохо переносит спиртное? Ему не следовало бы пить, это ему вредно. И к тому же, такой немолодой человек. Простите меня, если это ваш близкий друг...

— Не ваше дело, — отрезала Роз.

Уберется он когда-нибудь? — подумал Д. Неужели до него не доходит ледяной тон Роз?

— Не подумайте, что у меня предубеждение против спиртного, это не так. Видите ли, мы стараемся быть аскетичными — в разумной степени, конечно... Наверное, вы вряд ли захотите подняться ко мне... У меня чайник вскипел. Я собирался пригласить Эмму... — Он внезапно наклонился и вскрикнул: — Боже правый, у него открыты глаза!

Конец, — подумал Д. Роз насмешливо ответила, растягивая слова:

— А вы что, думали — он спит?

В его глазах явственно мелькнула страшная догадка и тут же погасла. Ей не на что было опереться. В его кротком и фальшивом мире не было места для убийства... Не зная, что делать, они молча ждали, что он еще скажет. Он прошептал:

— Как ужасно, он слышал все, что я говорил о нем!

Роз перешла в наступление:

— Ваш чайник расплавится.

Он посмотрел на них, переводя взгляд с одного на другого: что-то тут было не так.

— Да, возможно. Я ведь не собирался задерживаться. — Он снова перевел взгляд с Д. на Роз, словно ища поддержки: этой ночью ему будет не до сна. — Ну что ж, мне пора идти. Доброй ночи.

Они следили, как он шагнул за порог, в свой безопасный, привычный, спокойный мирок. На лестничной площадке он обернулся и вяло помахал им рукой.

Часть третья

Последний выстрел

I

Тихие просторы Мидленда еще были окутаны тьмой. Огни высвечивали лишь маленькую станцию, словно последнюю новинку на затемненной витрине магазина. Вдоль зала ожидания горели масляные фонари, над перроном чернел железный переходный мостик. Порывистый холодный ветер выхватывал из-под паровоза клубы пара и швырял на перрон. Наступало воскресное утро.

Хвостовые огоньки поезда сверкнули двумя искорками и исчезли, потушенные невидимым туннелем. Д. остался один, если не считать старика-носильщика, катившего, прихрамывая, тележку с того места, где только что стоял багажный вагон. За последним фонарем перрон обрывался, оставляя в темноте путаницу подъездных путей. Где-то неподалеку пропел первый петух, и повисший над путями огонек вдруг из красного сделался зеленым.

— Поезд на Бендич отсюда уходит? — спросил Д.

— Отсюда, — сказал носильщик.

— А долго ждать?

— Да уж с часок — это точно... Если не опоздает.

Д. поежился от холода и похлопал себя по бокам, чтобы согреться.

— Долговато, — протянул он.

— А что ж вы хотите? — откликнулся носильщик. — По воскресеньям всегда так.

— А может, какой-нибудь проходящий есть?

— Были, когда работали шахты... А теперь кому надо в Бендич?

— Нет ли тут ресторанчика? — спросил Д.

— Ресторанчик! — воскликнул носильщик, внимательно приглядываясь к нему. — Кому он нужен здесь, в Виллинге?

— Ну, хотя бы посидеть...

— Я вам открою зал ожидания, если хотите, — сказал носильщик. — Только там холодно. Лучше ходить, чтоб не замерзнуть.

— Печка не топится?

— Может, еще и теплится. — Старик вынул из кармана здоровенный ключ и отпер коричневую дверь. — Вроде и не так уж плохо. — Он зажег свет.

На стенах желтели выцветшие фотографии отелей и курортов, по бокам тянулись привинченные к полу скамьи, а в центре — три или четыре громоздких стула и огромный стол. От печки едва тянуло теплом. Скорей это было воспоминание о тепле. Носильщик взял чугунный совок и кинул угольной пыли на едва тлевшие угольки.

— Так-то оно будет лучше.

Д. сказал:

— А стол? Для чего здесь стол?

Носильщик посмотрел на него с явным подозрением:

— Чтоб сидеть за ним. А то для чего же?

— Но ведь скамьи-то к нему не подвинешь.

— Это точно. Не сдвинешь. Смотри-ка, двадцать лет я здесь, а этого не замечал. Вы, наверное, иностранец, а?

— Верно.

— Востры вы, иностранцы! — Он угрюмо уставился на стол. — У нас на нем все больше сидят, — сказал старик.

Снаружи послышался резкий, как окрик, гудок паровоза, потом проплыло облако белого пара, простучали и смолкли вдали колеса, и снова наступила тишина.

— Это четыре пятьдесят пять, — сказал носильщик.

— Экспресс?

— Товарняк.

— На шахты?

— Нет, в Вулхэмптон. На военные склады.

Засунув от холода руки в карманы, Д. медленно ходил по залу. Струйка дыма тянулась из печки. Он принялся разглядывать одну из фотографий — джентльмен в сером котелке и куртке с двумя нагрудными карманами беседует, облокотившись о перила пирса, с дамой в живописной шляпе и белом муслиновом платье на фоне фланирующей публики с зонтиками. Д. ощутил странное счастье, словно он тоже оказался вне времени и уже принадлежит

истории, как и этот джентльмен в котелке: нет больше вражды и насилия, кончились так или иначе войны, ушла боль. На заднем плане снимка, позади трамвайной линии громоздилась готическая башня с вывеской «Отель Мидленд», рядом — свинцово-серая статуя человека во фраке и общественная уборная.

— Вот-вот, — заметил носильщик, помешивая угольную пыль сломанной кочергой, — это и есть Вулхэмптон. Я там был в тысяча девятьсот втором году.

— Бойкое, должно быть, местечко.

— Это точно. А гостиница — лучшей во всем Мидленде не сыщешь. Наш профсоюз там обед устраивал — в тысяча девятьсот втором. Воздушные шары, певица пела, красота... Там и турецкая баня есть.

— Перебраться в Вулхэмптон не думаете?

— Да, нет, пожалуй. Любое место по-своему хорошо, я так считаю. Конечно, к Рождеству, бывает, потянет — рождественские представления в Вулхэмптоне знатные, с клоунами. Ну, а здесь зато для здоровья полезно. — Он всю орудовал кочергой.

— Ваша станция — тоже не захолустье, не правда ли?

— Была, по ту пору, пока шахты работали. Вот в этом самом зале дождался поезда сам лорд Бендич. И дочка его, почтенная мисс Роз Каллен.

Д. поймал себя на том, что, как влюбленный мальчишка, жадно ловит каждое слово.

— Вы видели мисс Каллен?

Опять пробасил паровозный гудок, издав далеко на него откликнулся другой, паровозы перелавались, как собаки в пригородах.

— Точно, видел. Последний раз я видел ее здесь за неделю до того, как ее представили ко двору, королю и королеве.

Ему стало грустно. Светская жизнь... Роз купалась в ней, а он к той ее жизни не имел никакого отношения. Он почувствовал себя, как разведенный муж, чей ребенок теперь живет в доме более богатого и талантливого человека, чем он сам, а его удел — по журналам следить за успехами этого удачливого и счастливого. Ему вдруг захотелось предъявить свои права на Роз. Он вспомнил, как на платформе в Юстоне она сказала ему. «Несчастливые мы люди — не верим в Бога. Так что молиться бесполезно. Если б мы верили, я б молилась, перебирая четки, свечи б за вас ставила, Господи, да чего бы только ни делала. А так остается одно — пальцы скрестить на счастье». — В такси она по его просьбе вернула ему револьвер, сказав: «Ради бога, будьте осторожны. Вы ведь такой глупый. Вспоминайте Бернскую рукопись. Вы ведь не Роланд. А поэтому, прошу вас, не проходите под лестницами, не рассыпайте соль, это приносит несчастье...»

Носильщик вспомнил:

— Ее мать из здешних мест. Говорят, что...

Здесь, на этой маленькой заброшенной станции, он на время был отрезан от жестокого мира. Но сама безопасность и изолированность этого холодного зальчика лишь еще больше подчеркивали, насколько мир жесток.

И кто-то еще говорит о предначертаниях свыше! Какая безумная мешанина — Роз представляют к королевскому двору, его жену расстреливают в тюремном дворе, картинки из

светской жизни в журнале «Татлер» и падающие с неба бомбы, и все это безнадежно смешалось, скрепленное их близостью, когда они стояли рядом над телом мистера К. и разговаривали с Фортескью. Будущая сообщница убийцы удостоивается приглашения на королевский прием в саду!

Словно он задался целью соединить в химической реторте элементы абсолютно не соединимые. А его собственная жизнь? Какой невероятно долгий путь от лекций по средневековой литературе до бессмысленного выстрела в мистера К. в ванной комнате подвальной квартиры, принадлежащей незнакомой женщине. Как же после этого можно, ничтоже сумняшеся, строить жизненные планы и заглядывать в будущее?

Но ему от этого не уйти, ему надо заглянуть в будущее.

Он остановился перед фотографией, на которой был изображен пляж. Будки для переодевания, ребячьи замки из песка, грязь и убожество, воспроизведенные с удивительной четкостью — изорванные газеты, объедки бананов. Правильно кто-то посоветовал недавно владельцам железнодорожных компаний заменить фотографии на вокзалах картинами. Он думал: если меня поймут, тогда будущего нет — в этом случае все просто. Но если ему как-нибудь удастся ускользнуть и вернуться домой, вот это уже проблема. Она ведь сказала: «Теперь вам не так-то легко отмахнуться от меня».

Носильщик продолжал:

— Когда она была еще крошкой, она вручала призы за лучшие привокзальные цветники. Еще до того, как умерла ее мать. Лорд Бендич уж очень розы любил...

Она не может вернуться с ним туда, в его жизнь, жизнь человека, которому не доверяют, в страну, охваченную войной. Да и что он мог ей обещать, в конце концов? Его крепко-накрепко держит могила.

Он вышел на платформу. Ее еще обступала тьма, но чувствовалось, что рассвет совсем близок. Где-то далеко, у края земли, в темноте проглянула серая полоса и прозвенел звонок, словно о чем-то предупреждая. Он стал прохаживаться взад и вперед, туда и обратно. Выхода не было — только тупик, поражение... Он остановился у автомата — обычный набор: изюм, конфеты, спички, жевательная резинка. Он бросил монетку, решив купить изюма, но пакетик не появился. Сзади вырос носильщик и сказал с укором:

— Наверное, сунули погнутую монету.

— Нет, нормальную. Да бог с ней.

— А то есть такие ловкачи, — ворчал носильщик, — только отвернись, он за свой пенни три пакетика вытащит, — Он постучал по автомату. — Пойду за ключами.

— Пустяки, право, не стоит.

— Как же так? Нехорошо получается. — Носильщик, прихрамывая, заковылял прочь.

На обоих концах платформы горело по фонарю. Д. ходил от одного к другому. Рассвет наступал с осторожной, расчетливой медлительностью. Как ритуал — сначала померкли фонари, потом снова пропели петухи, и только после этого засеребрилось небо. На путях обрисовались товарные вагоны с фирменной надписью «Угольные копи Бендича». Проглянули другие перроны, выщербленные и мертвые. Рельсы тянулись к забору, за которым виднелось темное пятно, оказавшееся пакгаузом. Дальше чернело тоскливое зимнее поле.

Вернулся носильщик и открыл автомат.

— Так и есть, все отсырело. Им теперь не до изюма. Вот и заржавел ящичек. Держите. — Он протянул ему бумажный пакетик, влажный, разлезавшийся прямо в пальцах.

— А вы еще уверяли, что климат тут отличный.

— Точно. Мидленд для здоровья полезен.

— Откуда же сырость?

— Так это, понятное дело, — объяснил носильщик, — станция-то в низинке... Видите?

Утренний сумрак и впрямь таял, уползал, словно туман со склона горы. Тусклый серо-желтый рассвет занимался над сараем и полем, станцией, подъездными путями, вдали осветился холм, покраснели кирпичные коттеджи. Пни спиленных деревьев напомнили ему поле боя. Из-за холма торчало какое-то странное металлическое сооружение.

— Это что такое? — спросил Д.

— Это? Да так, ничего. Идея, вишь, у них появилась.

— Довольно уродливая идея.

— Уродливая говорите? Не сказал бы. Я к ней привык, мне без нее скучно будет.

— Похоже на нефтяную вышку.

— Она самая и есть. Какие-то дураки надумали нефть отсюда качать. Мы им говорили — нет тут ничего, да они ведь из Лондона, лучше всех все знают.

— Ну, и как — нашли нефть?

— Да вот, аккурат на эти два фонаря хватило. Теперь вам недолго ждать. Вон Джарвис уже спускается с холма.

Развиднелась дорога, тянущаяся к коттеджам. На востоке просветлело, все кругом, кроме неба, приобрело какой-то темный оттенок побитых морозом овощей.

— Кто этот Джарвис?

— Он каждое воскресенье ездит в Бендич. Иногда и в будни тоже.

— Работает на шахте?

— Нет, куда ему, стар больно. Говорит, хочу проветриться. А слух такой, что старуха у него там. Но Джарвис не признается. «Я, говорит, неженатый».

Тяжело ступая, Джарвис спускался к станции по посыпанной гравием дорожке. На нем были вельветовые брюки и куртка. А когда он подошел ближе, стали видны мохнатые брови, бегающие глаза и седая щетина на подбородке.

— Как живем, Джорди? — спросил носильщик.

— Ничего, могло быть хуже.

— К старухе собрался?

Джарвис глянул на носильщика искоса, с подозрением и отвел взгляд в сторону.

— Этот джентльмен едет в Бендич. Он иностранец.

— А-а...

Д. почувствовал себя так, словно он носитель тифозных палочек, оказавшийся в обществе здоровых людей, которым сделана прививка: уж этих он не заразит. Они надежно застрахованы от жестокости и страха, которые он нес в себе.

Он ощутил внутри какую-то удивительную пустоту и изнеможение, словно, наконец, среди унылых зимних полей, в тиши заброшенного полустанка нашел обетованное местечко, где можно присесть, передохнуть, забыть о ходе времени.

Рядом монотонно бубнил носильщик: — Проклятые заморозки, все загубили к черту.

— Ага, ага, — время от времени поддакивал Джарвис, вглядываясь в рельсовую даль.

Дважды прозвенел звонок в будке блок-поста. И внезапно стало ясно, что ночь минула и настал день.

В будке блок-поста был виден дежурный с чайником в руке. Он опустил куда-то чайник и дернул рычаг. Где-то прогундосил сигнальный гудок.

— Ага, — сказал Джарвис.

— Вот и ваш поезд, — окликнул его носильщик.

На горизонте вырос комок дыма, похожий на розовый бутон, потом из дыма выскочил паровоз и цепочка слегка раскачивающихся вагонов.

— Далеко до Бендича? — поинтересовался Д.

— Миль пятнадцать. Так ведь, Джордж?

— Четырнадцать миль от церкви до «Красного Льва».

— Да не в расстоянии дело, — сказал носильщик. — Главное тут остановки.

В покрытых морозцем окнах поезда бледное утреннее солнце дробилось на кристаллы. Несколько небритых физиономий глазели в окна на занимающийся день. Д. вошел вслед за Джарвисом в пустой вагон. Носильщик, зал ожидания, уродливый железный мост над платформами, дежурный в будке с чашкой чая в руке, тихий, мирный покой, — все уплывало назад. Низкие холодные холмы сошлись к рельсам. Ферма, чахлый лесок, похожий издали на облезлую меховую шапку, затянута ледком канава — все это, отнюдь не живописное, лишнее какой-либо красоты, несло в себе спокойствие и тихую отрешенность. Джарвис молча смотрел в окно. Д. спросил:

— Вы хорошо знаете Бендич?

— Ага.

— Может быть, вы знаете миссис Беннет?

— Жену Джорджа Беннета или Артура?

— Ту, которая была няней у дочери лорда Бендича.

— Ага.

— Вы ее знаете?

— Ага.

— Где она живет?

Голубые навывкате глаза Джарвиса долго и подозрительно разглядывали его.

— А для чего она вам?

— У меня к ней письмо.

— Она живет рядом с «Красным Львом».

От остановки к остановке лесов и скудной травы становилось все меньше. На холмах все отчетливей проступал камень. Ржавая одноколейка вела к каменоломне, в бурьяне валялась перевернутая вагонетка. Вдруг холмы расступились и открылась широкая равнина. Посреди нее торчали терриконы, не уступающие высотой окружающим холмам. Редкая чахлая трава, словно язычки зеленого пламени, взбегала по терриконам. Линии узкоколейки обрывались, никуда не ведя. У подножья искусственных холмов тянулись похожие на шрамы улочки серых каменных домиков. Поезд шел без остановок, громыхая по безрадостной равнине, проносясь мимо гор шлака и платформ со звучными названиями вроде «Замок Крэг» или «Гора Сион». Все это было похоже на гигантскую мусорную кучу, куда вывалили чуть ли не целый пласт жизни — гигантские ржавеющие шахтоподъемники, черные трубы, сектантские часовни с шиферными крышами, темное белье, сушившееся на веревках и добавлявшее картине ощущение безнадежности, дети, бредущие с ведрами от водоразборных колонок. Только подумать, всего в десяти милях отсюда иной мир, тихая станция и пение петухов. Домики уже тянулись непрерывными узкими улочками, спускаясь от терриконов к железнодорожной насыпи. Д. спросил:

— Это Бендич?

— Не-ет. Это Пэрэдайз.

Поезд прогрохотал по мостику и обогнул еще одну гору пустой породы.

— И это тоже не Бендич?

— Не-е. Это Каукамберилл.

— Как вы их различаете?

— Охо-хо...

Джарвис угрюмо глядел в окно. Правда ли, что у него тут старая зазноба или, действительно, просто захотелось на денек сменить обстановку? Наконец он проворчал нехотя, словно обидевшись:

— Каукамберилл — это не Бендич, их не спутаешь. Вон — Бендич, — и показал на выплывшую очередную темную гору шлака с серым струпом улочки у подножья.

— Эдак, — продолжал он, впадая в мрачный патриотический раж, — можно спутать Бендич с «Замок Крэг» или с «Горой Сион». Вы поглядите толком-то.

Д. поглядел. Он привык к развалинам, но тут ему подумалось, что бомбежка — пустая трата времени. Развалины образуются сами, если все предать мерзости запустения.

Бендич гордо именовался станцией, а не остановкой. Тут был даже большой зал ожидания, хотя и на замке и с выбитыми стеклами. Д. задержался, чтобы пропустить вперед Джарвиса,

но Джарвис тоже задержался, пропуская Д., — словно заподозрил, что Д. за ним шпионит. Похоже, этот человек отличался наивной природной скрытностью, остерегаясь других, как животное — звука чужих шагов или незнакомого голоса близ своей норы.

Д. вышел на привокзальную площадь. Его последнее поле битвы лежало перед ним как на ладони. Одна улица уходила к террикону и Т-образно упиралась в другую, тянувшуюся у подножья черной кучи. Дома ничем не отличались друг от друга. Однообразие нарушали лишь вывеска гостиницы, фасад церкви да редкие жалкие лавчонки. Во всем поселке чувствовалась какая-то пугающая упрощенность, будто он был построен детьми из кубиков. Поражало и безлюдье, пустынность обеих улиц. Впрочем, поскольку не было работы, то людям и ходить некуда, а в постели, понятно, теплее, чем на улице. Д. прошел мимо биржи труда, еще нескольких однообразных серых домов с опущенными шторами, миновал чудовищно грязный двор, где стоял сортир с настезь распахнутой дверью. Как будто в городке шла война, но почему-то без видимых следов сопротивления.

«Красный Лев» когда-то был отелем. Наверняка именно в нем останавливался лорд Бендич. При доме был двор с гаражом, на котором сохранилась старая желтая табличка «АА». Запах газа и сортиров висел над улицей.

Горожане следили за незнакомцем из окон, но без особого любопытства: было слишком холодно, чтобы выходить на улицу ради обмена приветствиями. Дом миссис Беннет, сложенный из того же серого камня, что и все остальные, казался опрятнее других благодаря чистеньким занавескам. Судя по тому, что через окно виднелась заставленная мебелью гостиная, куда явно не часто заходили, денежки в этом доме водились. Д. дернул за рукоятку звонка — блестящую медную ручку в форме щита с геральдическими знаками. Уж не герб ли это Бендича: пернатое мифическое чудовище с листиком в клюве? Не слишком ли замысловато для прозябающего в нищете, грязного городка? Герб представлял, подобно алгебраическому уравнению, набор абстрактных величин, лишенных всякого значения на этой улице из камня и цемента.

Дверь открыла пожилая женщина в переднике. Ее высохшее, морщинистое лицо было белым, как старая чистая кость.

— Миссис Беннет? — спросил Д.

— Да. — Она преградила ему вход, поставив ногу на порог.

— У меня к вам письмо, — сказал Д., — от мисс Каллен.

— Вы знаете мисс Каллен? — переспросила она недоверчиво и неодобрительно.

— Вы все прочтете.

Она тут же, на пороге принялась читать письмо, не впуская Д. в дом. Читала медленно, без очков, держа бумагу почти у самых глаз, выцветших, но упрямых.

— Она здесь пишет, — сказала старуха, — что вы ее добрый друг. Может, зайдете в дом? Она пишет, что я должна помочь вам... Но не говорит — как.

— Простите, что я в такую рань.

— Это единственный поезд в воскресенье. Не идти же вам пешком. Джордж Джарвис тоже приехал?

— Да.

— Понятно.

Маленькая гостиная была битком набита фарфоровыми безделушками и фотографиями в витых серебряных рамках. Круглый стол из красного дерева, тахта с бархатной накидкой, жесткие стулья с изогнутыми спинками и бархатными сиденьями, газеты, расстеленные на полу для сохранения ковров, — все это походило на декорации для пьесы, которую не сыграли и вряд ли когда-нибудь сыграют. Миссис Беннет сказала сурово, показав на фото в серебряной рамке:

— Узнаете, я надеюсь?

Беленькая пухленькая девочка неуклюже держала в руках куклу. Он ответил:

— Боюсь, что я...

— А, — сказала миссис Беннет почти злорадно, — значит, она вам семейные альбомы не показывала. Понятно. Видите эту подушечку для булавок?

— Да.

— Она сделана из платья, в котором Роз была представлена ко двору. Переверните ее, там есть и число, когда это было. — На нижней стороне подушки и впрямь белели вышитые шелком цифры. Тот самый год, когда он сидел в тюрьме, ожидая расстрела, был и годом ее жизни. — А здесь, — показала миссис Беннет, — она как раз в этом платье. Уж эту фотографию вы, наверное, видели.

Очень торжественная, неправдоподобно молодая и донельзя похожая на себя, Роз смотрела на него из бархатной рамки. Маленькая комната была, казалось, полна ею.

— Нет, — признался он, — и этой фотографии я никогда не видел.

Она бросила на него удовлетворенный взгляд:

— Недаром говорят: старый друг — лучше новых двух.

— Должно быть, вы очень старый друг?

— Самый старый, — отрезала она. — Я знала Роз, когда ей не было и недели от роду. Даже сам лорд еще не видел ее — он первый раз взглянул, когда ей исполнился месяц.

— Она очень тепло говорила о вас, — соврал Д.

— Еще бы, — подтвердила миссис Беннет, потрянув седой головой. — После того, как умерла ее мать, все для нее делала я.

Всегда как-то странно чувствуешь себя, когда узнаешь от кого-нибудь о прошлом любимого человека, — будто нашел в старом столе потайной ящик, полный интереснейших документов.

— Она была послушной девочкой? — спросил он с улыбкой.

— У нее был твердый характер. А больше мне ничего и не надо от ребенка, — сказала миссис Беннет. Она, волнуясь, переходила с места на место, то поглаживая подушечку для булавок, то поправляя фотографии. — Нельзя требовать, чтобы тебя помнили. И я не жалею на лорда. Он великодушен. Собственно, так оно и должно быть. Иначе, как бы мы жили, особенно сейчас, когда шахты закрыты?

— Роз говорила мне, что она вам регулярно пишет. Уж она-то помнит вас.

— По праздникам, — согласилась миссис Беннет. — Много она не пишет, но у нее, конечно,

мало времени в Лондоне из-за всех этих званых вечеров и прочего. Конечно, она могла бы написать мне, что сказал ей тогда его величество король, но, в конце концов...

— Может, он ей ничего не сказал?

— Обязательно сказал. Она милая девушка.

— Вы правы...

— И надеюсь, — ядовито заметила миссис Беннет, переставляя фарфоровые безделушки, — что она разбирается в своих друзьях.

— Да уж, обвести себя вокруг пальца не позволит, — подтвердил он, вспоминая о мистере Форбсе, частных сыщиках и обо всем том мрачном мире недоверия, в котором она жила.

— Вы не знаете ее так, как знаю я. Помню, однажды, в Гвин-коттедж, она прямо-таки выплакала себе глаза. Ей было четыре года, и гадкий лживый мальчишка Питер Триффин стащил у нее заводную мышку. — Былое негодование снова вспыхнуло на лице старухи. — Готова поклясться, что из мальчишки так и не вышло толку.

Странно было подумать, что от этой женщины во многом зависело воспитание Роз. Уж, наверное, не меньше, чем от рано скончавшейся матери. Должно быть, старалась вырастить девочку по своему образу и подобию — на худом, кожа да кости, лице миссис Беннет, если присмотреться, временами мелькало почти то же выражение, что и у Роз.

Старуха внезапно спросила:

— Вы ведь иностранец?

— Да.

— Понятно.

Он сказал:

— Мисс Каллен должна была написать вам, что я здесь по делам.

— Она не написала, по каким делам.

— Она думает, что вы сможете мне кое-что рассказать о вашем городе.

— Что именно?

— Ну, хотя бы, кто здесь руководит местной профсоюзной организацией.

— Вы хотите с ним увидеться, так что ли?

— Да.

— Ничем не смогу помочь вам. Мы с такого рода людьми не знаем. И не уверяйте меня, что мисс Каллен водится с этими социалистами.

— В конце концов, ее мать...

— Мы знаем, что представляла собой ее мать, — резко оборвала его миссис Беннет, — но она умерла, и о мертвых худо не говорят.

— Стало быть, вы не в силах помочь мне?

— В силах, но не хочу.

— И даже имени его не назовете?

— Сами узнаете. Ну, да ладно — вам скажу. Бейтс его зовут. — По улице проехал автомобиль, скрипнули тормоза. — Кто бы это мог пожаловать в «Красный Лев»? — заинтересовалась миссис Беннет.

— Где он живет?

— На Пит-стрит... Вот так же однажды приехал член королевской семьи, — миссис Беннет прижалась к стеклу, стараясь рассмотреть, кто выходит из машины. — Очень был приятный молодой человек, зашел ко мне и выпил чашку чаю — ему хотели показать, что есть шахтеры, у которых в доме все блестит. Он намеревался заглянуть к миссис Терри, но ему сказали, что она больна. У этой Терри шаром покати. Потому и не пустили. Ему б там пришлось не по вкусу.

— Мне пора идти.

— Можете передать мисс Роз, что нечего ей якшаться с Бейтсом, — сказала миссис Беннет тоном человека, привыкшего когда-то командовать: «надень теплые чулки», «не ешь конфет», «выпей это лекарство», но хорошо понимающего, что те времена давно миновали.

В гостиницу «Красный Лев» вносили чемоданы, улица моментально оживилась. Люди стояли кучками, боязливо, готовые в любую минуту разойтись по домам. Детский голосок спросил: «Дядя герцог приехал?» Неужели лорд Бендич уже действует? Быстрая работа! Контракт был подписан только вчера. Тут же пополз слух — и откуда только он взялся? Кто-то крикнул: «Шахта открывается!» И толпа зашумела, подхватив слух. Люди окружили автомобиль, как будто на его роскошном полированном кузове могли прочесть точную информацию. Какая-то женщина пискнула: «Ура!», но ее не поддержали.

Д. спросил у первого встречного:

— Кто приехал?

— Уполномоченный лорда Бендича.

— Не могли бы вы мне сказать, где Пит-стрит?

— Прямо и в конце улицы налево.

Он шел, а из всех домов выходили люди, как будто их подхватила волна надежды. Пожилая женщина стучала в окно соседке: «Нелл, в «Красном Льве» уполномоченный лорда!» Д. вспомнил, как однажды в голодном городе пронесся слух, что привезли продовольствие — люди кинулись на набережную, вот как сейчас. Продовольствие оказалось танками, и они с мрачным безразличием смотрели, как их разгружали. Хотя танки были очень кстати.

Он спросил прохожего:

— Где живет Бейтс?

— Номер семнадцать. Если он там, конечно...

Дом стоял как раз за баптистской церковью, серым каменным символом религии под шиферной крышей. На стене, рядом с загадочной надписью «Придорожная мысль», висела еще одна: «Красота жизни незаметна лишь для усталых глаз». Он постучал в дверь дома № 17, еще и еще. Никто не отвечал. По улице по-прежнему спешили люди — в старых плащах,

уже не способных защитить от ветра, в застиранных и оттого уже не греющих фланелевых рубашках. Это были те, за кого он сражался, и у него возникло пугающее ощущение, что теперь они его враги — ведь он приехал, чтобы отнять у них надежду. Он стучал снова и снова, но по-прежнему никто не отвечал.

Тогда он попробовал постучать в дом девятнадцать — дверь открыли тут же, он даже не ожидал такой быстроты. Он поднял глаза и увидел Эльзу.

— Ну, чего надо? — сказала она, стоя в дверном проеме как привидение — такая же изможденная недоеданием и непосильной работой девчонка. Он был потрясен и долго всматривался, пока не уловил разницу — шрам на шее и одного зуба нет. Конечно, это была не Эльза. На одну колодку обеих сделали несправедливость и недоедание.

— Я ищу мистера Бейтса.

— Его дом рядом.

— Я не могу достучаться.

— Так он, наверное, пошел со всеми в «Красный Лев».

— Да, все куда-то бегут, спешат...

— Говорят, шахта открывается.

— А ты почему дома?

— Кто-то же должен за печкой смотреть, — она поглядела на него с вялым любопытством. — А вы тот иностранец, что приехал на поезде вместе с Джорджем Джарвисом?

— Да.

— Он сказал, что хорошего от вас не жди.

Он подумал не без ужаса, что двойняшка этой девочки, действительно, ничего хорошего от него не дождалась. Для чего экспортировать жестокость в чужую страну? Лучше понести поражение там, на родине, чем втягивать в борьбу посторонних... Идея, безусловно, еретическая, его партия абсолютно права, не доверяя ему. Девчонка добавила примирительно:

— А вообще никто особенно не обращает внимания на Джорджа. Зачем вам нужен Бейтс?

Что ж, он ведь хотел, чтобы узнали все, в конце концов, он и уповал на демократию, с кого-то надо начинать, почему бы не с нее? Он сказал:

— Я хотел объяснить ему, куда пойдет этот уголь, — мятежникам в моей стране.

— О, — протянула она уныло, — значит, вы один из этих?

— Да.

— А что до этого Бейтсу?

— Я хочу, чтобы шахтеры отказались добывать для них уголь.

Она изумленно посмотрела на него.

— Отказались? Мы?

— Да.

— Да вы совсем чокнулись, — сказала она. — Какое нам дело, куда идет уголь?

Он повернулся и зашагал прочь. Безнадежно. Он понял: это приговор. Приговор, произнесенный детскими устами. Она крикнула вслед:

— Не сходите с ума! Какое нам дело?

Он упрямо шагал по улице. Он будет стоять на своем, пока ему не заткнут рот, не повесят, не расстреляют, не освободят от выполнения долга и не дадут отдохнуть.

У «Красного Льва» слышалось пение, события разворачивались быстро. Очевидно, им уже официально сообщили. Одновременно звучали, мешая одна другой, две старые песни. Он слышал их много лет назад, когда работал в Лондоне — бедняки удивительно верны старым мелодиям: «Забудь свои тревоги» и «Спасибо скажем Богу». Толпа подхватывала то ту, то эту, но в конце концов мирская песня победила. Ее знали лучше. По рукам ходили газеты, воскресные выпуски. Пачки газет лежали на заднем сидении стоящего рядом автомобиля. Д. схватил кого-то за руку и спросил нетерпеливо:

— Где Бейтс?

— Он там, наверху, с уполномоченным.

Д. пробрался сквозь толпу. Кто-то сунул ему в руку газету. Заголовок на первой странице бросался в глаза: «Сделка с границей. Шахты открываются снова». Солидная, не склонная к фантазиям воскресная газета подтвердила приговор. Он ворвался в вестибюль гостиницы. Необходимо что-то делать, немедленно, сейчас же, пока еще надежды окончательно не превратились в уверенность... Вестибюль был пуст. На стенах под стеклом висели чучела рыб — должно быть, в эти места прежде наведывались рыболовы-спортсмены. Он кинулся вверх по лестнице — тоже никого. На улице пели, кричали «Ура!». Что-то свершилось. Он распахнул тяжелую дверь с табличкой «Гостиная» и сразу же увидел себя на другой стене, в высоком зеркале в золоченой раме — небритый человек, из-под пластыря торчит клочок ваты. Огромное французское окно было распахнуто, в нем стоял человек и что-то кричал вниз, толпе. За столом, спиной к Д., сидели двое. Пахло пыльным бархатом.

— Завтра утром на работу должны выйти только забойщики, машинисты подъемников и механики. Но не бойтесь. Через неделю работа будет всем — кризис кончился! Можете спросить своего мистера Бейтса. Он здесь. И не на каких-нибудь четыре дня в неделю, нет, работенки хватит на все триста шестьдесят пять дней в году. — Он то приподнимался на носках, то опускался, маленький хитрый человечек в гетрах, похожий на агента по продаже недвижимости.

Д. подошел к нему и сказал:

— Простите, могу я поговорить с вами?

— Не сейчас. Не сейчас, — сказал человечек, не оборачиваясь, и закричал в окно: — А теперь отправляйтесь по домам и отпразднуйте это дело. К Рождеству каждый получит работу. И мы, в свою очередь, надеемся...

Д. обратился к двум спинам за столом:

— Кто из вас мистер Бейтс?

Оба обернулись. Один из них был Л.

— ...что вы поработаете на славу, — надсаживался оратор у окна. — Будьте уверены, что угольная компания Бендича умеет держать свое слово!

— Я Бейтс, — сказал второй.

По озадаченному виду Л. он понял, что тот не узнал его. Д. сказал:

— Я вижу, что с агентом мятежного генерала вы уже познакомились. Теперь послушайте меня, мистер Бейтс.

Тут лицо Л. прояснилось, улыбка скользнула по его губам, веко дернулось — он узнал Д. Оратор обернулся и спросил:

— В чем дело?

Д. объяснил:

— В том, что этот уголь пойдет не в Голландию, как записано в контракте. У него совсем другой адрес.

Он смотрел на Бейтса, молодежавшего человека с романтическим чубом надо лбом и безвольным ртом.

Бейтс сказал:

— А я тут при чем?

— Люди вам верят, я полагаю. Скажите им, чтоб они не спускались в шахту.

— Пойдите, пойдите, — вмешался уполномоченный Бендича.

Д. продолжал:

— Ваш профсоюз торжественно заявил, что никогда не станет помогать мятежникам.

— Уголь для Голландии, — сказал Бейтс.

— Это ширма. Наше правительство поручило мне закупить ваш уголь. Вот этот человек позаботился, чтобы у меня выкрали доверенность на сделку.

— Он сумасшедший, — убежденно объявил уполномоченный, то поднимаясь, то опускаясь на носках. — Джентльмен, которого он обвиняет, — друг лорда Бендича.

Бейтс беспокойно заерзал в кресле.

— Что я могу сделать? — сказал он. — Это дело правительства.

Л. мягко сказал:

— Я знаю этого человека. Он фанатик и его ищет полиция.

— Надо послать за констеблем, — подхватил уполномоченный.

— У меня в кармане револьвер, — сказал Д. Он не сводил глаз с Бейтса. — Я знаю, что значит для ваших шахтеров год работы. Но для нас это — смерть. И ваши люди погибали у нас, слышали?

Внезапно Бейтс взорвался:

— Какого черта я должен верить вам? Уголь предназначен для Голландии. — У него было неуверенное произношение ученика вечерней школы. Он выбился из низов, это было видно, и старался скрыть следы своего плебейского происхождения. Он добавил: — И ничего подобного я не слышал...

Но Д. почувствовал, что Бейтс заколебался. Над безвольной отвислой губой лихой чуб Бейтса выглядел фальшиво, как парик, надетый актером, чтобы подчеркнуть решительность и боевитость своего персонажа — качества, каковыми Бейтс явно не обладал.

— Если вы не хотите им сами сказать, то скажу я.

Человек в гетрах бросился к двери. Д. остановил его.

— Сядьте. Позовете полицию, когда я кончу. Я ведь в ваших руках, так? Можете спросить этого джентльмена, в скольких смертных грехах меня обвиняют, а то я уж сам начинаю забывать: фальшивый паспорт, кража автомобиля, незаконное хранение оружия. А теперь еще добавится подстрекательство к мятежу.

Он подошел к окну и крикнул:

— Товарищи! — Он увидел в толпе старого Джарвиса, скептически посматривающего на него. Внизу стояло человек полтора. Хорошая половина уже разошлась по домам с приятным известием. — Я должен поговорить с вами.

Кто-то выкрикнул:

— Зачем?

Он сказал:

— Вы не знаете, куда пойдет этот уголь.

У шахтеров был веселый, торжествующий вид.

— На Северный полюс, — ответил какой-то шутник.

Д. сказал:

— Его отправят вовсе не в Голландию...

Люди начали расходиться. Да, он читал лекции, но никогда не был митинговым оратором. И не зная, как удержать толпу, крикнул:

— Черт побери, да послушайте вы! — Он схватил со стола пепельницу и грохнул ею по оконному стеклу.

— Эй, — крикнул Бейтс возмущенно, — это собственность гостиницы.

Звон разбитого стекла заставил всех обернуться. Д. сказал:

— Вы хотите добывать уголь, чтобы им убивали детей?

— Ладно, заткнись! — угрюмо ответил кто-то.

— Я знаю, как это важно для вас. Но для нас это — все. — Краем глаза он видел в зеркале отражение лица Л., самодовольного, невозмутимо ожидающего, пока он закончит. Теперь уже будь, что будет. Он крикнул:

— Почему им нужен ваш уголь? Потому что наши шахтеры не хотят на них работать. Горняков расстреливают, но они не работают...

Он снова заметил в толпе старого Джорджа Джарвиса, стоящего немного в стороне, недоверчивого, не верящего ни единому его слову. Кто-то крикнул:

— Послушаем Джо Бейтса.

В толпе подхватили: «Джо Бейтс, давай!»

Д. сказал:

— Дело за вами, — и повернулся к профсоюзнику.

Человечек в гетрах, похожий на агента по продаже недвижимости, пригрозил:

— Уж я постараюсь, чтобы вы получили за это шесть месяцев отсидки.

— Старайтесь, — сказал Д.

Бейтс нехотя подошел к окну. Он манерно вскинул голову, отбрасывая со лба непокорную прядь, и Д. подумал, что это движение, скопированное у профсоюзных лидеров, наверное, единственная смелость, на какую он способен. Бейтс сказал:

— Друзья! Мы услышали очень серьезное обвинение.

Неужели все-таки не побоится, не свернет в кусты?

— Милосердие начинается дома! — взвизгнула какая-то женщина.

— Наверное, — сказал Бейтс, — самое правильное, что мы можем сделать, — это потребовать решительного заверения от уполномоченного лорда Бендича в том, что уголь идет в Голландию и только в Голландию.

— Что толку в его заверениях? — вставил Д.

— И если он подтвердит это, мы можем с чистой совестью спускаться завтра в шахту.

Маленький человечек в гетрах бросился вперед и заорал:

— Правильно! Мистер Бейтс совершенно прав! И я заверяю вас от имени лорда Бендича... — окончание фразы потонуло в радостном гуле толпы. Крики не стихали, двое мужчин отошли от окна, и Д. оказался лицом к лицу с Л.

— Знаете ли, вам следовало вовремя принять мое предложение, — сказал Л. — А теперь я вам не завидую... Мистера К. нашли.

— Мистера К.?

— Женщина по фамилии Глоувер вчера вечером возвратилась домой. Она сообщила полиции, что ее мучили предчувствия. Об этом напечатано в утренних газетах.

Уполномоченный кричал в окно:

— Что касается этого человека, его ищет полиция за жульничество и кражу...

Л. сказал:

— Разыскивают человека, которого вместе с молодой женщиной видел в квартире миссис

Глоувер ее сосед по имени Фортескью. У человека была заклеена пластырем щека, но полиция предполагает, что пластырь лишь скрывает шрам.

Бейтс сказал:

— Пропустите, пожалуйста, констебля.

— Вам бы лучше исчезнуть, а? — посочувствовал Л.

— У меня осталась еще одна пуля.

— Для меня или для вас?

— Мне бы узнать, — сказал Д., — как далеко вы зашли. — Он страстно хотел, чтобы обстоятельства вынудили его к выстрелу: услышать подтверждение, что именно Л. приказал убить девочку, и после этого, ненавидя и презирая, выстрелить. Но Л. и ребенок принадлежали к разным мирам. Не верилось, чтобы Л. отдал такой приказ. С тем, кого убиваешь, надо хоть что-то иметь общее, в противном случае проще расправиться с человеком из дальнобойного орудия или бомбой с самолета.

— Поднимайтесь сюда, констебль, — крикнул кому-то в окно уполномоченный лорда Бендича. У людей его класса существует примитивное убеждение, будто один полицейский может справиться с кем угодно, даже с вооруженным человеком.

Л. сказал:

— Между прочим, не все потеряно. Можно вернуться назад...

До чего самоуверен! Весь образ жизни Л. угадывался за его спокойным невозмутимым голосом: длинные коридоры особняков и подстриженные сады, дорогие книги и картинная галерея, письменный стол с инкрустациями и старые, обожающие его слуги... Но что значит «вернуться», если неотступные призраки пережитого ничего не дадут забыть. Д., колеблясь, нащупал в кармане револьвер. Л. сказал:

— Я знаю, о чем вы думаете. Но та женщина сумасшедшая, в полном смысле сумасшедшая.

Д. сказал:

— Благодарю вас. В таком случае...

Ему внезапно стало легче на сердце, как будто сумасшествие управляющей гостиницей привнесло в мир элемент нормальности. Он бросился к двери.

Уполномоченный лорда Бендича отвернулся от окна и заорал:

— Держите его!

— Пусть идет, — успокоил Л. — Там же полиция...

Д. сбежал по лестнице. Констебль, пожилой человек, входил в вестибюль. Он внимательно посмотрел на Д. и спросил:

— Послушайте, сэр, не видели ли вы...

— Там наверху.

Он обогнул дом и понесся через двор. Уполномоченный вопил, свесившись из окна:

— Констебль, вон он! Вон!

Он продолжал бежать, двор был пуст. Вдруг он услышал позади крик и глухой стук — констебль поскользнулся и упал. Чей-то голос рядом скомандовал: «Сюда, приятель», — и он автоматически повернул к уборной. Все произошло в одно мгновение. Кто-то сказал: «Подсади его», — и он понял, что перемахнул через стену. Он тяжело плюхнулся на корточки около мусорного ящика и снова услышал шепот: «Тихо». Он оказался за забором в маленьком садике, несколько квадратных футов редкой травы, тропинка из шлака, косматый кокосовый орех, болтающийся на веревочке, зацепленной за выступ кирпича в заборе для приманки птиц.

— Что вы делаете? Для чего? — спросил он.

Садик показался ему знакомым — ну да, это же садик миссис Беннет. Она не замедлит позвать полицию. Он хотел объяснить им, но все исчезли. Он был один, как мешок с трухой, который перебросили через стену и забыли о нем. На улице слышались крики. Он опустился на колени, вялый и бессильный, как огородное пугало. Мысли путались. Ему было тошно, снова закипала злость. Его опять пытаются загнать в угол. Для чего? Он конченный человек. Тюремная камера казалась отсюда островком спокойствия. Он сделал все, что мог. Он сел на землю и опустил голову на колени, чтобы прошло головокружение. Он вспомнил, что у него ничего не было во рту после пирожного на вечере в школе энтернационо.

И снова чей-то торопливый шепот совсем рядом:

— Вставайте.

Он поднял голову и увидел трех юнцов.

— Кто вы?

Они, ухмыляясь, смотрели на него. Старшему едва ли было больше двадцати. У них были детские, округлые, но диковатые лица. Старший ответил:

— Не имеет значения. Пойдемте в сарай.

Как во сне, он повиновался им. В темной конуре едва хватало места для четверых. Они присели на куски угля и обломки старых ящиков, приготовленных для растопки. Сквозь дыры в стене пробивался слабый свет. Он сказал:

— Для чего все это? Миссис Беннет...

— Старуха не пойдет за углем в воскресенье. Это известно, она такая...

— А сам Беннет?

— Он уже наклюкался.

— Кто-нибудь все-таки мог заметить?

— Не-е. Мы следили.

— Будут искать по домам.

— Без ордера они не могут. А судья — в Вулхэмптоне.

Он сдался и устало сказал:

— Наверное, я должен вас поблагодарить.

— Плевать на вашу благодарность, — сказал старший из трех, — у вас ведь есть пистолет.

— Да. Револьвер.

Парень сказал:

— Шайке нужен этот револьвер...

— Вот как! А что за шайка? Это вы?

— Мы самые. Точняк.

Они жадно уставились на него. Он уклончиво сказал:

— Что случилось с полицейским?

— Наши дружки об этом позаботились. — Младший паренек задумчиво погладил лодыжку.

— Чистая работа.

— У нас организация, — сказал старший.

— И нас десятки.

— Нашему Джо однажды всыпали. Выпороли.

— Понятно.

— Шесть розог получил.

— Это было до того, как мы организовались.

Старший повторил:

— Теперь нам нужен ваш пистолет. Вам он больше не понадобится. О вас заботимся мы.

— Заботитесь?

— Мы все устроили. Вы останетесь здесь, а когда стемнеет и пробьет семь, двинетесь вверх по Пит-стрит. Все в это время пьют чай или сидят в церкви. За церковью увидите аллею. Стойте там и ждите автобуса. Крики проследит, чтобы все было в порядке.

— А кто этот Крики?

— Один из наших. Он кондуктор. Он позаботится, чтобы вы благополучно добрались до Вулхэмптона.

— Вы все обдумали. Но зачем вам пистолет?

Старший наклонился к нему поближе. Лицо у него было бледное, без кровинки, глаза пустые, как у пони, заезженного на подземных работах. И никакого в них не было бешеного анархического задора. Вся анархистская идея сводилась, кажется, к желанию отчебучить со скуки что-нибудь запретное.

— Мы слышали, что вы там говорили. Вы не хотите, чтобы шахта работала. Можно это сделать. Нам все равно.

— Разве ваши отцы не работают на шахте?

— А нам-то что до этого?..

— Но как вы это сделаете?

— Мы знаем, где хранится динамит. Нужно только взломать склад и высыпать в шахту заряды. На полгода хватит разбираться!

У парня скверно пахло изо рта. Д. почувствовал отвращение.

— А в шахте никого нет?

— Ни души.

Его долг использовать и эту возможность. Но он колебался.

— А зачем пистолет?

— Собьем пулей замок на складе.

— А умеете пользоваться оружием?

— Не беспокойтесь.

Он сказал:

— У меня последняя пуля...

Они сидели в сараюшке, сгрудившись. Их руки почти касались его рук, изо ртов несло кислятиной. Ему казалось, что его окружает стая животных, для которых тьма — естественная среда обитания, в то время, как он мог видеть только на свету. Он спросил:

— А вам-то зачем все это нужно?

Равнодушный детский голос ответил:

— Да так, для забавы.

«Петля по мне плачет», — подумал он и вздрогнул.

— Ну а если кто-то окажется в это время в шахте?

— Мы проверим, что мы себе — враги?

Нет, они себе не враги — серьезное наказание им не грозит: они несовершеннолетние. Но все равно, твердил он себе, его долг — сорвать поставки угля мятежникам, даже если без жертв не обойтись. Жизни иностранцев — ничто по сравнению с судьбой его народа. Когда идет война, общепринятый моральный кодекс исчезает — дозволено творить зло во имя победы добра.

Он вынул из кармана револьвер, и шершавая рука старшего парня мгновенно вцепилась в него.

Д. сказал:

— Потом сразу же бросьте револьвер в шахту. И не оставляйте на нем отпечатки пальцев.

— Точняк. Так и сделаем. Не сомневайтесь.

Он все еще не разнимал пальцев, не выпуская револьвера — не отдавал последний свой

выстрел. Парень сказал:

— Мы не проболтаемся. Наши никогда не болтают.

— А что там в поселке? Где полиция?

— Их всего двое. У одного мотоцикл, он поехал в Вулхэмптон, чтобы получить ордер на обыск. Они думают, что вы у Чарли Стоува. А Чарли не хочет впускать их. У него с ними старые счеты.

— У вас считанные минуты после того, как собьете замок. Успеете бросить заряды и удрать?

— Мы подождем до темноты.

Он отпустил револьвер, и он тут же исчез у кого-то в кармане.

— Не забудьте, — напомнил старший, — в семь у церкви. Крики будет на страже.

Когда они ушли, он вспомнил, что надо было попросить хоть кусок хлеба. С голоду время тянулось особенно медленно. Он чуть приоткрыл дверь сарая, но увидел лишь сухой куст, дорожку, посыпанную шлаком, и кокосовый орех на грязной веревочке. Он попытался составить план действий, но что проку в планах, когда жизнь швыряет его, как разгулявшееся море — щепку. Если он даже попадет в Вулхэмптон, удастся ли ему уехать? На вокзале его наверняка подстерегают. Он вспомнил о пластыре на подбородке — теперь он ему ни к чему. Он сорвал нашлапку. Чертовское невезение — надо же было этой женщине так быстро вернуться и найти тело мистера К. Впрочем, ему не везло с той самой минуты, как он высадился в Англии. Он снова увидел Роз, идущую по платформе с булочкой в руке. Откажись он ехать с ней вместе в Лондон, пошло бы все по-иному. Его бы не избили, он бы не опоздал в гостиницу. Мистер К. не заподозрил бы его в продажности и сам не поспешил бы продаться. Эта управляющая гостиницей... «Она просто сумасшедшая», — сказал Л. Что он имел в виду?.. А в общем, сколько ни раздумывай, все началось с Роз, стоящей на платформе, и кончилось трупом Эльзы в номере на четвертом этаже.

На кокосовый орех вспорхнула птичка — как ее называют по-английски? — и принялась быстренько выклевывать из него что-то вкусное. Допустим, до Вулхэмптона он доберется. А дальше — в Лондон или куда? Когда он прощался с Роз, у него был план, но все переменялось, тем более, если его разыскивают еще и по делу об убийстве К. Охотятся, наверное, куда серьезнее прежнего. Ни в коем случае нельзя еще глубже впутывать в это дело Роз. Насколько было бы проще, — подумал он устало, — если бы сейчас в сарай вошел полицейский и... Птица внезапно вспорхнула с кокосового ореха. На дорожке послышался шорох, будто кто-то шел на цыпочках. Он терпеливо ждал ареста.

Оказалось — кошка. Черная, с длинным хвостом, она смотрела на него с дорожки, как смотрит один зверь на другого, и неторопливо ушла, оставив после себя легкий запах рыбы. Он вдруг подумал о кокосовом орехе: вот стемнеет, и я до него доберусь. Но время тянулось ужасающе медленно. Из кухни запахло жареным мясом, потом из верхнего окна донеслась ругань: «Какой позор! Пьяная скотина!» — не иначе, как миссис Беннет пыталась вытянуть мужа из постели. Ему показалось, она сказала: «Вот лорд узнает...» Но окошко тут же захлопнулось и что последовало дальше, осталось неизвестным — соседям не положено знать семейные секреты чужого дома, который, как известно, «моя крепость». Птичка вернулась и снова села на кокосовый орех. Он следил за ней с завистью — она орудовала клювиком, как рабочий ломом. Ему захотелось спугнуть птаху. Полуденное солнце стояло над садиком.

Больше всего его беспокоила сейчас судьба револьвера. Напрасно он все-таки доверился этим юнцам. Они вообще могли выдумать всю историю про взрыв склада — просто хотели побаловаться оружием. В любой момент может случиться все, что угодно. Они могут пустить

оружие в ход просто из озорства, смешно ждать высокой морали от сопляков с такими отвратными физиономиями. Однажды ему послышался выстрел — он обмер, но тут же раздался второй такой же — наверно, «чихал» автомобиль уполномоченного. Стало темно. Наконец, когда он не мог уже разглядеть кокосового ореха, он вышел из сарая. У него буквально слюнки текли от предвкушения объедков с птичьего стола. Под его ногой скрипнул шлак на дорожке, и тотчас в доме отдернули занавеску — миссис Беннет испуганно таращила на него глаза, прижавшись носом к кухонному стеклу. Он ясно видел ее, разодетую для похода в церковь, ее костистое суровое лицо. Он застыл на месте. Неужто не заметила? Это невозможно. Но в саду было темно, и старуха опустила занавеску.

Он обождал немного и направился к ореху.

Пиршество получилось не из приятных, мякоть кокоса оказалась жесткой, драло горло. Он прокрался обратно в сарай. Ножа у него не было, пришлось выскребывать пальцем белые сухие волокна. Даже самым долгим ожиданиям приходит конец, за это время он успел передумать обо всем — о Роз, о будущем, о прошлом, о ребятах с револьвером. Чем еще занять голову? Он попытался вспомнить стихотворение, которое осталось в записной книжке, украденной шофером Л.: «И все равно стук сердца моего летит вослед твоим шагам...» Дальше припоминать не хотелось, а ведь прежде эти строки значили для него очень много. Он подумал о жене и почувствовал, что нити между ним и ее могилой начинают ослабевать. Такова подлость жизни. Надо умирать вместе, а не поврозь.

Часы на церкви пробили семь.

II

Положив остатки кокосового ореха в карман, он осторожно вышел из сарая. Он внезапно сообразил, что парни не сказали ему, как выбраться из этого садика. Типичное ребячество: великолепно продумать общий план и забыть о деталях. И этим юнцам он доверил оружие! Безумие. Сами-то наверно махнули обратно через стенку — так же, как и пришли. Но он-то не мальчишка — усталый, голодный, немолодой уже человек... Да у него просто не хватит сил подтянуться так высоко. Он попробовал — не вышло. Еще раз, еще... Мальчишеский голос из сортира по ту сторону забора шепнул: «Это ты, друг?»

Значит, они все-таки не забыли о деталях. Он ответил:

— Да.

— Там в стене нет одного кирпича.

Он пошарил рукой — верно.

— Давай быстрее!

Он упал на четвереньки как раз на то самое место, где они его подсаживали утром. Замызганный маленький оборвыш критически посмотрел на него и сказал:

— Я тут на стрёме.

— А где другие?

Он мотнул головой в сторону темной массы террикона, нависшего над городом, как грозовая туча.

— Там, на шахте.

Он почувствовал, как на него с новой силой нахлынули мрачные предчувствия. Словно ему опять предстоит пережить те пять минут, что отделяют вой сирены от первых бомб. Словно дикая беспощадная анархия вырвалась на свободу, как гром в горах.

— Идите и ждите Крики, — хрипло скомандовал мальчуган.

Он повиновался. Что ему еще оставалось делать? А время они выбрали точно — на длинной серой улице, почти не освещенной, ни души. Он шел словно по мертвому городу-музею угольного века — только свет в окнах церкви разрушал это впечатление. Он почувствовал себя очень усталым и очень больным и с каждым шагом его мрачные предчувствия нарастали. Он физически, всей кожей ощущал опасность, ожидая внезапного грохота, который в любую секунду мог разорвать тишину. На северо-западе, где-то над Вулхэмптоном, стояло красное зарево, словно в городе полыхал пожар.

Между баптистской церковью и соседним домом был узкий проход. Д. застыл, не сводя глаз с улицы, в ожидании Крики и автобуса. Единственный оставшийся в Бендиче полицейский дежурил, наверное, у дома Чарли Стоува, дожидаясь ордера на обыск. За спиной Д. высились горы пустой породы — где-то там в темноте мальчишки собирались у склада взрывчатки. Из церкви доносился нестройный хор женских голосов: «Слава всевышнему на небесах...»

Пошел мелкий дождь, принесенный ветром с севера. Он был пропитан угольной пылью и стекал по лицу, как разведенная краска, оставляя грязные полосы. Мужской голос, — басовитый, добрый и уверенный, где-то совсем рядом отчетливо произнес: «Помолимся все», и торжественно поплыла импровизированная молитва: «Источник всего добра и правды... благословляем тебя за дары твои...» Дождь просочился через плащ, и мокрая рубашка легла на грудь холодным компрессом. Что это — шум машины? Он услышал яростный треск мотора и осторожно высунулся на улицу, ожидая увидеть Крики.

И тут же отпрянул обратно во тьму — это был не автобус, а мотоцикл, на котором ехал полицейский, должно быть, привез ордер из Вулхэмптона. Значит, они вот-вот выяснят, что у Чарли Стоува его нет. Куда же запропастился автобус? Теперь они наверняка остановят и обыщут автобус, если только ребята и такой вариант не предусмотрели. Он распластался по церковной стене, стараясь хоть спину уберечь от секущего дождя, и, слыша молитву, представил себе светлый, облицованный деревянными панелями зал, стол вместо алтаря, теплые батареи, женщины в воскресных платьях... Среди них и миссис Беннет. «Мы молим тебя за наш истерзанный и измученный мир... Мы помянем перед тобой жертвы войны, бездомных и нищих». Он угрюмо улыбнулся и подумал: если бы они знали, что молятся за меня. Как бы им это понравилось? Они запели гимн, и торжественные слова поплыли в темноту: «В святой любви пребудем, да не убоится сердце перемен...»

Его бросило поперек прохода, и он упал, ударившись затылком о камень. Шрапнелью посыпалось стекло. Ему почудилось, что вся стена над ним накренилась и вот-вот повалится на него. Он закричал. Он кричал от страха, не от грохота — грохот был слишком сильный, чтобы его слышать. Звук взрыва осознаешь, когда он затихает и доносится только лай собак, крики людей, шипение осыпающегося кирпичного щебня. Он закрыл лицо руками, защищая глаза, и снова закричал. По улице бежали люди. Неподалеку раздавались бравурные звуки фисгармонии, но он уже их не слышал, он снова лежал под развалинами дома, снова мех мертвой кошки щекотал ему губы.

Чей-то голос произнес: «Вот он». Его откапывали, но он не мог даже пошевелинуться, чтобы вернуться от удара лопаты или лома... Он обливался потом от ужаса и звал кого-то на своем родном языке... Чья-то рука коснулась его, и тут что-то щелкнуло в его мозгу, и он

снова оказался на Дуврском шоссе, и его касались грубые лапищи шофера. Он свирепо сказал:

— Уберите руки!

— У него пистолет?

— Нет.

— А отчего правый карман оттопыривается?

— Где? Ах, это... Смешно, смотрите — кокосовый орех.

— Ранен?

— Не думаю, — сказал кто-то из темноты. — Пожалуй, только испугался.

— Наденьте-ка наручники.

В одно мгновение он проделал обратный путь — от мертвой кошки через Дуврское шоссе к шахтерскому поселку Бендич. Он почувствовал, как на кистях рук защелкнулись наручники, как кто-то смахнул мусор с закрытых глаз. Стена все так же возвышалась над ним и все с тем же упорством моросил дождь: ничего не изменилось, если не считать кучи разбитого стекла. Над ним склонились два полицейских, а в нескольких шагах небольшая угрюмая толпа с жадностью следила за происходящим. Из церкви донесся голос: «Проповедь взята из...»

— Ладно, — сказал Д., — пошли.

Он с трудом поднялся на ноги — падая, он ушиб спину. Он сказал:

— Я бы посидел минуту, если вы не возражаете.

Полицейский усмехнулся:

— У вас для этого будет достаточно времени.

Один из них взял его за руку и вывел на тусклую улицу. В нескольких шагах от них стоял автобус с табличкой «Вулхэмптон». С его подножки за ним бесстрастно наблюдал парень с сумкой через плечо.

Д. спросил:

— В чем меня обвиняют?

— С вас хватит, — сказал полицейский, — не беспокойтесь.

— Мне кажется, — сказал Д., глядя на наручники, — что у меня есть право...

— Употребление выражений, ведущих к нарушению общественного порядка... и присутствие в огороженном частном владении с целью совершения грабежа. Этого вам достаточно?

Д. засмеялся. Он просто не мог удержаться:

— Два свеженьких пункта. Прейскурант растет...

В участке ему дали хлеба с маслом, чашку какао и заперли в камере. Такого покоя он не испытывал давно. Он слышал, как они звонили по телефону в Вулхэмптон, докладывали о нем, но не мог разобрать ни слова... Вскоре младший полицейский принес тарелку супа. Он

сказал:

— Вы, оказывается, важная птица!

— Еще бы!

— Вас требуют доставить в Лондон и побыстрее. — И добавил уважительно: — Хотят допросить вас.

— О чем?

— Не имею права говорить вам, но вы, наверное, видели газету. Поедете ночным поездом. Со мной. Я, признаться, не возражаю — давненько не бывал в Лондоне.

Д. спросил:

— Не могли бы вы сказать... этот взрыв... кто-нибудь пострадал?

Полицейский с охотой стал разъяснять:

— Какие-то сопляки взорвали сарай с взрывчаткой около шахты. Но, вы не поверите, никто не пострадал. Кроме старого Джорджа Джарвиса. Что он там делал — непонятно. Жалуется, что его сильно контузило, но я-то знаю — старого Джорджа и землетрясение не растрясет.

— Значит, ущерб невелик?

— Никакого ущерба — конечно, если не считать самого склада и нескольких разбитых окон.

— Благодарю вас.

И последняя пуля — мимо.

Часть четвертая

Конец

I

У судьи были реденькие седые волосы, пенсне и глубокие морщины у рта, придававшие лицу выражение кислого добродушия. Он нетерпеливо постукивал авторучкой по столу. Похоже было, что бесконечное бормотание свидетелей-полицейских, в конце концов, начало действовать ему на нервы.

— Далее перейдем к тому-то и тому-то... Согласно полученной информации... — бубнили полицейские. — Короче, вы хотите сказать... — раздраженно обрывал судья.

Д. разрешили сесть на скамью. Со своего места он видел только несколько судебных чиновников, полицейских, судью и секретаря — все незнакомые лица. Но когда он стоял у входа в зал судебного заседания, ожидая, пока выкликнут его имя, он увидел в зале среди публики мистера Мукерджи, старого доктора Беллоуза и даже мисс Карпентер. Подходя к

скамье подсудимых, он через силу им улыбнулся. Как, должно быть, они озадачены — все, кроме, конечно, мистера Мукерджи, у которого на все случаи жизни были припасены свои теории. Д. чувствовал невыразимую усталость.

Эти тридцать шесть часов тянулись бесконечно. Сначала путешествие в Лондон со словоохотливым полицейским, который не давал ему спать всю ночь своими разговорами о матче по боксу в Альберт-холле, куда он то ли попадет, то ли нет. Потом допрос в Скотланд-Ярде. Вначале это его забавляло — так они были не похожи на допросы с дубинкой, через которые он уже прошел у себя на родине. Допрашивали трое. Они сидели или прохаживались по комнате, стараясь быть щепетильно справедливыми. Время от времени один из них приносил ему на подносе чай и печенье — дешевый чай и вполне съедобное печенье. Иногда они угощали его сигаретами, а он предлагал им свои. Его крепкий черный табак пришелся им не по вкусу, и он усмехнулся про себя, заметив, как они украдкой записали марку сигарет — на всякий случай.

Очевидно, они пытались повесить на него смерть мистера К., и он гадал, что стало с остальными обвинениями: фальшивый паспорт, так называемое самоубийство Эльзы, не говоря уже о взрыве в Бендиче. — Что вы сделали с револьвером? — спросили они. Это был единственный вопрос, связанный с инцидентом в посольстве.

— Бросил в Темзу, — ответил он, усмехнувшись.

Они настаивали на деталях со всей возможной серьезностью — казалось, они готовы нанять водолазов и привезти землечерпалки.

Он пояснил:

— У одного из ваших мостов... Я все забываю их названия.

Они разузнали во всех подробностях о вечере на курсах энтернационо, где он был с мистером К. Они нашли человека, который слышал, как мистер К. устроил скандал из-за преследования. Свидетеля звали Хогпит.

— Я не преследовал его, — сказал Д. — Мы расстались на улице, недалеко от курсов.

— Свидетель по фамилии Фортескью видел вас и какую-то женщину...

— Я не знаю никого по фамилии Фортескью.

Допрос продолжался много часов. Однажды зазвонил телефон. Полицейский повернулся к Д. с телефонной трубкой в руке и спросил:

— Вы ведь знаете, что все это сугубо добровольно? Вы можете отказаться отвечать на вопросы без адвоката.

— Мне не нужен адвокат.

— Ему не нужен адвокат, — повторил полицейский в трубку и положил ее.

— Кто это был? — спросил Д.

— Убей меня бог, не знаю... — сказал полицейский. Он налил Д. четвертую чашку чаю и поинтересовался: — Два куска? Простите, все время забываю...

— Без сахара.

— Извините, пожалуйста.

В тот же день устроили опознание. Для бывшего преподавателя литературы средних веков общество подобралось не самое изысканное. Он с огорчением смотрел на небритые физиономии каких-то типов, смахивающих то ли на сутенеров из Сохо, то ли на официантов из подозрительных кафе. Тем не менее, его позабавила добросовестность полиции. Внезапно вошел Фортескью, держа в одной руке зонтик, а в другой — котелок. Он неуверенно прошел вдоль строя собранных здесь прощелыг — застенчивый, как начинающий политический деятель перед почетным караулом, — и нерешительно остановился против соседа Д. справа — типа с явно бандитским прошлым, который, казалось, не задумываясь, укокошит человека за пачку сигарет.

— Мне кажется... — сказал Фортескью, — нет, возможно, не этот... — Он посмотрел выцветшими грустными глазами на полицейского и сказал: — Простите, но я, знаете ли, близорук, а тут все так непохоже...

— Непохоже на что?

— Я хочу сказать, непохоже на квартирку Эмили... извините, я хочу сказать, квартиру мисс Глоувер.

— Вы же не мебель опознаете, — сказал полицейский.

— Да, конечно. Но к тому же у человека, которого я видел, был пластырь на лице... а здесь ни у кого...

— Попробуйте вообразить пластырь...

— Да-да, — сказал Фортескью, глядя на щеку Д., — вот у этого шрам... он мог бы...

Но следователи вели честную игру и не стали цепляться к словам Фортескью. Они увели его и впустили другого — человека в широкополой черной шляпе, Д. смутно припоминал, что где-то раньше видел его.

— Ну вот, сэр, — сказал ему полицейский, — поглядите, нет ли здесь того пассажира, который, по вашим словам, был в такси?

— Если бы ваш полицейский, — начал свидетель, — обратил внимание на то, что я ему говорил, вместо того, чтобы пытаться арестовать человека за дебош в пьяном виде...

— Да, да. Это была ошибка.

— А тащить меня в полицейский участок якобы за попытку помешать полицейскому это не ошибка?

Полицейский остановил его:

— В конце концов, сэр, мы извинились перед вами.

— Хорошо. Давайте ваших людей.

— Вот они.

— Ах, эти... Ну да, конечно. А добровольно ли они здесь присутствуют? — раздраженно спросил он.

— Конечно. Им всем платят. Не считая, разумеется, задержанного.

— А кто из них задержан?

— Вот это и нужно вам определить, сэр.

Человек в шляпе сказал:

— Да, да, конечно, — и быстро пошел вдоль шеренги. Он остановился перед тем же бандитского вида типом, что пленил Фортескую, и твердо сказал: — Вот он.

— Вы вполне уверены, сэр?

— Абсолютно.

— Благодарю вас.

После этого они уже больше никого не приводили. Возможно, они были уверены, что у них в запасе так много обвинений против него, что они всегда успеют навесить на него самое серьезное. Ну и черт с ними, ему уже все равно. Он проиграл, осталось последнее удовольствие — отрицать все подряд. Пусть доказывают, что хотят. Наконец его снова отвели в камеру-одиночку, и он быстро заснул. Старые сны наполнились теперь новыми подробностями. Он спорил на берегу реки с какой-то девушкой. Она говорила, что Бернская рукопись датируется более поздним временем, чем Бодлианская. Им было изумительно хорошо, они гуляли вдоль тихого ручья, и он сказал: «Роз...» Вовсю пахло весной, а на противоположном берегу видны были небоскребы, похожие на гробницы...

Его с трудом растолкал полицейский:

— К вам адвокат, сэр.

Встретаться с адвокатом ему не хотелось. Еще морока...

Он сказал:

— Вы не совсем понимаете мое положение. У меня нет денег. Точнее, у меня есть пара фунтов и обратный билет.

Защитник оказался бойким молодым человеком со светскими манерами. Он сказал:

— Все в порядке. Об этом уже позаботились. Защиту будет вести сэр Теренс Хиллман. Нам необходимо продемонстрировать, что у вас есть друзья, средства.

— Если два фунта вы называете...

— Сейчас не время обсуждать вопрос о деньгах, — вставил защитник. — Уверю вас, что мы удовлетворены.

— Но если я должен согласиться, я хотел бы сначала знать...

— Мистер Форбс взял на себя все расходы.

— Мистер Форбс!

— А теперь, — продолжал защитник, — несколько деталей. У них подобрана изрядная порция обвинений против вас. С одним мы уже разделились. Мы доказали полиции, что ваш паспорт в полном порядке. Хорошо, что вы вспомнили о надписанном вами и хранящемся в музее экземпляре книги...

Д. стряхнул с себя апатию. Умница. Подумать только, она не забыла этой книги. Он сказал:

— А гибель девочки?

— О, здесь у них не было никаких доказательств. Кстати, управляющая гостиницей призналась. К тому же, она, очевидно, психически ненормальная. Страдает ужасными истерическими припадками. Кстати, это выяснил индеец, который живет у нее, он ходил по соседям и задавал вопросы... Давайте лучше подумаем о более серьезных вещах.

— Когда управляющая призналась?

— В субботу вечером. Об этом написали все воскресные газеты.

Д. вспомнил, как, проезжая в такси через парк, видел стенд с последними новостями. Какая-то сенсация... «Сенсация в Блумсбери»?.. И тут вся фраза прояснилась в его голове: «Сенсация: трагедия в Блумсбери».

Если бы он только купил газету, он оставил бы мистера К. в покое и не было бы всех этих неприятностей. Око за око — правильно, но два за одно — совсем необязательно.

Молодой защитник продолжал:

— Конечно, в некотором смысле наш шанс — множественность обвинений.

— Разве убийство не выделяется в особую статью?

— Сомневаюсь, чтобы они могли предъявить вам сейчас такое обвинение.

Все это было чертовски сложно и не очень интересно. Они его поймали и вряд ли им будет трудно подобрать доказательства. Слава богу, что Роз осталась в стороне. Хорошо, что она не пришла навестить его. Он подумал, не послать ли ей записку через защитника, но потом решил, что у нее достаточно здравого смысла держаться подальше. Он вспомнил ее откровенность: «Я не могла бы любить вас мертвого». И почувствовал необъяснимую мимолетную печаль при мысли, что ради ее любви стоило бы остаться в живых.

И в суд она не пришла — ни на первое, ни на второе заседание, — он бы ее наверняка заметил. Может быть, тогда и он вел бы себя на суде иначе. Если любят, стараются блеснуть умом и отвагой. Если, конечно, он любит.

То и дело пожилой джентльмен с носом, похожим на клюв попугая, вставал и задавал вопросы полицейскому. Д. решил, что это и есть сэр Теренс Хиллман. Разбирательство затягивалось до бесконечности. Затем внезапно все кончилось. Сэр Теренс попросил отсрочить судебное заседание: у его клиента не было времени подготовить защиту должным образом, в деле обнаружилось много неясных обстоятельств. Неясностей действительно много, но зачем требовать отсрочки? Это уже было неясно и самому Д. Ему еще не предъявили обвинений в убийстве, уж лучше бы, конечно, оставить полиции поменьше времени для этого.

Представитель полиции, маленький, нахохленный человечек, заявил, что у него нет возражений. Он саркастически ухмыльнулся в сторону королевского адвоката, как будто подловил сэра Хиллмана на глупости и набрал важное очко. А тот снова вскочил, требуя освобождения под залог.

Начались продолжительные препирательства, смысл которых ускользал от Д. Он бы предпочел оставаться в камере, чем переселяться в отель. Да и, кроме того, кто внесет залог за такого подозрительного и нежелательного иностранца, как он?

Сэр Теренс заявил судье:

— Ваша милость, я возражаю против поведения полиции. Какие-то намеки на более серьезные обвинения. Если так, пусть представят нам эти обвинения, чтобы мы могли их

рассмотреть. А пока что они цепляются за мелочи: хранение огнестрельного оружия, сопротивление аресту... Какому аресту? Аресту на основании фальшивого обвинения, которое полиция не удосужилась как следует проверить?

— Подстрекательство к нарушению общественного порядка, — вставил нахохленный человек.

— Это политика! — отпарировал сэра Теренса. Он повысил голос: — Ваша милость, полиция усваивает привычку, которую, я надеюсь, вы сможете пресечь. Она старается засадить человека в тюрьму на основании каких-нибудь ничтожных обвинений, чтобы выиграть время для подготовки доказательств совершения более серьезных преступлений. И если у них ничего не получается, что ж, человека отпускают и никто больше ничего не слышит об этих страшных подозрениях. Пока что представителю полиции не удалось собрать весомых доказательств.

Перебранка затягивалась. Внезапно судья нетерпеливо вмешался, стуча авторучкой по пресс-папье:

— Я не могу отделаться от впечатления, мистер Фенник, что в словах сэра Теренса есть доля истины. Право же, в предъявленных обвинениях нет ничего, что помешало бы мне назначить залог. Надеюсь, вы не станете возражать против значительного залога. В конце концов, у вас же его паспорт.

Снова начались споры.

Все это носило скорее схоластический характер — у него в кармане было всего два фунта. Вернее, даже не в кармане, а в вещах, отобранных у него после ареста. Судья решил:

— В таком случае я устанавливаю недельный срок временного освобождения из-под ареста под залог в две тысячи фунтов.

Д. не мог удержаться от улыбки — две тысячи фунтов! Полицейский открыл дверцу в загородке, отделяющей скамью подсудимых, и дотронулся до его руки: «Сюда». Он снова оказался в коридоре с облицованными плиткой стенами. Защитник уже ждал его, улыбаясь:

— Сэр Теренс был для них сюрпризом, не правда ли?

— Все это напрасный шум и суета, — сказал Д., — у меня нет денег и потому мне самое место в тюремной камере.

— Все устроено, — сказал защитник.

— Кем?

— Мистером Форбсом. Он ждет вас на улице.

— Я свободен?

— Как птица. На неделю. Или пока у них не будет достаточно доказательств для вашего вторичного ареста.

— Не понимаю, зачем из-за меня столько хлопот?

— В лице мистера Форбса вы нашли хорошего друга, — сказал защитник.

Д. вышел из суда и спустился по лестнице на улицу. Мистер Форбс в модных брюках-гольф беспокойно прохаживался у радиатора своего «паккарда». Они с некоторым смущением

посмотрели друг на друга и воздержались от рукопожатия. Д. сказал:

— Итак, я должен поблагодарить вас за того, кого они называли сэром Теренсом, и за залог. Право, во всем этом не было нужды.

— Хорошо, хорошо, — сказал мистер Форбс. Он бросил на Д. долгий, печальный взгляд, словно хотел прочесть на его лице ответ на какой-то мучивший его вопрос. Он сказал: — Садитесь рядом со мной. Я оставил шофера дома.

— Придется поискать место для ночлега. И еще надо получить в полиции мои деньги.

— Об этом не беспокойтесь.

Они сели в «паккард», и мистер Форбс включил мотор. Он сказал:

— Взгляните, пожалуйста, на указатель бензина.

— Бак полный.

— Ну тогда все в порядке.

— Куда мы едем?

— Если не возражаете, я заскочу по пути на Шепердс-маркет.

Всю дорогу они ехали молча, через Стрэнд, вокруг Трафальгар-сквер, по Пикадилли, пока не подъехали к небольшому дому. Мистер Форбс дважды посигналил, глядя в окно над рыбной лавкой. Он сказал извиняющимся тоном:

— Я на минутку.

В окне показалось пухлое, смазливенькое личико женщины в розовато-лиловой шали. Она вяло улыбнулась и помахала рукой.

— Извините, — сказал мистер Форбс и исчез в подъезде рядом с рыбной лавкой.

По тротуару лениво тащился жирный кот, остановился, брезгливо понюхал рыбью голову на решетке водостока и отвернулся.

Мистер Форбс вышел, сел за руль и, включив мотор, украдкой взглянул на Д.

— Она неплохая девушка.

— Да?

— Я думаю, она всерьез привязана ко мне.

— Неудивительно.

Они ехали по мосту Найтсбридж. Форбс сказал:

— Вы иностранец. Вам, возможно, покажется странным, что я соержу Салли и в то же время... люблю Роз.

— Мне-то какое дело.

— Мужчина должен как-то устраивать свою жизнь, а у меня вот все как-то не складывается... до этой недели.

— Угу, — сказал Д. и подумал: я начинаю говорить, как Джордж Джарвис.

— И кроме того, иногда это и приносит пользу, — сказал мистер Форбс.

— Еще бы.

— Вот сегодня, например. Она готова поклясться, если понадобится, что я провел с ней весь нынешний день.

— Не понимаю, зачем это вам может понадобиться.

Все время, что машина шла по Хаммерсмит, оба молчали. Лишь когда выехали на Уэстерн-авеню, мистер Форбс снова заговорил:

— Вы, наверное, несколько озадачены?

— Немножко.

— Вы, конечно, отдаете себе отчет в том, что вам придется немедленно покинуть нас — раньше, чем полиция соберет достаточно доказательств о вашей роли во всей этой несчастной истории. Одного револьвера было бы достаточно.

— Не думаю, что они его найдут.

— Вам нельзя рисковать. Понимаете, попали вы в К. или нет, юридически — это все равно убийство. Они вас не повесят, полагаю, но уж поверьте мне, лет пятнадцать вы получите.

— Может, и так. Но вы забываете про залог.

— Это уж мое дело. Вы должны уехать сегодня же. Вечером отправляется пароход с грузом продовольствия для вашей страны. Особого комфорта, правда, не будет и в пути не исключена бомбежка, но это уже ваши заботы... — В голосе его послышался какой-то сбой. Д. быстро взглянул на выпуклый семитский лоб, темные глаза над ярким галстуком — Форбс плакал. Немолодой еврей сидел за рулем машины, едущей по Уэстерн-авеню, и плакал. Форбс сказал:

— Все подготовлено. Вас тайно доставят на борт после того, как пароход пройдет таможенные формальности.

— Очень любезно с вашей стороны... Столько хлопот из-за меня.

— Я это делаю не для вас. Роз просила меня сделать все, что я смогу.

Так вот откуда его слезы — любовь... Они выехали на шоссе и повернули на юг. Словно парируя чье-то обвинение, мистер Форбс жестко сказал:

— Я, конечно, поставил свои условия.

— Какие?

— Чтобы она не виделась с вами. Я не разрешил ей пойти в суд.

— И она обещала выйти за вас замуж, несмотря на Салли?

— Да. Откуда вы знаете, что Роз известно про Салли?

— Она мне говорила.

Ну вот, так-то оно лучше, — подумал он. — Какой из меня влюбленный? А к Фурту она понемногу привыкнет. В старое время никто не женился по любви — люди заключали соглашения о браке. Это тоже соглашение. И незачем мучиться. Я должен радоваться — радоваться, что могу снова вернуться к могиле жены, не изменив ей.

Мистер Форбс сказал:

— Я высажу вас у отеля в Саут-Кроле. За вами заедут и посадят на катер. Вы не привлечете к себе внимания, это курорт и даже в это время года там хватает приезжих. Климат ничуть не хуже, чем в Торки.

Они погрузились в угрюмое молчание — жених и любовник, если считать его любовником... Было уже часа три, они проезжали пустынными равнинами Дорсета, когда мистер Форбс сказал:

— Знаете, а вы, в общем, кое-чего добились. Как вы думаете, у вас будут неприятности, когда вы вернетесь?

— Скорее всего.

— Но этот взрыв в Бендиче... Ведь он взорвал и контракт Л. Взрыв — и смерть К.

— Не понимаю.

— Вы не получили уголь, но и Л. его тоже не получит. Сегодня рано утром мы провели совещание и расторгли контракт. Слишком велик риск.

— Риск?

— Конечно — мы расконсервируем шахты и тут же вмешается правительство... Вы не могли бы устроить всему этому делу лучшей рекламы, даже если бы купили первую полосу в «Дейли мейл». Уже была передовица о политических гангстерах и о том, что ваша гражданская война перекинулась в Англию. Мы оказались поставлены перед выбором: либо подать на газету в суд за клевету, либо расторгнуть контракт и заявить, что мы его подписали в полной уверенности, что уголь предназначался для Голландии. Мы предпочли расторгнуть контракт.

Итак, если не всю победу, то половину ее он увезет. А значит, мрачно размышлял он, дела уж не так плохи, расчеты с жизнью откладываются — его не поставят сразу к цементированной кладбищенской стенке, а оставят на милость вражеских бомб... С гребня холма открылось море. Он не видел его с того самого туманного вечера в Дувре, когда под крик чаек сошел на берег. Где-то справа показалась цепочка вилл, замерцали огни, и из моря выполз пирс, словно сороконожка с иллюминированной спиной.

— Саут-Крол, — сказал мистер Форбс. На огромном сером фоне моря не видно было ни одного пароходного огонька, и он добавил с некоторым беспокойством: — Темнеет.

— Мне куда?

— Вон видите отель слева, милях в двух отсюда?

Машина покатила под гору и подъехала к отелю. Он напоминал скорее поселок, чем отель, или, уж если сравнивать, то аэропорт: несколько кругов отделанных хромированной сталью коттеджей, центральная башня, сияющая освещенными окнами, поле и снова коттеджи.

— Наше «Лидо», — сказал мистер Форбс. — Новые идеи в строительстве общедоступных отелей. Тысяча номеров, спортивные площадки и плавательные бассейны...

— А море?

— Его еще не подогревают. — Форбс хитро прищурился. — Честно говоря, я купил это местечко. Наша реклама приглашает: «Морской круиз на суше. Специалисты-тренеры. Концерты. Спортивные залы. Наличие обручальных колец у молодых людей администрация не проверяет. Вы на море, но вас не укачивает. И главное — дешево!» — Он произнес все это с нескрываемой гордостью. — Салли очень интересуется такими вещами. Она, знаете ли, большой мастак по физической подготовке.

— Я вижу, вы вложили сюда не только деньги, но и душу.

— Я бы еще больше здесь понастроил. Должно же у человека быть какое-нибудь увлечение. Я тут привез одного парня с большим опытом по придорожным гостиницам. Если ему понравится, я сделаю его управляющим и положу ему полторы тысячи фунтов в год. Мы хотим превратить «Лидо» в круглогодичный курорт. Сами увидите — сейчас как раз начинается рождественский сезон.

Проехав еще немного, мистер Форбс затормозил и сделал последние наставления:

— Для вас оставлена на ночь комната. Вы будете не первым, кто исчезает, не оплатив счета. Мы, конечно, сообщим полиции, но я надеюсь, вы не станете возражать против еще одного пункта обвинений. Ваш номер 105-С.

— Звучит, как номер тюремной камеры.

Мистер Форбс оставался серьезным.

— За вами придут прямо в номер. По-моему, все должно сойти гладко. Дальше я не поеду. Ключ возьмете внизу у дежурного.

Д. сказал:

— Я понимаю, что нет смысла благодарить вас, но все же... — Он стоял у машины и не мог подобрать нужных слов. — Передайте мой сердечный привет Роз, хорошо? И поздравления. Я от души поздравляю ее. — Он запнулся. Его поразило лицо Форбса, искаженное ненавистью. Наверное, несладко, когда соглашаются стать твоей женой на таких унижительных условиях — с приданным в виде другого мужчины.

Он сказал:

— О лучшем друге Роз и мечтать не могла.

Форбс включил стартер и рванул машину с места. Если им двигала не ненависть, то отчаяние... Д. повернулся и зашагал к неоновой арке центрального входа. Над аркой чернели два огромных, утыканных электрическими лампочками бутафорских пудинга. Электропроводку еще не доделали до конца, оба пудинга выглядели уродливо и неаппетитно.

Канторка дежурного администратора находилась сразу у входа.

— О, да, комната вам заказана по телефону вчера вечером, мистер... — он взглянул на бланк, — Дэвис. Когда прибудет ваш багаж?

— Я прошелся пешком от Саут-Крола. Багаж должен быть уже здесь.

— Желаете, чтобы я позвонил на станцию?

— Подождем еще час-другой. К обеду, наверное, переодеться не обязательно?

— Разумеется. Абсолютная свобода. Тренер вам нужен?

— Мне бы хотелось сначала просто подышать свежим воздухом.

Он шел по кругу, вдоль коттеджей с плоскими крышами для солнечных ванн. Мужчины в шортах, с посиневшими от холода коленками, резво гонялись в сумерках друг за другом. Девушка в пижаме кричала какому-то лысому толстяку:

— Солнышко, ты не знаешь — они уже набрали баскетбольную команду?

Номер 105-С походил на каюту. В нем был даже пароходный иллюминатор вместо окна и откидная раковина умывальника, прижатая к стене — для экономии места. Еще чуть-чуть и потянет запахом машинного масла и загудят двигатели в машинном отделении. Он вздохнул — ох, уж эта Англия: верная себе, она сохраняет свои причуды до самого конца, причуды страны, двести пятьдесят лет не знавшей гражданских войн. Со всех сторон доносился шум: слышался смех, который принято называть счастливым, гремели радиоприемники, настроенные на разные станции. Сквозь тонкие стены можно было расслышать все, что происходит у соседей. Кто-то, кажется, развлекался, швыряя в стену туфли. Как и в настоящей каюте, в комнате было нестерпимо жарко. Д. открыл окно-иллюминатор, и в ту же минуту в нем появилась голова молодого человека:

— Хелло!

— Да? — устало спросил Д., сидя на кровати. Вряд ли это те, кого он ждал. — Я вам нужен?

— О, простите. Я думал, это комната Бегемота.

— А там кто, Кабанчик? — спросил девичий голос.

Голова молодого человека исчезла. За окном послышался его шепот: — Какой-то иностранный дядя. — Дай-ка я погляжу. — Не сходи с ума. Тебе нельзя. — Нельзя? — Носатая девица со взбитыми волосами всунула в окно голову, хихикнула и исчезла. И снова чей-то голос:

— А вот и Бегемот. Где ты шлялся, старый потаскун?

Д. лежал на спине и думал о Форбсе, возвращающемся сейчас в темноте в Лондон. Кого он захочет увидеть раньше — Роз или Салли?.. Где-то пробили часы. Теперь, по крайней мере, конец. Чем скорее он вернется на родину, тем лучше. Он постарается забыть глупую, смешную девчонку, швыряющую булку в туман... Он задремал и проснулся, поглядел на часы — прошло полчаса. Сколько еще ждать? Он подошел к окну и выглянул на улицу. На землю под стенами его стального бунгало падал свет из иллюминаторов, а дальше — ничего, лишь тьма да протяжные сокрушенные вздохи моря, то полощущего пляжную гальку, то уползающего вспять. И ни одного огонька, ни одного стоящего на якоре судна.

Он открыл дверь. Коридоров не было. Каждая комната выходила на открытую палубу-веранду. Башня центрального корпуса высилась на фоне облаков, как капитанский мостик. Луна мчалась по покрытому мраморными прожилками небу. Поднялся ветер, и море казалось совсем рядом... Странно — стоять и знать, что никто тебя не ловит — впервые с того момента, как он сошел на берег, он чувствовал себя в полной безопасности под охраной суда, отпустившего его под залог.

Он быстро шел, вдыхая прохладный вечерний воздух, вдоль маленьких душевых комнат. Радио было в каждом номере, и слышалась музыка Люксембурга, Штутгарта, Хильверсума. Варшава с трудом пробивалась сквозь помехи. Лондон передавал беседу об Индокитае.

Широкие, покрытые резиной ступени вели к стеклянной двери клуба, занимавшего нижний этаж центральной башни. Он вошел в клуб. На столе лежали вечерние газеты, блюдце, полное мелочи, свидетельствовало о действующей системе «доверия». Из угла, где группа мужчин потягивала виски, несся оглушительный смех. Кроме них, в этом зале из стекла и стали было пусто, если не считать столиков, кресел, игровых автоматов и бильярдного стола. Чуть дальше, у служебного входа, расположился молочный бар. Д. вдруг сообразил, что у него нет ни пенни. Мистер Форбс не дал ему даже времени забрать в полиции те два фунта. Не очень-то будет складно, если он не попадет на судно... Он взглянул на стопку газет и подумал: ко всем его преступлениям вполне можно добавить еще и мелкое воровство. Никто на него не смотрел. Он небрежно подошел и взял газету.

Знакомый голос произнес:

— Отличный трюк, сэр, браво!

Все-таки Господа Бога, подумал он, правильнее всего изображать в виде карточного джокера. Ну, не бред ли — проделать весь этот страшный путь, чтобы в самом его конце снова встретиться с капитаном Керри. Он вспомнил, что мистер Форбс рассказывал о человеке с опытом по части придорожных гостиниц... Что ж, наверно, это не лучший момент для дружеских приветствий. Он раскрыл газету и спрятался за ней. Кто-то произнес с лакейской почтительностью в голосе:

— Простите, сэр, но мне кажется, вы забыли положить монетку?

Из-за раскатов смеха он не услышал шагов официанта. Доверие доверием, но при этом не спускают бдительного ока с блюдечка для медяков. Он полагал, что Бегемот, Солнышко и другие постояльцы мистера Форбса не слышат его диалога с официантом.

— Простите, у меня нет мелочи, — сказал он.

— О, я дам вам сдачи, сэр.

Д. сидел спиной к веселящейся компании, но ему показалось, что смех прекратился и они прислушиваются. Он сказал, засунув руку в карман:

— Кажется, я оставил деньги в другом костюме. Я заплачу позже.

— Какая комната, сэр? — Не иначе как они вознамерились сколотить капитал на этих пенни.

— 105-С.

Голос капитана Керри выкрикнул:

— Ого, черт меня побери!

Не стоило уклоняться от встречи. В конце концов за него внесен залог, так что Керри никакого вреда ему причинить не может. С удивлением он увидел, что Керри — тоже в шортах. Осваивает, очевидно, местный стиль. Д. сказал:

— Не ожидал вас здесь встретить.

— Еще бы, — сказал капитан Керри.

— Увидимся, я думаю, за обедом, — с газетой в руках он направился к выходу.

Капитан Керри встал:

— Нет уж. Никуда вы не пойдете.

— Не понимаю.

— Это тот самый тип, о котором я вам рассказывал, ребята.

Две лунообразные немолодые физиономии, раскрасневшиеся от виски, смотрели на него с благоговейным ужасом.

— Не может быть!

— Да.

— Черт меня побери, если он не спер газету, — сказал один из них.

— Он способен на что угодно, — прибавил капитан Керри.

— Не соизволите ли вы, — сказал Д., — дать мне дорогу. Я хочу пройти к себе в комнату.

— Скажите, пожалуйста! — возмутился капитан Керри.

Один из его спутников робко сказал:

— Осторожнее, старина. У него может быть пистолет.

Д. сказал:

— Я не совсем понимаю, джентльмены, в чем дело. Я не беглец от правосудия, или как это называется? Я отпущен под залог, и нет такого закона, который запрещал бы мне проводить время там, где мне вздумается.

— Буквоед, однако, — бросил один из них.

— Не заговаривайте нам зубы, — отрезал капитан Керри. — Вы ухлопали своего дружка. Вы, наверное, думали, что смоеетесь отсюда, но вам не обдурить Скотланд-Ярд. Лучшая полиция в мире.

— Не понимаю.

— Надо читать газеты. Выдан ордер на ваш арест... Гляньте: «В последний час...» Вас ищет полиция за убийство.

Д. посмотрел в газету: так оно и есть. Сэр Теренс Хиллман не надолго их одурачил. Полиция, видимо, спохватилась, как только он вышел из здания суда. Его искали, и капитан Керри блестяще завершил охоту. Он взирал на свою добычу сурово, но и не без уважения. Убийство — это не кража автомобиля. Он соблюдал английскую традицию — обращаться с осужденным мягко, включая завтрак перед казнью. Капитан Керри сказал:

— Теперь нас трое против одного. Спокойно. Незачем устраивать скандал.

Д. сказал:

— Дайте мне сигарету.

— Да, пожалуйста, оставьте себе всю пачку, — и, подозвав официанта, продолжал, не меняя тона: — Позвоните в Саут-Крол, в полицию и скажите, что мы его задержали.

— А пока можно и посидеть, — сказал один из его спутников.

Они смущенно топтались между Д. и дверью — чувствовалось, что им бы не хотелось

заламывать ему руки, или вязать его, или еще что-нибудь сделать и оказаться таким образом замешанными в публичном скандале. Когда Д. сел, они с облегчением вздохнули и придвинули к нему свои стулья.

— Послушай, Керри, — сказал один из них, — я думаю, что ничего не случится, если дать парню выпить. — И добавил, явно напрасно, с точки зрения Д.: — Вряд ли ему удастся выпить еще раз.

— Что вы пьете? — спросил капитан Керри.

— Предпочитаю виски с содовой.

— Шотландское?

— Пожалуйста.

Когда официант вернулся, Керри сказал:

— Шотландское виски. А моя просьба?

— Да, сэр. Они сказали, что будут через пять минут и чтоб вы не спускали с него глаз.

— Еще бы! Они что там — нас за дураков держат?

Д. сказал:

— Я полагаю, что в Англии людей считают невиновными, пока не докажут их вину.

— О да, — сказал Керри. — Это верно. Но полиция не станет арестовывать человека, не располагая проверенной информацией.

— Понятно.

— Конечно, — сказал капитан Керри, добавляя из сифона в виски содовую воду, — вы, иностранцы, всегда допускаете одну и ту же ошибку. В своей стране вы убиваете друг друга — и никого это не волнует, но если уж вы занимаетесь такими делишками в Англии, будьте любезны отвечать.

— Ты помнишь Блу? — один из двух спросил Керри.

— Тони Блу?

— Именно. Того самого, который так скверно сыграл тогда в матче Лансинг-Брайтон. Промазал пять мячей.

— Ну и что?

— Он однажды поехал в Румынию. Так он там видел, как какой-то тип прямо на улице стрелял в полицейского. Блу мне сам рассказывал...

— Трепло твой Блу.

Д. сказал:

— Вы не возражаете, если я схожу к себе в комнату за вещами? Пусть один из вас пойдет со мной. — Ему пришло в голову, что из своей комнаты, когда придут за ним с судна, он сможет хоть попытаться... Здесь же им ни за что его не отыскать.

— Лучше обождать полицию, — сказал приятель Блу, — не стоит рисковать.

— Еще выстрелит и убежит...

— Куда я убегу! — сказал Д. — С вашего-то острова.

— Не будем рисковать, — сказал Керри.

А что если, подумал Д., те уже приходили и никого не застали в номере 105-С.

Керри сказал:

— Ребята, вы последите минутку за дверью, а я тут с ним перекинусь парой слов. Идет?

— Конечно, старина.

Керри перегнулся через подлокотник своего кресла и тихо сказал:

— Послушайте, вы ведь джентльмен, не так ли?

— Не уверен... Это ведь чисто английское понятие.

— Я хочу сказать... Вы лишнее не болтайте. Незачем впутывать в такие дела приличную девушку.

— Я не совсем улавливаю...

— Видите ли, в газетах было написано, как какой-то Форестер застал вас с женщиной...

— Да, я читал про Фортескью.

— Вот-вот. Так он...

— Я ведь и сам ничего о ней не знаю — разве, что она случайная проститутка.

— В том-то и дело, — сказал Керри и обернулся к своей компании: — Все в порядке, ребята. Еще разок по виски?

Приятель Блу сказал:

— Я угощаю.

— Нет, ты уже ставил, сейчас моя очередь.

— Ты тоже уже ставил.

— Бросим монетку.

Пока они спорили, Д. смотрел поверх их плечей на большую стеклянную дверь. У входа горели яркие фонари, освещая газон перед дверью, за которым стояла тьма. Отель выставлял себя на обозрение миру, но сам мир оставался невидимым. И где-то там во тьме шло невидимое грузовое судно — к нему на родину. Вот когда он по-настоящему пожалел, что отдал в Бендиче свой револьвер — ребяташки неплохо сработали, но лучше бы один патрон прекратил сейчас это скучное и не в меру затянувшееся дело.

Вошла стайка девиц, впустив с собой в душный зал немного свежего воздуха. Они были шумливы, сильно накрашены и неуверены в себе. Чувствовалось, что они старались походить на юных леди из высшего общества, к каковому, увы, не принадлежали. Девицы радостно загомонили:

— Хелло, а вот и наш капитан Керрисавчик!

Керри покраснел до воротника рубашки. Он сказал:

— Послушайте, девушки, — вы не могли бы выпить где-нибудь в другом месте? Нам тут надо посидеть без посторонних.

— Как это понять, Керрисавчик?

— Важный разговор...

— Небось, похабные анекдотики? Что ж, слушаем.

— Нет, девушки. Я серьезно — важное дело.

— Почему они зовут вас Керрисавчиком? — спросил Д.

Керри снова залился румянцем.

— Представьте нас этому очаровательному иностранцу, — не унималась толстая девица.

— Нет, нет. Исключено. Абсолютно невозможно.

Два человека в макинтошах распахнули дверь и заглянули в клуб. Один из них сказал:

— Кто тут вызывал...?

Капитан Керри сказал:

— Слава богу. Вы из полиции?

Они посмотрели на него, и один из них сказал:

— Да.

— Вот ваш подопечный.

— Вы Д.?

— Да. — Д. встал.

— У нас ордер на ваш арест по обвинению в...

— Не продолжайте, — сказал Д. — Я знаю, в чем меня обвиняют.

— Предупреждаем — все, что вы сейчас скажете...

— Да, да, это мне известно. Пойдемте. — И повернувшись к девушкам, которые стояли, раскрыв от изумления рты, добавил: — Теперь Керрисавчик в вашем распоряжении.

— Сюда, — сказал полицейский, — машина ждет у ворот.

— Наручники?

— Не думаю, чтобы они понадобились, — подтолкнул его полицейский, хмуро усмехнувшись.

— Двигайтесь поживее.

Один из них легонько взял его под руку. Они вполне могли бы сойти за дружескую компанию, возвращающуюся с вечеринки.

Сколько же такта у этих английских стражей закона, подумал Д., больше всего в этой стране боятся скандалов.

Их поглотила темнота. Фонари фантастического хобби мистера Форбса затмевали звезды.

Где-то далеко в море мерцал огонек. Смешно, если это тот самый пароход, на котором он должен был уплыть из Англии, освободив ее от своей заразы, а друзей — от неудобств, опасности разоблачения, постоянной необходимости держать язык за зубами... Интересно, что скажет мистер Форбс, узнав из утренних газет, что его поймали?

— Быстрее, — снова подтолкнул его один из полицейских, — мы не можем возиться с вами до утра.

Они вывели его через неоновую арку, махнув рукой портье. А все-таки одним грехом у него будет меньше — они не смогут теперь добавить ко всем его преступлениям неуплату счета. Машина стояла на некотором удалении от ворот, с выключенными фарами — не иначе, подумал он, не хотят компрометировать порядочный отель, привлекая лишнее внимание к визиту полиции. В этой стране всегда охраняют спокойствие налогоплательщика... За рулем сидел третий. Как только они подошли, он включил мотор и фары. Д. сел на заднее сиденье между двумя полицейскими. Они выехали на шоссе и свернули к Саут-Кролу.

Один из двух, что сидел сзади, вытащил платок и принялся вытирать лоб.

— Черт возьми, — пробормотал он.

Внезапно они свернули с шоссе. Тот же человек объяснил:

— Когда мне сказали, что вы задержаны, у меня подкосились ноги.

— Так вы не из полиции? — он даже не почувствовал радости — опять все сначала.

— Да какая там полиция! Задали вы нам задачу: ну, думаю, сейчас возьмет и потребует ордер. А вы, наверное, догадались?..

— Нет, я знал, что за мной выслан полицейский патруль.

— Нажми-ка, Джо.

Машину затрясло на выбоинах. Шум моря нарастал, прибор дробился о камни где-то совсем рядом.

— Вы хорошо переносите качку? — спросил второй сосед.

— Терпимо.

— Это пригодится. Ночь бурная, а уж в заливе будет похуже, чем в бухте.

Машина остановилась. Свет фар освещал несколько футов бурой каменистой тропинки и исчезал в пустоте. Они вышли на край невысокого утеса.

— Скорее, — опять сказал один из них. — Нам нужно поторапливаться. Полиция быстро сообразит что к чему...

— Но ведь они и в море могут приказать пароходу остановиться?

— Ну, пошлют нам пару радиogramм вдогонку. А мы им ответим, что в глаза вас не видели. Уж не думаете ли вы, что они отправят за вами крейсер? Велика честь! Не такая уж вы важная птица!

Они осторожно спустились с утеса. Внизу, в бухточке на цепи плясала моторная лодка.

— А как же машина? — спросил Д.

— Бог с ней.

— Но ведь они могут опознать, кому она принадлежит?

— Пусть отыщут магазин, где мы ее сегодня утром купили за двадцать фунтов. И конфискуют, если она им понравится. По мне, так я ни за что больше не сяду в такой рыдван, даже за целое состояние.

Но, видимо, мистер Форбс уже уплатил ему небольшое состояние. Они с трудом вывели лодку из укрытия, и ее тут же встретили удары волн. Море набросилось на них, словно враг, заранее поджидавший жертву. Оно нисколько не походило на бездушную силу, равномерно набегающую длинными валами. Нет, оно походило на сумасшедшего с кайлом в руках, лупившего по лодке то слева, то справа. После короткого затишья следовала новая серия ударов. И снова недолгий покой. Ни времени, ни возможности оглянуться, посмотреть на берег, и только один раз, когда Д. показалось, что они взлетели не иначе как на крышу мира, он увидел вдали россыпь огней отеля под тусклой луной.

Больше часа добирались они до грязного суденышка под голландским флагом водоизмещением тысячи на три тонн. Д. подняли на палубу лебедкой, словно мешок или ящик, и тут же проводили вниз. Моряк в старом свитере и заношенных серых брюках предупредил:

— Посидите внизу часок-другой. Так-то будет лучше.

Каютка была крохотная, рядом с машинным отделением. Кто-то предусмотрительно положил на кровать пару старых брюк и непромокаемый плащ: на Д. не осталось и сухой нитки. Иллюминатор был плотно задраен, по железной стенке возле койки торопливо бежал таракан. Ну, вот, — подумал он, — я почти дома. И, кажется, в безопасности. Если вообще существует на свете безопасность. Я выбираюсь из одной опасности и попадаю в другую.

Он присел на край койки — кружилась голова. В конце концов, подумал он, не те у меня годы для такой жизни. Он вдруг с жалостью подумал о мистере К., который так мечтал о тихой жизни в университете подальше от линии фронта. Что ж, по крайней мере, одна его мечта сбылась — он не умер в своем классе-кубике на курсах энтернационо, в присутствии какого-нибудь педантичного азиата вроде мистера Ли, которого возмутило бы досрочное завершение заранее оплаченного урока. Другое дело — Эльза. Но и для нее самое страшное позади, во всяком случае, ничего худшего с ней уже произойти не может. Мертвым можно позавидовать. Только живые страдают от одиночества и недоверия. Он встал и вышел на палубу — ему нужен был воздух.

Ветер швырнул ему в лицо пригоршню колючих брызг. Он взялся за поручни. Огромные волны в пенных шапках выростали на мгновение перед носом судна и уносились куда-то в невидимую бездну. Вдали мигал огонек — Лэндс-Энд?[28] Нет, так далеко от Лондона они еще не могли уйти. И от мистера Форбса, мчавшегося по ночному шоссе к ждущей его Роз. Или к Салли?..

Знакомый голос произнес:

— Это Плимут.

Он не обернулся, не зная, что сказать. Он боялся. Сердце обмерло, как у мальчишки. Он сказал:

— А мистер Форбс...

— О, Фурт, — сказала она, — Фурт отказался от меня.

Так вот откуда слезы на Уэстерн-авеню и полный ненависти взгляд на холме у Саут-Крола.

— Он сентиментален, — сказала она, — и предпочел красивый жест. Бедный старый Фурт.

Одной фразой она покончила с ним — он отдалялся от них в соленую и рокошущую темноту со скоростью десяти узлов.

Д. сказал:

— Я старик.

— Если для меня это ничего не значит, — сказала она, — какая разница — кто ты. Ты живой, это главное для меня. Я знаю, ты умеешь хранить верность, но я уже тебе говорила, что не умею любить мертвеца и не буду.

Он быстро взглянул на нее. От брызг ее волосы висели мокрыми прядями. Она выглядела старше, чем прежде — старше и проще. Как будто хотела убедить его, что ее красота и блеск молодости отнюдь для них не самое главное. Она сказала:

— Когда ты умрешь, она снова получит тебя. Тогда уж я не смогу с ней соперничать. А когда-нибудь придет время, и мы все умрем.

Последний огонек потерялся за кормой. Впереди был лишь плеск волн, долгий путь и темнота. Она сказала:

— Ты умрешь очень скоро, и нечего говорить мне об этом — я и сама знаю, но пока...

Комментарии

Над романом «Доверенное лицо» Грин работал в преддверии второй мировой войны, в тревожной атмосфере Мюнхенского соглашения, развязавшего руки Гитлеру. По признанию писателя, само обращение к роману было в известной степени вызвано беспокойством за семью, поскольку Грин, вступивший в «Офицерский боевой резерв», — «загадочную организацию», которая «вербовала представителей свободных профессий, журналистов, банковских служащих и Бог знает кого еще», — при объявлении военных действий должен был отправиться в армию.

Тогда, в 1938 г., после возвращения из Мексики писатель обратился к созданию одного из программных для него произведений — «Сила и слава». Книга продвигалась медленно и, по мнению автора, не сулила ему финансового успеха. Вот почему, стремясь обеспечить жену и детей на случай своей мобилизации, Грин решил поскорее написать роман с напряженным сюжетом, который бы привлек внимание публики. Чтобы сосредоточиться только на творчестве, он снимает студию в районе Мекленбург-сквер, в так называемом доме королевы Анны. Режим работы у Грина был жесточайший. Вместо обычной нормы — пятисот слов в день, он пишет две тысячи, с утра обращаясь к «Доверенному лицу», а после к «Силе и славе», и приходит домой в пять часов пополудни, совершенно измученный. В итоге роман «Доверенное лицо» был завершен в рекордно короткий срок — через шесть недель! Опубликован он был в 1939 г. сразу в двух, как это уже сложилось для Грина, издательствах: английском — «Хайнеманн» и американском — «Вайкинг Пресс».

Жанр, к которому обращается писатель, обозначаемый как entertainment («развлекательное чтение»), был уже опробован им в 1932 г. в «Стамбульском экспрессе» и в 1936 г. в «Наемном убийце». Поначалу и «Брайтонский леденец» имел в подзаголовке такое же жанровое определение, но потом был причислен к группе «серьезных романов», что еще раз свидетельствует об известной зыбкости границ между этими жанровыми разновидностями (о чем уже шла речь во вступительной статье). Однако применительно к романам начала 30–40-х гг. следует сделать одну оговорку. В этот период между «серьезными» и «развлекательными» произведениями четко выявляется существенное различие. В католических романах «Сила и слава», «Суть дела», отчасти уже в «Брайтонском леденце» Грин тяготеет к постановке масштабных моральных и религиозно-философских проблем в их наиболее общем, вневременном звучании. Зато произведения «развлекательного» жанра («Наемный убийца», «Доверенное лицо», «Ведомство страха») уже на фабульном уровне связаны именно с политической злобой дня: Грин изображает провокации, подрывную деятельность реакционных сил, наличие фашистского подполья в Лондоне, а интересы целого ряда персонажей, их действия осмысливает подчеркнуто как социально обусловленные.

С очевидностью тяготея к жанру политического детектива, «развлекательные» романы еще в большей степени обнаруживают черты детектива психологического. Это проявляется не только в том, что внимание автора все время приковано к душевному состоянию героя, как правило травмированного, но и в том, что внезапные повороты в сюжете нередко обусловлены как раз изменением чувств героя, его внутренним потрясением.

На примере романа «Доверенное лицо» советский читатель получает возможность познакомиться с наиболее ярким образцом гриновских романов этого типа. О том, каков был замысел писателя, сохранилось свидетельство критика Дж. Макларена-Росса, встречавшегося с Грином в 1938 г. и спустя много лет поведавшего об этом на страницах журнала «Лондон мэгазин» (декабрь 1964 г.). По словам критика, Грин, сотрудничавший в то время с кинорежиссером Александром Кордой, даже задумывался о сценарии возможного фильма, но предполагал, что взволновавшая его коллизия покажется кинокомпания «для фильма слишком опасной», поскольку речь идет об «агенте испанского правительства, который приезжает с тайной миссией в Лондон во время гражданской войны и обнаруживает, что война преследует его и там».

Испания в романе открыто не называется, хотя упоминание о гражданской войне в одной из европейских стран позволяет читателю с первых строк безошибочно определить географический и политический адрес событий. Абстрагируясь от конкретных фактов франкистского мятежа и сопротивления ему, Грин использует звучащую в подтексте тему Испании как мощный источник эмоциональной напряженности, окрашивающий главный мотив повествования — мотив войны, преследующей героя. Она прочно поселилась в душе агента Д., охваченного скорбью о погибших и погибающих соотечественниках и потому с нервной обостренностью воспринимающего приметы непривычной для него мирной жизни Англии, не знающей войны. (Ирония судьбы: Грин писал эти строки в доме, которому, как и другим, расположенным рядом с ним архитектурным памятникам XVIII века, было суждено спустя два года, во время налетов фашистской авиации, превратиться в руины!)

Война возрастает для Д. и до глобальных размеров — как царящее в мире насилие, и конкретизируется в лице соперника по миссии Л., в котором Д., посвятивший себя поистине рыцарскому служению обездоленным, видит носителя отвергаемой им ложной, жестокой цивилизации. С войной (и здесь в романе Грина находит отзвук тот особый — горький — опыт испанских событий, который вынесли из них Дж. Оруэлл, А. Кестлер и другие западные интеллигенты) связан также мотив тотальной подозрительности, вражды, взаимной слежки, недоверия друг к другу и — соответственно — измены и предательства, разрывающих изнутри политический лагерь, к которому принадлежит Д. В книге воспоминаний «Пути спасения» Грин с гордостью пишет о том, что его близкий друг Ким Филби (сотрудник

«Интеллидженс Сикрет Сервис» и советский разведчик), размышляя о проявлениях сталинизма, ссылаясь в качестве примера на ситуации, изображенные в «Доверенном лице».

Правда, эти ситуации составляют в романе скорее эмоционально-психологический фон, позволяющий оттенить душевную красоту героя, осуществляющего самоотверженное служение гуманистическим идеалам как сугубо личный выбор, и именно этот выбор, именно высокое индивидуальное нравственное чувство агента Д. определяет напряженность внешнего плана конфликта (столкновение героя с политическими врагами и предателями), а также сложной внутренней коллизии — она связана для Д. с решением проблемы гуманизма и активного действия, предполагающего уничтожение врагов. Эта проблема глубоко волнует и самого писателя, искусно подчиняющего ее осмыслению жанровую специфику своего произведения, в котором событийная острота усугубляется драматизмом морально-психологических ситуаций.

Убийство юной Эльзы, глубоко возмутившее агента Д., рождает перелом не только в душе, но и в поведении героя, и в развитии романного действия. Если поначалу Д. выступал жертвой коварных и жестоких врагов и сюжет строился подчеркнуто как серия обрушившихся на него ударов (не случайно название первой части — «Человек, за которым охотились»), то в последующих главах, объединенных заглавием «Охотник», все препятствия героем успешно преодолеваются, в его пользу начинают работать сами обстоятельства, даже наперекор их очевидной логике. Так, автор подчеркивает пробудившуюся активность Д., принявшего на себя миссию мстителя за гибель Эльзы.

Но, став «охотником», агент Д. все больше испытывает внутреннее смятение — не случайно он промахивается, стреляя в изменника К., в котором вдруг тоже начинает видеть несчастного, затравленного нуждой человека, заслуживающего жалости и сочувствия. Не случайно и то, что «последний выстрел» (так называется заключительная часть романа) принадлежит опять-таки не Д., а шайке мальчишек, вредящих взрослым ради своих целей и жестоких забав, но объективно помогающих победе агента Д. над соперником по миссии Л. Грин избавляет своего героя-гуманиста от необходимости стать вершителем возмездия — сама судьба наказывает убийц Эльзы — хозяйку гостиницы и К., но тупиковая ситуация, к которой автор приводит и героя, и читателя, остается. Тупик для Грина состоит в том, что, протестуя против насилия, принимая на себя ответственность за его жертвы и стремясь утвердить идеал гуманизма, человек должен сам стать активным, должен выбрать борьбу, а это с неизбежностью приводит гуманиста к насилию.

Осмысление этой нравственной ситуации Грин продолжил и в произведениях «развлекательного» жанра — «Ведомство страха» (1943), «Наш человек в Гаване» (1958), и в «серьезных» романах последующих десятилетий.

Примечания

Дувр — порт на юго-восточном побережье Англии, наиболее близкий к континенту, отделяемому только проливом Па-де-Кале, который англичане называют Дуврским проливом.

2

Эдуард VII (1841–1910) — английский король, первый из Саксен-Кобург-Готской династии. Годы правления (1901–1910).

3

Библиотека Британского музея — до 1973 г. — крупнейшая библиотека Великобритании, насчитывавшая около 8 млн. томов, более 100 тыс. рукописей. Основана в 1757 г. В 1973 г. в ее состав вошли несколько других библиотек, и она была переименована в Британскую библиотеку.

4

Стиль архитектуры, возникший в период династии Тюдоров (1485-1603); отличается плоскими нисходящими арками, мелкими карнизами, стены обшиты темным деревом.

5

Бернская рукопись. — Предметом исследований героя романа была «Песнь о Роланде» — произведение французского средневекового героического эпоса, воспевавшее подвиги франков и среди них графа Роланда в войне с маврами. Грин приписывает Д. открытие и публикацию Бернской рукописи «Песни о Роланде». В настоящее время специалисты насчитывают семь списков поэмы на старофранцузском языке. Среди них Бернская рукопись не упоминается, наиболее ранний — Оксфордский список (относится к 1100 г.), за ним хронологически следует Венецианская рукопись.

6

Августин Блаженный Аврелий (354–430) — христианский теолог. В трактате «О граде Божьем», написанном под впечатлением взятия Рима ордами Алариха в 410 г., ставится проблема диалектики истории, осмысленная мистически.

7

Пышности церемоний в римско-католической церкви, чего не приемлет Д., усматривающий в этом препятствие искренней вере, способствует и так называемое грегорианское пение, введенное папой Григорием Великим в конце VI в. До Григория ритм церковного пения подчинялся ритму текста, на каждый слог приходилась одна нота. После реформы на один слог приходится несколько тонов, что придает пению большую сложность и торжественность.

8

Строки из стихотворения английского поэта Данте Габриэля Россетти (1828–1882) «Красота души».

9

Мария-Антуанетта (1755–1793) — французская королева, супруга французского короля Людовика XVI (с 1770 г.). Была известна большими тратами на развлечения, за что ее прозвали в народе «госпожа дефицит». Казнена вместе с королем во время французской буржуазной революции (1789–1794).

10

Самсон — герой ветхозаветных преданий, обладал огромной физической силой, которая сохранялась, если Самсон, соблюдая обет, не остригал свои длинные волосы. Враги хитростью выведывают у него тайну, срезают «семь кос головы» и, лишив Самсона силы, берут в плен.

11

Ронсеваль — ущелье, где произошла битва Роланда с маврами.

12

Оливье, Турпин — персонажи поэмы «Песнь о Роланде».

13

Устами Д. Грин не только изменяет содержание поэмы, заявляя, что Роланд гибнет от руки Оливье, но и дает субъективную оценку образам персонажей, приписывая средневековой эпической поэме несвойственный ей психологизм в трактовке человеческого поведения, а также игнорируя характерный для нее культ героизма, военной доблести, проявившийся прежде всего в изображении Роланда и, несмотря на некоторые отличия его от Оливье, объединяющий обоих персонажей: «Мудр Оливье, а граф Роланд бесстрашен, известны оба доблестью своею».

14

Ганелон (Гвенелон) — отчим Роланда, из личной мести договорившийся с маврами об их нападении на арьергардную часть французских войск, возглавляемую героем поэмы.

15

Эдипов комплекс. — В системе понятий психоаналитической теории австрийского врача и ученого З. Фрейда — проявление враждебных импульсов по отношению к отцу, возникающее, по Фрейду, у человека в раннем детстве и вытесняемое в сферу бессознательного. Название комплекса происходит от имени героя древнегреческого мифа Эдипа, который, по неведению, случайно убил своего отца и женился на собственной матери.

16

Иден Антони (1897–1977) — государственный деятель Великобритании, один из лидеров консервативной партии. В 1935–1938 гг. был министром иностранных дел.

17

На некоторых станциях английского метро эскалатор заменяется лифтом, обладающим большой грузоподъемностью.

18

Магазин Баркера — один из крупнейших лондонских универсальных магазинов.

19

Хэрродз — один из самых фешенебельных и дорогих универсальных магазинов Лондона.

20

Галеон — старинное испанское судно больших размеров (три мачты, три или четыре палубы); на судах такого типа испанцы в XV–XVI вв. вывозили из Южной Америки награбленные богатства.

21

Нелл Гвин (1651–1687) — английская актриса, любовница короля Карла II, в юные годы торговала апельсинами около театра «Друри Лейн».

22

Маркиза де Помпадур (1721–1764) — фаворитка (с 1755 г.) французского короля Людовика XV.

23

Маркиза де Ментенон (1635–1719) — дочь французского писателя-гуманиста Агриппы д'Обинье, жена писателя Поля Скаррона. Овдовев в 1660 г., сочеталась тайным браком с французским королем Людовиком XIV.

24

Иерихон — один из древнейших городов в Палестине на территории современной Иордании. В конце второго тысячелетия до н. э. разрушен вторгшимися в Палестину еврейскими племенами. По библейскому преданию, стены города были двойными, но рухнули от громких звуков труб завоевателей.

25

В соответствии с ветхозаветным преданием, Иакову, легендарному родоначальнику «двенадцати колен Израиля», пришлось долго «мучиться», т. е. служить своему дяде Лавану Арамеянину, чтобы получить в жены любимую Рахиль, дочь Лавана.

26

Хогпит (англ. hogpit) — букв.: «логово свиньи»; Суинберн (англ. Swinburne) — фамилия английского поэта (1837–1909), букв.: «свиной ручей».

27

Оксфордские групперы — религиозная секта, основанная американским священником Ф. Бухманом (1878–1961) и существовавшая в 20-е гг. XX в.

28

Лэндс-Энд — мыс на юго-западной оконечности полуострова Корнуолл; крайняя юго-западная точка острова Великобритания; букв.: «конец земли».